

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Политическая
Наука **1** *2022*

POLITICAL SCIENCE (RU)

Москва
2022

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН

Редакционная коллегия

Е.Ю. Мелешкина – д-р полит. наук, *главный редактор*, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН; **В.С. Авдонин** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела политической науки ИНИОН РАН; **Г. Вольман** – д-р юрид. наук, профессор Университета им. Гумбольдта (Германия); **Д.В. Ефременко** – д-р полит. наук, заместитель директора, руководитель Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН; **О.И. Зазнаев** – д-р юрид. наук, заведующий кафедрой политологии Казанского (Приволжского) федерального университета; **М.В. Ильин** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **О.Ю. Малинова** – д-р филос. наук, *заместитель главного редактора*, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **П.В. Панов** – д-р полит. наук, ведущий научный сотрудник Пермского научного центра Уральского отделения РАН; **С.В. Патрушев** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН; **Ю.С. Пивоваров** – академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **И.А. Помигуев** – канд. полит. наук, *ответственный секретарь*, научный сотрудник ИНИОН РАН; **А.И. Соловьёв** – д-р полит. наук, заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. Ломоносова; **Р.Ф. Туровский** – д-р полит. наук, профессор факультета социальных наук НИУ ВШЭ; **Ж. Фаварель-Гарриг** – PhD (Pol. Sci.), ведущий научный сотрудник Центра международных исследований (CNRS) (Франция); **Цуй Вэнь И** – PhD (International Politics), профессор Ляонинского университета (Китай); **П. Чейсти** – PhD (Pol. Sci.), профессор Оксфордского университета (Великобритания)

Редакция журнала

Главный редактор: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук *О.Ю. Малинова*

Ответственный секретарь: канд. полит. наук *И.А. Помигуев*

Научные редакторы: д-р полит. наук *Е.Ю. Мелешкина*, канд. полит. наук *И.В. Кудряшова*

Литературный редактор: канд. полит. наук *О.А. Толтыгина*

Технические редакторы: канд. филос. наук *В.Л. Силаева*, *П.С. Копылова*

Издание рекомендовано **Высшей аттестационной комиссией** Министерства образования и науки Российской Федерации и включено в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» по политологии.

Журнал включен в **Russian Science Citation Index (RSCI)** на платформе **Web of Science**. Издается при участии **Российской ассоциации политической науки (РАПН)**.
ISSN 1998-1775

DOI: 10.31249/poln/2022.01.00

© «Политическая наука», научный журнал, 2022

© ФГБУН «Институт научной информации
по общественным наукам РАН», 2022

POLITICAL SCIENCE (RU)

Political science (RU) is one of the key Russian periodicals dedicated to the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers. The journal is quarterly **published by the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)** and with the assistance of the **Russian Political Science Association (RAPN)**.

The journal always pays attention to the actual situation in the political science in general and its trends, as well as to the overview and analysis of up-to-date scientific achievements. Articles and other materials dedicated to the methodology are featured in the journal. Informational and research & information sources (abstract reviews, synopses, book reviews, etc.), materials from other periodicals and results obtained by various think tanks and institutes are always published in **Political science (RU)**.

Political science (RU) is included in the list of the academic journals recommended by the **High Certification Commission (VAK)** of the Ministry of Education and Science of Russian Federation. The journal is also in the list of the **Russian Science Citation Index** database of the **Web of Science** platform.

Editorial Board

Editor-in-Chief – **Elena MELESHKINA**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Political Science Department, INION RAN (Moscow, Russia);
Deputy Editor-in-Chief – **Olga MALINOVA**, Dr. Sci. (Philos.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Executive secretary** – **Ilya POMIGUEV**, Cand.

Sci. (Pol. Sci.), research fellow, INION RAN (Moscow, Russia); **Vladimir AVDONIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, INION RAN (Moscow, Russia); **Hellmut WOLLMANN**, Dr. Sci. (Law), Prof., Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany); **Dmitry EFREMENKO**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), deputy director, INION RAN (Moscow, Russia); **Oleg ZAZNAEV**, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of Political Science Department, Kazan Federal University (Kazan, Russia); **Mikhail ILYIN**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Petr PANOV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), leading researcher, Department of Research of political institutions and processes, Perm Scientific Center of the Ural Branch Russian Academy of Sciences (Perm, Russia); **Sergey PATRUSHEV**, Cand. Sci. (Hist.), leading researcher, Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); **Yuriy PIVOVAROV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, INION RAN (Moscow, Russia); **Aleksandr SOLOVYEV**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, M.V. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); **Rostislav TUROVSKY**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); **Gilles FAVAREL-GARRIGUES**, PhD in political science, Senior research fellow, CNRS, CERI (Paris, France); **Qu WENYI**, PhD in International Politics, Prof., School of International Studies, Liaoning University (Shenyang, China); **Paul CHAISTY**, PhD, Prof., University of Oxford (Oxford, United Kingdom).

**ТЕМА НОМЕРА:
ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
НА ПОСТИМПЕРСКИХ ПРОСТРАНСТВАХ**

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер 9

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? 14

Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции 52

РАКУРСЫ

Кузенков П.В. Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени 80

Ильин М.В. Translatio imperii. Воспроизводство институционального наследия Рима 100

Хлегов А.А. Варварский политогенез постримской Европы: модели и результаты 138

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Харитонова Е.М. Переосмысление темы империи в современной политической риторике в Великобритании 157

Сафина А.Р. Инкорпорация курдского меньшинства в иракское государство и имперское институциональное наследие 177

Долгов А.Ю. «Онлайн-память» о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР 191

КОНТЕКСТ

<i>Трунов Ф.О.</i> Постколониальный французский Сахель: стратегическое проникновение ФРГ	205
<i>Харитонова О.Г., Кудряшова И.В.</i> Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны.....	224

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

<i>Белякова А.О.</i> Внешняя политика современной Турции: региональная держава в неоимперской перспективе	245
<i>Сейидли С.А.</i> Формирование политической субъектности сирийских туркоман в рамке постимперского национального государства	258

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

<i>Силаева В.Л.</i> Советская эпоха глазами французских исследователей (Рецензия).....	277
<u><i>Пинюгина Е.В.</i></u> Русское евразийство: современное измерение (Рецензия)	283

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

<i>Лавров И.Р., Малащенко А.А.</i> Обзор журнала Journal of Balkan and Near Eastern studies	294
--	-----

CONTENTS

Introducing the issue	9
-----------------------------	---

STATE OF THE DISCIPLINE

<i>Meleshkina E.Yu., Kudryashova I.V.</i> After empires: beating swords into ploughshares	14
<i>Kazarinova D.B., Dunamalyan N.</i> Trajectories of development of post-Soviet identities: approaches, models, trends	52

PROSPECTS

<i>Kuzenkov P.V.</i> The evolution of Empire: from the ancient world to modern times	80
<i>Ilyin M.V.</i> Translatio imperii. Reproduction of the classical imperial institutional heritage	100
<i>Khlevov A.A.</i> Barbarian politogenesis of postroman Europe: models and results	138

IDEAS AND PRACTICE

<i>Kharitonova E.M.</i> Reconsidering the theme of empire in the United Kingdom's current political rhetoric	157
<i>Safina A.R.</i> Incorporation of the Kurdish minority into the Iraqi state and the Ottoman institutional legacy	177
<i>Dolgov A.Yu.</i> Online memory of the Soviet past: social networks as alternative arenas for debates about USSR	191

CONTEXT

<i>Trunov Ph.O.</i> Postcolonial French Sahel: FRG strategic penetration	205
<i>Kharitonova O.G., Kudryashova I.V.</i> Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave	224

FIRST DEGREE

<i>Beliakova A.O.</i> Contemporary Turkey's Foreign Policy: Regional Power in Neoimperial Perspective.....	245
<i>Seyidli S.A.</i> The Syrian Turkmen actorness in the framework of a post-imperial nation-state.....	258

FROM THE BOOKSHELF

<i>Silaeva V.L.</i> The Soviet epoch throw the eyes of French researchers (Review)	277
<u><i>Piniugina E.V.</i></u> Russian Eurasianism: a modern dimension (Review)	283

INTRODUCING SCIENTIFIC JOURNAL

<i>Lavrov I.R., Malasenkova A.A.</i> Review of the «Journal of Balkan and near Eastern studies»	294
--	-----

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Обдумывая тему номера, мы понимали, что вряд ли сможем отразить в одном номере «Политической науки» все направления исследований постимперского развития. В последние годы эта тематическая область переживает заметное возрождение, освобождаясь от избитых клише, а имперский политический опыт отчетливо различим в институциональных и идейных решениях многих национальных государств. Это объясняется целым рядом обстоятельств. Во-первых, бывшие имперские центры предпринимают усилия по реструктуризации своих, казалось бы, утраченных пространств (и в этом ряду и Европейский союз, и постсоветское пространство, и выстраиваемый Ираном «шиитский полумесяц»). Во-вторых, многие не так давно возникшие национальные государства остаются несостоятельными / недостаточно состоятельными и не могут сформировать собственные центры. В-третьих, «постимперская глобализация» вызвала столь существенное изменение международного порядка, что до сих пор не удается найти новые точки его опоры. Наконец, имперская история (или, скорее, имперский дух, учитывая творческое переосмысление и ретрансляцию этой истории) оказывается остро востребованной при создании и поддержании национальной идентичности. Среди совсем недавних примеров – появление таких сериалов, как индийский «Империя» о жизни основателя династии Моголов Захир ад-Дина Бабура или узбекско-турецкий «Я и есть Джалаладдин», в многочисленных комментариях к которым (и даже в лайках и дислайках) разворачивается «борьба за правду» между современными сторонниками и противниками тех или иных исторических персонажей.

Другая проблема крылась в том, что разновидностей империй и национальных государств очень много. Историк Энтони

Хопкинс, сравнивая империи с розами, писал, что только по сладкому аромату невозможно отличить империю от политий других типов или одну империю от другой. То же можно сказать и в отношении национальных государств, распространенные определения которых не позволяют уловить ни особенностей внутренних и внешних аспектов их формирования, ни их институциональной интегрированности.

Авторы данного номера представляют как исследования макроаналитического типа, так и прикладные, посвященные различным аспектам постимперского опыта в современных государствах центра и периферий, выполненные с учетом отмеченных выше проблем.

В традиционно открывающей журнал рубрике «Состояние дисциплины» представлено два материала. В статье И.В. Кудряшовой и Е.Ю. Мелешкиной выявляются проблемы государственного и национального строительства в постимперских политических образованиях. Авторы анализируют вклад в существование этих проблем имперского институционального наследия и на основе определения идеалтипических характеристик двух форм (империя – национальное государство) рассматривают возможности примирения «старых» и «новых» институциональных порядков в случае конфликтных последствий их взаимодействия.

Работа Д.Б. Казариновой и Н.А. Дунамаляна сфокусирована на формировании «постсоветской» идентичности и анализе научных подходов в этой области исследований. На основе визуализации ключевых месседжей в рамках символической политики и политики памяти стран постсоветского пространства (облака тэгов), а также данных экспертного опроса выделяются основные модели такой идентичности. Это модель «национально-цивилизационного сообщества», «неосоветская» модель, «геополитическая» или «антиимперская» модель, модель поиска баланса между государственной, этнической и религиозной идентичностями, переходные «прикаспийские» идентичности и этнокультурная модель.

Материалы рубрики «Ракурсы» посвящены анализу влияния наследия древних империй на последующее политическое развитие. В статье М.В. Ильина рассматриваются варианты институционального строительства имперских структур, отождествляемых с классической империей Рима. Обзор охватывает собственно римскую традицию и формирование последовательных версий

имперско-республиканского комплекса. Разбираются дальнейшие варианты опосредованного воспроизводства классических римских порядков в Соединенном Королевстве, а затем в США, а также в Первой Французской империи. Затрагиваются и другие ориентированные на римское наследие имперские проекты.

В работе П.В. Кузенкова анализируется, как происходила эволюция феномена имперской организации власти на пространстве Передней Азии и Большого Средиземноморья: от времени зарождения макрогосударств в Древнем мире через период классических империй Античности к религиозным империям Средневековья и поздним империям Нового времени. В центре внимания автора – трансформация идейных основ имперских образований, прослеживаемая в первую очередь на основе титулярных формул, а также эволюционные фазы имперского строительства.

В статье А.А. Хлевова с опорой на объяснительный и эвристический потенциал концепции С. Роккана, прежде всего концептуальной карты Европы, экстраполируемой на более ранние эпохи, предпринята попытка детализации геополитической карты Тёмных веков и раннего Средневековья в целом. В фокусе внимания оказывается роль имперского наследия (уникальная в каждом кластере) в формировании и развитии ранних варварских королевств. Особое внимание уделено определению границ регионов и качественных различий римского наследия внутри них, особенностям собственно варварских систем социально-политической самоорганизации. Основной задачей является уточнение и детализация картины «двух Европ», определенных линией римской границы и оказывающих определяющее влияние на политические события современности и обозримого будущего.

Рубрика «Идеи и практика» объединяет работы, посвященные имперскому наследию в политическом сознании, политической риторике и практике. В статье Е.М. Харитоновой анализируются повышение интереса Великобритании к теме Британской империи и переосмысление ее опыта в самых разных направлениях. Среди них отношения Великобритании с ЕС в преддверии и после Брекзита, идеологическое наполнение и планирование британской внешней политики в новых условиях, а также исторические оценки и их восприятие обществом.

А.Р. Сафина исследует влияние имперского институционального наследия на инкорпорацию этноконфессиональных

меньшинств в национальное государство на примере Иракского Курдистана. Автор проводит анализ курдских политических практик под имперским управлением, выявляет особенности инкорпорирования курдского сегмента в государство Ирак, дает оценку результативности консоциативных механизмов, введенных в политическую систему страны в период демократизации после международного вмешательства в 2003 г.

Статья А.Ю. Долгова посвящена теме выработки «онлайн-памяти» о советском прошлом в социальных сетях. Последние описываются как арены, открытые и доступные многим акторам, которые действуют в более свободном дискурсивном поле, не ограничиваясь в своей активности доминирующими нарративами о прошлом. На основе качественного анализа материалов трех групп в разных социальных сетях показывается, как в ходе процесса конструирования новых смыслов и создания интерпретаций акторы «онлайн-памяти» опираются как на официальный дискурс политической элиты о советском прошлом и российском настоящем, так и на свои субъективные биографии и личный опыт. Делается вывод об «абсорбирующих» свойствах памяти о советском прошлом, поскольку акторы способны встроить в нее любые актуальные события.

Рубрика «Контекст» объединяет две работы по исследованию контекстов в современной политике. Ф.О. Трунов анализирует политику ФРГ в странах постколониального французского Сахеля, выявляет успехи и проблемы в стратегическом проникновении ФРГ на эти территории сквозь призму постимперского соперничества. В центре внимания О.Г. Харитоновой и И.В. Кудряшовой проблематика популистских режимов, соотношение этих режимов с демократией и авторитаризмом и пути их эволюции. С этой целью проводится критический анализ подходов к концептуализации популизма и предпринимается попытка систематизации выделенных концептов с помощью маневрирования на лестнице абстракции, а затем – радиальной категоризации. Выделяются идейный, персоналистский и харизматический популизм, тем самым показываются возможности адаптации этого концепта к сравнительным исследованиям.

Статьи рубрики «Первая степень» посвящены влиянию османского наследия на процессы в ядре и на периферии бывшей империи. Исследуя концептуальные основания современной внешней политики Турецкой Республики, А.О. Белякова отмечает

недостаточность концепта «региональная держава» для ее анализа и предполагает, что современная мировая динамика обуславливает появление политических образований нового типа – неоимперий, которые стремятся к адаптации имперского опыта к современным реалиям с целью более эффективного участия в глобальной конкуренции. В центре внимания С.А. Сейидли – проблема формирования политической субъектности сирийских туркоман в ходе вооруженного конфликта последних лет. Автора интересует, почему в стране, где этноконфессиональная структура населения существенно не изменялась в течение десятилетий, внезапно происходит интенсивная политизация общинных идентичностей. Тестируется гипотеза о том, что это стало результатом длительного процесса ослабления государственной состоятельности в территориальном и в функциональном аспектах.

В рубрике «Представляем научные журналы» предложен обзор междисциплинарного журнала *Journal of Balkan and Near Eastern studies*, проливающий свет на актуальные сюжеты постимперского развития на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Восточной Европе и на Балканах.

Надеемся, что материалы этого номера «Политической науки» будут интересны читателям и востребованы в научной дискуссии о рецепции, заимствовании, преобразовании и (ре)трансляции имперского наследия национальными государствами.

И.В. Кудряшова,
Е.Ю. Мелешкина

СОСТОЯНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Е.Ю. МЕЛЕШКИНА, И.В. КУДРЯШОВА*

ПОСЛЕ ИМПЕРИЙ: МОЖНО ЛИ ПЕРЕКОВАТЬ МЕЧИ НА ОРАЛА?¹

Аннотация. Тема формирования государств и наций на пространствах бывших империй представляется по-прежнему актуальной: по мнению многих исследователей, путь «из империи в нацию» далек от завершения, хотя еще относительно недавно образование национальных государств воспринималось как естественное стремление народов к самоопределению и независимости. В действительности оказалось, что и сами империи мимикрируют под национальные государства (Китай, Иран), и бывшие имперские центры задумываются о реструктуризации утраченных пространств (Стамбул / Анкара, Москва), и новые национальные государства с трудом обретают состоятельность или так и не обретают ее.

В фокусе внимания авторов находятся так называемые протяженные империи (Австро-Венгерская, Российская, Османская), поскольку они придерживались концепции инклюзивного политического пространства, и распад империи означал разрушение ее государственной структуры. В этом контексте предпринята попытка определить, какие проблемы государственного и национального строительства возникают у постимперских политических образований, насколько

* **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru; **Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–011–00662 а.

DOI: 10.31249/poln/2022.01.01

за это отвечает имперское институциональное наследие и как возможно примирить условно старые и новые институциональные порядки в случае конфликтных последствий их взаимодействия.

Размышление над этими вопросами потребовало (а) выделить идеалтипические признаки империи и национального государства и провести их сопоставление в международном контексте, (б) определить проблемы, возникающие при сопряжении обоих институциональных порядков и (в) определить если не решение, то подступы к решению подобных проблем.

Для иллюстрации глубины проблемы были выбраны крайние случаи противостояния принципов организации имперского пространства и территориальных границ – этнополитические конфликты и сецессии. Учитывая, что имперские модели культурно-символических, военно-политических и экономических взаимодействий долго формируются и столь же долго распадаются, ряд таких конфликтов был проанализирован в логике нарушения пространственной зависимости между элементами имперских структур, с которыми были соотнесены те или иные этнокультурные сегменты.

Как показало исследование, имперские центры отнюдь не всегда могут быть замещены возникающими национальными, что требует их возвращения в обновленной форме. Вместе с тем для стабилизации – хотя бы формальной – границ постимперских политий могут быть использованы современные политические механизмы, направленные на поддержание управляемости взаимодействий сегментов в условиях слабого центра (консоциализм, автономизация и др.).

Ключевые слова: империя; континентальная / протяженная империя; национальное государство; территориальность; постимперское пространство; институциональная трансформация.

Для цитирования: Мелешкина Е.Ю., Кудряшова И.В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>

Если еще XIX в. считался веком империй (в этот период они, безусловно, оставались доминирующей формой макрополитической организации), то в XXI в. мы не встретим ни одной политики, которая носила бы это величественное имя: империи либо распались, либо, утратив ряд родовых черт, мимикрировали под национальные государства (Россия, Китай, Иран). Демонтаж империй дал основание считать трудный переход «из империи в нацию» универсальной тенденцией современного мира.

Другая устойчивая тенденция – интерпретация возникновения национальных государств как реализации естественной воли народов к самоопределению и независимости. В рамках этого метанарратива подчеркиваются преимущества новой формы, определяемой принципами гражданства и народного суверенитета, по

сравнению с анахроничными чертами прежней, окольцованной династическими иерархиями. За отправные точки победного шествия национального государства принято принимать американскую и французскую революции с их судьбоносными политическими текстами – Декларацией независимости и Декларацией прав человека и гражданина. По мнению Ф. Редера, первая вспышка (*burst*) образования национальных государств имела место в период с Венского конгресса до Берлинского, вторая, третья и четвертая – соответственно в первой четверти XX в., в тридцатилетие после Второй мировой войны и десятилетие после окончания холодной. Непосредственными причинами их появления стали деколонизация, отделение от ядра метрополий и объединение уже существовавших государств или территорий с иными режимами власти [Roeder, 2007, p. 6].

Понимание национального государства как современной политической формы предполагает, что оно должно успешно осуществлять политические и социально-экономические реформы, ведущие к широкому политическому участию и быстрым технологическим изменениям. Однако в настоящее время многие национальные государства страдают от тех же проблем, которые считаются причинами краха империй в XX в.: этнических конфликтов, низкой легитимности власти, слабой экономики и политического насилия; новые лозунги и движения национализма, появляющиеся на субнациональном или паннациональном уровне, воспринимаются правящими элитами как экстремистские или террористические.

Вместе с тем в публичном дискурсе если не западных стран, то Турции или России явно различимы приливы ностальгии по империи и присутствие имперской символики. Разнообразные грани имперского опыта, реабилитированного как опыт великих дел, используются для легитимации политических курсов. Но дело не только в том, что национальные государства иногда выглядят и действуют, как империи. По мнению исследователей, между ними гораздо больше общего: многие поздние империи выросли в результате исторических процессов, заметно похожих на формирование наций. Это касается и подчинения религиозной власти политической, и взаимодействий между монархической властью и городами, и формирования национализма ведущей этнической группы, и попыток централизации [Esherick, Kayali, van Young, 2006, p. 12–13]. Как отмечают С. Бергер и А. Миллер, проекты

создания наций в имперских метрополиях были направлены на сохранение и расширение империй в большей степени, чем на их расформирование или трансформацию в полном составе в национальное государство; в некоторых случаях национальные проекты должны были быть приспособлены к обстоятельствам имперского распада, но и это определялось имперской динамикой [Berger, Miller, 2015].

Будущее национального государства как нарратива также не кажется триумфальным, если учитывать такие процессы, как трансформация суверенитета в эпоху глобализации, ослабление национальной консолидации, поиски новых идентичностей и массовый протест против истеблишмента. Сохраняет свою остроту и проблема государственной состоятельности многих новых государств, во многом связанная с низкой эффективностью новых политических институтов. Последнее обстоятельство предопределяет исследовательский интерес к имперским режимам управления.

Все сказанное подводит нас к мысли о том, что переход от империи к нации не стоит считать завершенным в том смысле, что имперский опыт продолжает влиять на траектории национально-государственного строительства. Он включает в себя и институты (например, правовые кодексы), и механизмы неформального управления, и символы, и наработанные территориально-пространственные связи, и идентичности. Собственно, ответ на вопрос, завершилось ли время империй, остается во многом открытым: поднятие национального флага выглядит сегодня недостаточно убедительным ответом на него, а имперская (точнее, нео-имперская) форма управления может вновь стать актуальной в условиях растущей политической и социокультурной плюрализации общества.

В фокусе нашего внимания так называемые протяженные (*contiguous*) континентальные империи (Австро-Венгерская, Российская или Османская), поскольку они придерживались концепции инклюзивного политического пространства при дифференциации политики центра по управлению отдельными территориями или группами населения. Распад колониальных империй, как считает Э. Хобсбаум, не оказал, за единственным исключением Португалии, политического влияния на метрополии, которые в целом продолжили функционировать в прежнем режиме. Фактически это

были государства, основная структура / инфраструктура которых была достаточно прочна для того, чтобы выдержать серьезные внутренние или внешние потрясения. Более того, будучи частью богатого развитого мира, они часто сохраняли политическое, моральное и экономическое влияние в своих бывших колониях. Но ни протяженные империи до 1914 г., ни СССР или СФРЮ не проводили резкого «империалистического различия» между метрополией и зависимыми территориями. Именно в этом случае распад империи должен был разрушить базовую государственную структуру [Hobsbawm, 1997, p. 15].

В настоящей статье мы предпримем попытку определить, какие проблемы государственного и национального строительства возникают у постимперских политических образований, насколько за это отвечает имперское институциональное наследие и возможно ли примирить институциональные порядки в случае конфликтных последствий их взаимодействия, или, образно говоря, перековать мечи на орала. Это потребует от нас выделить идеалтипические признаки империи и современного государства и провести их сопоставление, а затем определить эффекты обеих институциональных рамок в возникновении этих проблем.

Империи и современные территориальные государства

Любое рассуждение о переходе от империи к национальному государству требует уточнения основных признаков этих политических форм. Это довольно непростая задача, учитывая, что в мире существует или существовало очень много разновидностей и первых и вторых, а в политической науке – столь же много их определений. Известный исследователь империй Э. Хопкинс столь образно передает эту проблему, что его стоит процитировать: «Роза сохранит свой сладостный аромат, если дать ей другое имя. Однако наличия благоухания недостаточно для определения розы. Некоторые розы слабо пахнут; некоторые другие цветы могут пахнуть так же сладко, как розы. С империями – как с розами: общей черты может быть недостаточно, чтобы отличить империи от политических других типов или одну империю от другой. Историки не могут определять империи с той точностью, с какой ботаники могут распознавать растения» [Hopkins, 2019, p. 21–22].

Эти же слова можно сказать в отношении национальных государств, хотя они, в отличие от империй, появились относительно недавно. Их распространенное определение как нации, реализующей свое право на политическое самоопределение, или граждан, осуществляющих суверенную власть на определенной территории, не позволяет уловить ни соотношения внутренних и внешних аспектов их формирования, ни уровня зрелости их структурной интеграции.

Поэтому для решения задач сравнения империи и государства (и анализа процессов, которые имеют место при распаде имперских образований и образовании новых политий) логично предложить другой подход – представить их как идеальные типы с центрами и границами и выявить их противоположные характеристики.

Для того чтобы задача сравнения идеальных типов современного государства и империи была решаемой, необходимо выбрать некий ориентир или систему координат оценки этих политий. Такой системой координат может быть международный контекст, нормы и правила, которые международное сообщество предъявляет к существующим в мире политиям. Сложившаяся в XX в. международная система была основана на представлениях о развитии европейских государств, к которым постепенно добавились нормы, связанные с политическими режимами, правами человека, правами меньшинств и т.д. Эта рамка, которая в качестве критериев оценки и обязательств распространялась и накладывалась на новые государства, неизбежно носила отпечаток европоцентризма. Об этом довольно точно пишет Ч. Тилли: «Изучение европейского государственного строительства (*state-making*) имеет по меньшей мере один момент, значимый для политики современного мира: европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств и, вероятно, оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов [...] Возможно, верно и то [...], что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придется куда легче в международной системе – в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формами» [Tilly, 1975, p. 637].

Конечно, распространение соответствующих критериев и обязательств в отдельных странах наталкивалось на ряд препятствий, среди которых следует выделить собственные традиции организации власти. Вместе с тем ожидания международного сообще-

ства, других политических акторов и населения этих стран отчасти делают уместной формулировку универсального определения государства. С учетом этого мы можем определить его как институт, занимающийся организацией производства и обеспечением циркуляции общественных благ на определенной территории, в том числе принятия и реализации обязательных для исполнения решений.

Территориальность как структурный фактор политической организации является, пожалуй, очень важной со времен оседлости. Однако ее ранние формы (условная «закрытость» племенных систем, «полузакрытость» полисных, «открытость» имперских, «полузакрытость» феодальных) были только ступеньками на пути к современной территориальности, основанной на регулировании открытости и закрытости политических систем [Ильин, 1995]. Четкая ограниченность, целостность и последовательное использование принципа территориальности – характерные черты государства. Как отмечает С.И. Каспэ, «именно этот принцип прежде всего отличает государство и от имперской политической формы (принципиально разомкнутой, интенционально безграничной, устремленной к совпадению с ойкуменой), и от феодальной структуры (в которой объектом политического контроля выступали не столько территории, сколько люди, а сложность сплетения их личных связей и зависимостей исключала возможность монопольного доминирования даже на самом ничтожном клочке земли и не позволяла возникнуть ни идее, ни тем более практике сколько-нибудь жесткой демаркации границ), и от городов и производных от них торговых союзов» [Каспэ, 2007, с. 125].

Что касается идеального типа империи, то задача его построения несколько сложнее. Объясняется это не только различием подходов к ее определению, но и многообразием существующих и существовавших форм имперской организации власти в разных временных, эволюционных и культурных контекстах, о чем говорилось выше. В нашей работе мы попытаемся выделить небольшой набор ее идеалтипических характеристик, соответствующих модели, которой более всего соответствуют эмпирическим образом выделяемые типы протяженной (континентальной) империи. При этом мы понимаем, что реальные политики имперского типа, по крайней мере существовавшие последние два столетия, сочетали черты как разных типов империи, так и национального государства.

Каковы же эти особенности? Во-первых, это отсутствие стремления к четкому согласованию различного рода границ (территориальных, политических, экономических, культурных и т.д.) друг с другом как к основе консолидации системы и, соответственно, потенциальная их открытость. Если национальное государство соседствует с другими национальными государствами, имеющими аналогичную структуру и четко установленные границы, то «принципиально разомкнутая» империя часто ограничена труднодоступными местами или воинственными племенами. Как пишет Ю. Остерхаммель, она любит создавать вокруг себя буферные зоны и не любит непосредственных границ с другими империями – такие границы в большинстве случаев имеют необычайно высокий уровень военной безопасности (например, граница Габсбургской и Османской империи на Балканах или между СССР и США в Германии и Корее) [Osterhammel, 2015, p. 422].

Империи часто манипулируют этническими группами, переселяют их, создают этнически смешанные анклав и (или) вынашивают экспансионистские замыслы. Их властители рассматривают себя как носителей цивилизаторской миссии и не имеют того священного отношения к почве, которое характерно для национальных государств и воплощено в особых памятных местах. По точному замечанию Остерхаммеля, в логике империй территория воспринимается главным образом как «пространство, доступное для управления» [ibid., p. 424]. Как правило, они в целом терпимо относятся к существующим внутренним различиям, стремясь к культурной интеграции только на уровне высшей имперской элиты. Все это влечет за собой увеличение транзакционных издержек на поддержание коммуникаций между центром и перифериями, на сохранение целостности империи. Как отмечает А. Мотыл, в территориально расширяющихся империях обязательно происходило рассеивание контроля центра над периферией [Motyl, 1992]. Действительно, к XVIII в. Северная Африка, например, уже только называлась османской – связь Стамбула с этими отдаленными провинциями осуществлялась медленно, а коммуникации были уязвимыми.

Во-вторых, это косвенная система управления (*indirect rule*). Как правило, в составе империй различного типа находятся территории с различными культурными и политическими традициями, социально-экономическими особенностями и формами организа-

ции власти: «Империи часто охватывают большое количество маленьких политических единиц, включая государственные единицы, регионы, города и другие сообщества с различными институциональными формулами» [Colomer, 2008, p. 49]. Как отмечает Ч. Тилли, центральная власть осуществляет определенный фискальный и военный контроль в сегментах империи, однако относится терпимо к наличию элементов косвенного управления. Речь идет о выстраивании общеимперской системы управления территориями и одновременном отправлении власти через посредников, обладающих значительной автономией в своих владениях в обмен на соблюдение общих требований, уплату дани и военное сотрудничество с центром [Tilly, 1997, p. 3]. Так, внешнее кольцо христианских территорий косвенно управлялось османами через посредничество местных правителей; в целом в большей части османских провинций в XVIII в. возможности центральной власти применять силу или собирать налоги были уже очень ограниченными, если существовали вообще: местная знать сама собирала налоги и даже имела небольшие армии [Ливен, 2007, с. 228, 249].

В-третьих, это слабая ориентированность на стандартизацию и унификацию отношений внутри империи, значительное влияние неформализованных взаимодействий и связей. Эта особенность отличает империю от идеального типа современного государства, в котором для воспроизводства универсалистского порядка «необходима достаточно четкая дифференциация между “публичной” и “частной” сферами... Для того и нужна указанная дифференциация, чтобы институционализировать границы между “частной” и “публичной” сферами, поскольку в публичной сфере люди ведут себя как граждане, выражая частные интересы публичного значения» [Панов, 2011, с. 72].

В-четвертых, империи, в отличие от национальных государств, культивируют идею легитимации политического порядка «сверху» – например, посредством распространения символов лояльности, «хорошего правления», поддержания внутреннего мира или установления льгот и привилегий для своих клиентов. Поскольку осуществляемая ими инкорпорация территорий и населения имеет, как правило, принудительный характер, они остаются внутренне антидемократичными и лишенными «сообщества» [Osterhammel, 2015, p. 423].

В-пятых, это специфика участия империй в международной системе. Если государственный суверенитет во многом формируется под влиянием внешнего признания и внешних гарантий со стороны других государств и международного сообщества, то имперская власть возникает не столько из системы взаимного признания на международной арене, сколько в результате согласования границ этой власти между ее составными частями, не исключающего применения силы или принуждения. Учитывая это, можно утверждать, что империи сами являются своего рода квазимеждународными системами и в силу данной особенности вступают в противоречие с идеей суверенного равенства. Как отмечает Х. Спрюйт, «универсалистские имперские системы ограничивают свое господство совместно согласованными пространственными параметрами, т.е. границами. Они, таким образом, антитетичны внешнему равенству государств, которое предполагается суверенной территориальностью» [Spruyt, 1994, p. 17].

Некоторые выделенные особенности империй как крупных сложносоставных образований можно проиллюстрировать на примере мультикультурной и мультиязычной Российской империи, которая включала в себя различные административно-территориальные единицы, управляемые по различным законам. Например, на территории Великого княжества Финляндского государственными были шведский и финский языки. На прибалтийских территориях существовали органы дворянского самоуправления с делопроизводством на немецком языке. Политика русификации на окраинах империи стала проводиться только начиная с середины – конца XIX в.

Как показывает Б.Н. Миронов, важнейшим условием стабильности Российской империи вплоть до 1917 г. была гибкая этноконфессиональная политика. Ее закономерности были выражены в следующем: уважение статус-кво присоединяемой территории и проживающего на ней населения и предоставление присоединенным народам равных с русскими прав; заключение формального договора с народами, имевшими государственность (или принесение присяги царю при ее отсутствии); предоставление широкой автономии новым территориям при завоевании; осуществление управления инкорпорированными территориями на основе существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений [Миронов, 2017, с. 143–146].

Другой очевидный пример – Османская империя, где процессы централизации, начавшейся в XIX в., были противоположны тем, что происходили при строительстве европейских государств. Их характерной чертой были не столько игры с нулевой суммой между строителями государства и местными сообществами, сколько аккомодация и инкорпорация. Если локальная власть в Европе чаще всего разрушалась, то в Османской империи она «укрошалась», обеспечивая сосуществование с политическим центром политических образований периферии с различными уровнями развития. Среди политических достижений Османов – создание гибкой системы этноконфессионального плюрализма. Например, в арабских провинциях они опирались главным образом на городские суннитские элиты и старались передать им управление меньшими сообществами (племенными, этническими или религиозными) [Karpat, 1988, p. 39]. В середине второй половины XV в. вслед за расширением империи возникла система *миллетов*: были учреждены христианский православный, армянский и иудейский миллеты со своими правовыми системами и институциональной сетью для ведения общинных дел (язык, школы, церкви, больницы, кладбища). По существу, они представляли собой нетерриториальную форму автономии: в обмен на регулярную уплату налогов и лояльность духовным лидерам делегировалось право быть посредниками между представителями султана и своими общинами. Посредники выполняли значительный объем управленческих функций, в том числе в сфере регулирования межобщинных конфликтов [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 146–148].

Важным элементом управления был правовой плюрализм: члены сообществ могли выбирать правовую систему, в которой они хотели бы разрешить свои споры (шариатские суды были известны справедливым и безотлагательным рассмотрением дел) [Barkey, Gavrilis, 2016]. Введение «османского гражданства» в 1856 г. не отменило привилегий и льгот для общин немусульманских вероисповеданий, хотя само по себе оказалось невостребованным ни меньшинствами (из-за ценности автономии), ни мусульманами (из-за низведения их на один уровень с «неверными») [Ливен, 2007, с. 261]. Современную форму территориальной автономии напоминали отношения центра с глубокой периферией – труднодоступными областями или зонами приграничья; эти отношения строились на неформальных договоренностях и зачастую

признании особых прав (как, например, военных отрядов курдов или албанцев) [Кудряшова, Мелешкина, 2021 а, с. 231–232].

Конечно, найти исторические примеры, полностью соответствующие одному или другому охарактеризованному идеальному типу, довольно сложно. Разнообразие империй и современных государств, история их возникновения, время и контекст их функционирования, их взаимодействие друг с другом оказали значительное воздействие на масштаб и конкретное проявление той или иной отличительной характеристики. Поэтому границы между империями и современными государствами оказываются зачастую размытыми.

Тем не менее выделение этих идеальных типов важно с точки зрения решения аналитических задач выявления возможностей и ограничений политического развития на постимперском пространстве.

Формирование государств и наций на постимперском пространстве: проблемы институционального перехода

Каковы же проблемы государственного и национального строительства в новых политиях и чем обусловлены их особенности?

Первая основная проблема, с которой сталкиваются новые политии, это консолидация границ. Речь идет не только о территориальных границах, но и о политических, культурных, экономических и т.д. В наследство новым государствам от империй остаются не только территориальные споры, но и развитые социально-экономические связи, система зависимости между частями империи, этническая, культурная и конфессиональная пестрота населения и многое другое. Помимо прочего, им приходится решать вопросы организации жизнеспособного национального рынка, культурной унификации и стандартизации, формирования новых идентичностей.

Вторая проблема заключается в необходимости преодоления неизбежно возникающей при распаде империи институциональной деградации. Речь идет о формальных нормах и правилах, системе управления государством, о ситуации, когда старая система правил и управления не работает, а новая еще в процессе формирования.

Третья проблема, тесно связанная со второй, – сохранение институциональной памяти и преодоление неизбежного в империях существенного разрыва между формальными и неформальными правилами и практиками организации и осуществления власти, решение задач создания универсальных и стандартизованных норм, правил и системы отношений. Кроме того, формирование государства в современном мире часто происходит в условиях, когда перед новыми независимыми политиями стоят задачи формирования нации и демократизации. Решение этих задач осложняется существованием не прямой формы управления. В связи с этим уместно упомянуть очень точное замечание Ч. Тилли о необходимости выстраивания прямой, стандартизированной системы управления для успешного формирования гражданской нации и демократизации [Tilly, 1997].

Как он отмечает, формирование демократического правления на постимперском пространстве возможно двумя способами. Первый предполагает ослабление центра и обеспечение региональными институтами институциональных основ демократии. Второй – установление прямого правления взамен косвенного, уравнивание граждан в правах, укрепление связи между центром и периферией – без ликвидации непрямого правления права граждан остаются негарантированными. Тилли указывает на то, что истории известны редкие примеры первого варианта и отсутствие примеров второго.

Выделенные проблемы в новых государствах проявляются по-разному. Среди факторов, обуславливающих эту специфику, можно отметить следующие.

Во-первых, это различия между самими империями, о которых говорилось выше. Как справедливо отмечает Р. Суни, «территориально протяженные империи, такие как Габсбургская, Османская, Российская или Советская, не имели четких границ внутри имперского пространства, и благодаря этому миграционные процессы на имперской территории привели к формированию смешанного состава населения, появлению высокоинтегрированной экономики, совместного исторического опыта и культурного своеобразия. Примечательно, что все эти особенности делают, по сути, чрезвычайно сложным или вообще невозможным выделение центра или какой-либо из периферий без коллапса всего государства» [Суни, 2004, с. 174].

В протяженных империях множественность перекрывающих друг друга идентичностей, форм контроля, посреднических структур и суверенитета приводит к размыванию различий между центром и периферией. Она также создает разветвленную сеть связей, которая была предназначена для перераспределения ресурсов. В связи с этим центры традиционных империй, превращаясь в новые государства, переживают более существенный структурный кризис и кризис идентичности, который в различных условиях разрешается по-разному. Например, Турция отказалась от имперской идентичности, Россия после распада империи Романовых фактически возродила некоторые черты имперской организации, ряд влиятельных политических сил Австрии выступали за соединение с Германией. Во многом эти пути объяснялись своеобразием стратегий тех сил, которые оказались у власти.

Второй важный фактор – это принадлежность к бывшему центру империи или к ее периферии. Консолидация границ в политике, образовавшейся вокруг бывшего центра империи, затруднена тем, что новое государство оказывается не только формальным, но и неформальным наследником последней. Эти страны оказываются более открытыми в плане стратегий национальной политики, в большей степени демонстрируют склонность к формированию гражданской нации, нежели этнической. Националистическая риторика присутствует, но преобладает ассимиляторская, более либеральная (в отношении к представителям нетитульных этносов) и иногда федералистская. Были и исключения: Турция проводила политику насильственной ассимиляции по отношению к курдам, с оружием в руках отстаивавшим проект собственного государства. Идея решения курдского вопроса путем создания федерации между Турцией, Ираком и Сирией была высказана Т. Озалам только в 1980-х [Кудряшова, Матюхин, 2013, с. 124].

Кроме того, государства, образованные вокруг центра, обладают определенным стартовым преимуществом, проистекающим из их прошлого доминирующего положения. Это проявляется, например, в наличии более развитого аппарата управления, управленческой инфраструктуры, более устойчивой к вызовам, связанным с распадом империи. В то же время этим политиям может быть сложнее, по сравнению с формирующимися на периферии, осуществлять радикальные реформы в области государственного управления и преодолевать институциональное наследие импер-

ского прошлого. Консолидация границ в государствах, возникших на периферии империи, в условиях неизбежного влияния на внутренние процессы бывшего имперского центра (посредством использования этноконфессиональных и культурно-лингвистических групп населения, сформировавшихся в имперский период экономических, социальных и личных связей и т.д.) сопряжена с проведением политики, альтернативной курсу бывшей империи.

В силу этого периферии в большей степени демонстрируют склонность к этническому национализму как средству унификации и формирования солидарности. Здесь часто воспроизводится «имперская» модель национальных отношений в виде доминирования одной этнической группы и политики демографических манипуляций. Данное наследие империй порой проявляется через десятилетия после их распада. Так, например, в 1934–1939 гг. Болгарию покинули около 100 тыс. турок. В 1950–1951 гг. были вынуждены уехать еще 155 тыс. Наиболее массовым был исход в 1989 г. после ассимиляционной кампании 1984–1985 гг., когда Болгарию покинули около 370 тыс. турок, или 40% ее турецкого населения (при этом 155 тыс. вернулись в Болгарию в течение года) [Brubaker, 1997]. Примером демографических манипуляций может служить широкое применение демографической инженерии на постосманском пространстве, когда переселенцы из других частей империи расселялись в регионах новых стран, наиболее проблемных с точки зрения этнической и религиозной консолидации. В частности, в Болгарии прибывшие из Греции болгары отправлялись на Черноморское побережье, где население было наиболее пестрым по своему этническому составу. Румыния расселяла валашское население, прибывшее с Южных Балкан, в Добрудже, одном из наиболее проблемных в плане мультиэтничности регионов [Rothschild, 1998, p. 289]. После обмена населением Греция расселяла прибывших греков в Македонии, Тракии и Солониках, т.е. там, где проживало больше всего представителей этнических меньшинств [Clogg, 1992, p. 105–106].

Следующий фактор, обуславливающий различие между странами постимперских пространств, – специфика институциональной памяти в виде форм организации власти в бывших империях. В этом отношении можно согласиться с Э. Хобсбаумом, что некоторые институциональные практики остаются устойчивыми даже в случае серьезных внешних событий (войн, револю-

ций и пр.) [Hobsbaum, 1997, p. 209–210]. Например, существовавшая в Османской империи система миллетов на Балканах имела своим следствием то, что их члены рассматривали проживающих там мусульман как чужих, хотя многие из них разговаривали на языке местного населения. Результатом этого стало преобладание в регионе моделей формирования наций, где в качестве основной идентификационной характеристики часто выступала конфессиональная принадлежность [Gagaptay, 2006, p. 5]. Так, например, с 1821 по 1922 г. около 5 млн мусульман были выселены с территории их проживания, еще 5,5 млн погибли во время войн, голода и болезней [McCarthy, 1995]. В Болгарии в 1870 г. мусульман было столько же, сколько болгар-христиан, в 1888 г. их осталась четверть. К 1920 г. они составляли 14% населения [Brubaker, 1997, p. 157]. При этом переселялись не только этнические турки, но и все мусульмане: болгары (помаки), бошняки, черкесы, крымские татары из Российской империи.

Кроме того, наследие империй накладывало отпечаток не только на стратегию формирования наций, но и на специфику новых институтов власти, а также политических режимов. В частности, как отмечает В. Димитрова-Гражл, сравнивая страны – наследницы Османской и Габсбургской империй, XX век не принес ничего существенно нового в институциональное развитие посткоммунистических стран Восточной Европы и в некоторых случаях даже усилил особенности, проявившиеся в период имперского правления. Неформальные институты, возникшие в период Османской и Габсбургской империй, остались и очертили контуры институционального устройства в XX в. [Dimitrova-Grajzl, 2007]. Обмен, основанный на протекции и покровительстве, как и неопределенное, уклончивое поведение, стал политическим и социальным наследием этой империи [ibid.]. Особое влияние на это оказывала специфика организации власти в империи, которая предполагала, что «начиная с XVII в. типичный османский чиновник, занимающий важный пост, рассматривал его как частное вложение, которое оправдывалось извлечением как можно большей прибыли» [Stavrianos, 2000, p. 120]. Эти особенности проявлялись и в XX в.

Уровень централизации бюрократии в Габсбургской империи, где даже в период абсолютизма в 1867 г. была учреждена децентрализованная форма госуправления, предполагающая наличие трех правительств, определил формирование менее выраженных

этатистских традиций в государствах-наследниках. Сочетание некоторого внутреннего баланса между социальными классами и наличием «просвещенных» правителей, как Иосиф II, позволило империи достичь определенного уровня приверженности верховенству закона. В империи предпринимались шаги по обеспечению доверия населения путем последовательного применения правил и предотвращения неожиданных и радикальных изменений в системе. Элементы этого институционального наследия также можно было наблюдать в XX в. в странах, образовавшихся после распада Габсбургской империи.

Следующий фактор, обуславливающий специфику институционального наследия в государствах, возникших на постимперских пространствах, – совмещение разных традиций, в том числе имперских, и наличие связанных с ними различных внешних центров, стремящихся влиять на внутривнутриполитические процессы в новых государствах. Нельзя не согласиться с Э. Хобсбаумом в том, что проблема этих политий на этапе их становления заключается в соединении и стандартизации институтов, состоящих из элементов, несущих в себе различное наследие [Hobsbaum, 1997].

Например, постсоветские страны Восточной Европы представляют собой территории, где встречается институциональное наследие таких имперских образований, как Российская империя, СССР, Пруссия, Австро-Венгрия, Османская империя, Речь Посполитая и Великая Румыния. Помимо имперских традиций в этом регионе присутствуют и влияют на современные процессы государственного и национального строительства и традиции самостоятельной организации государственной власти, в особенности те, которые формировались в межвоенный период (в первую очередь это касается Эстонии и Латвии). В связи с этим уместно упомянуть мнение ряда исследователей, что в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [см., например: Stark, Bruszt, 1998]. Опыт самостоятельной государственности и формирования нации предполагает сохранение и воспроизводство некоторых институтов управления, правовых норм, наличие более развитых оснований для общегосударственной идентичности граждан в настоящее время.

Следующий фактор, обуславливающий различия между новыми государствами в плане наследования и изменения имперской

институциональной структуры, – количество и специфика конкурирующих внутренних центров и их взаимоотношения с периферией. Эффекты этого фактора неоднократно обсуждались в журнале «Политическая наука» и других изданиях [см., например: Кудряшова, Мелешкина, 2009; Мелешкина, 2010 а; Мелешкина, 2010 б, Мелешкина, 2012 а]. Здесь же в контексте влияния постимперского наследия отметим, что на формирование национальных государств воздействует не только количество центров, но и, как показано выше, их принадлежность к центру или периферии в составе империи, а также их связь с внешними центрами влияния. Важным является также и факт преобладания и совмещения в различных центрах институционального наследия разного рода.

Еще один важный фактор – специфика международной среды, которая предъявляла различные требования к постимперским государствам. Разная конфигурация внешнеполитических сил, возникающая на различных исторических этапах, способствовала, например, различиям в стратегиях формирования государств и наций. Так, в межвоенный период важными оказались международные договоры, согласно которым границы бывших имперских образований оказались нарезанными так, что в результате были созданы дополнительные проблемы в плане межэтнических отношений.

Конфигурация границ делала невозможным реализацию провозглашенного права наций на самоопределение. Например, около 3 млн венгров после Первой мировой войны оказались на положении этнических меньшинств в составе других стран, из них 1,7 млн – в Румынии, 1 млн – в Словакии и Рутении (Чехословакии), 450 тыс. – в Воеводине (в Югославии). В первые шесть лет после войны на территорию Венгрии приехали около 424 тыс. венгров (13,4, 13,7 и 9,5% венгерского населения соответствующих стран) [Brubaker, 1997, p. 160].

В посткоммунистический период большое значение в определении различий между странами постимперского пространства имеет их вовлеченность в современные процессы интеграции, глобализации, массовой иммиграции и т.д. Эти процессы сказываются не только на странах, где задачи формирования государства и нации до сих пор остаются нерешенными или решены лишь частично, но и на политиях, относительно которых принято считать, что национальные государства там сформировались. К новым вызовам

относится надгосударственная интеграция, и в первую очередь те ее формы, которые предполагают тесное взаимодействие стран, разработку определенных символических атрибутов и реализацию некоторых функций государства и нации на надгосударственном уровне, как это происходит в Европейском союзе. Существует немало политологической литературы, в которой показывается, что подобные формы интеграции оказывают противоречивое влияние на формирующиеся или уже сформированные национальные государства. Например, ЕС, с одной стороны, способствует определенному смягчению проблем, связанных с правами и участием субгосударственных акторов за счет создания более широкой политической рамки. С другой стороны, его существование приводит к ослаблению и деконсолидации границ территориальных политий, создает дополнительные возможности для стратегии «выхода», в том числе для территорий с компактным проживанием меньшинств, что отрицательно сказывается на институтах политического структурирования и целостности нации [Bartolini, 2005; Fossum, 2006; Keating, 2004]. Кроме того, деконсолидация границ современных государств, связанная с возникновением надгосударственных образований и иными процессами глобализации, актуализирует проблемы эволюции модели гражданства [см., например: Benhabib, 2002; Soysal, 1994; Soysal, 2002; Tambini, 2001; Kymlicka, 2001; Joppke, 2006], ослабления государства как гаранта прав и появления нового неравенства между жителями, основанного на доступе к различным правам.

Что касается поскоммунистических государств, то здесь международные интеграционные структуры, предъявляющие серьезные требования к политическим и социально-экономическим реформам, качеству управления, обеспечению прав человека и гражданина, играют во многом положительную роль в строительстве государственных институтов, способствуют смягчению крайних стратегических позиций по отношению к национальным меньшинствам и в целом позитивно сказываются в плане преодоления имперского наследия [см., например: Мелешкина, 2012 а; Мелешкина, 2012 б]. Однако есть и исключения: например, в Румынии проведение институциональных изменений, необходимых для вступления в ЕС (реформа судебной системы, борьба с коррупцией, более либеральный подход к использованию языков этнических меньшинств, улучшение защиты прав собственности и др.), негативно повлияло на внутривнутриполитическую ситуацию. Жесткие

требования и критерии ЕС не позволяют румынским неформальным институтам и практикам существовать в более мягкой, аккомодационной форме и способствовать национальной консолидации. В политическом процессе это проявляется через неординарные новации политического класса (предложения референдума о восстановлении монархии или амнистии коррупционеров).

Ну и, наконец, последнее обстоятельство, объясняющее различия между странами постимперских пространств, – расстановка политических сил, состав победной коалиции и действия акторов в период после распада имперских образований. Речь в данном случае идет не столько о качествах лидеров, сколько о факторах, промежуточных между акторными и структурными. Значимость расклада политических сил и состава победных коалиций отмечают многие исследователи. В частности, этот фактор выделяется как один из определяющих характер кризиса и трансформаций еще у авторов Стэнфордского проекта [Almond, Flanagan, Mundt, 1973], а также у С. Роккана [Rokkan et al., 1970], который исходит из того, что расстановка политических сил в обществе и институциональный контекст формируют пространство возможностей для различных групп акторов и определяют во многом выбор стратегии национального и государственного строительства. Эмпирические модели С. Роккана, демонстрирующие роль политических коалиций, а также попытки применить его концепции к анализу отдельных государств показывают, что политика союзов – значимый фактор, определяющий наряду с другими специфику постимперского развития. На расстановку политических сил, состав коалиций и действия акторов фокусируют внимание и современные исследователи, анализирующие институциональные трансформации¹.

С важностью расстановки политических сил соглашаются и специалисты по изучению политического развития на постимперских пространствах. В частности, К. Барки полагает, что важным обстоятельством, определяющим независимое развитие новых политий, является структура элиты, которая досталась им в наследство от империй [Barkey, 1997].

Специфику институциональных альтернатив, открывающихся перед новыми независимыми государствами после распада имперских образований и складывающихся под воздействием выделен-

¹ См., например, достаточно подробный обзор в: [Emmenegger, 2021].

ных выше факторов, можно проследить в государствах, возникших при распаде любых имперских образований. В частности, эти факторы можно использовать при анализе политического развития независимых республик, образовавшихся после дезинтеграции СССР и Югославии. Хотя СССР и Югославия и не были империями в полном смысле слова, однако они унаследовали и воспроизвели некоторые черты имперской организации власти. Государства, образовавшиеся при их распаде, столкнулись с основными проблемами постимперских пространств. Различия траекторий их развития во многом определяются выделенными нами факторами и их уникальными страновыми сочетаниями.

Иллюстрация: сецессии как «противостояние пространства и границ»

По замечанию Ю. Остерхаммеля, «нерушимость национального геотела находится в сердцевине веры современного национализма» [Osterhammel, 2015, p. 424]. Именно поэтому сецессии встречают жесткий отпор в мире национальных государств.

Задача предотвращения или урегулирования возникающих конфликтов наиболее сложна в отношении приграничных территорий, где компактно проживают этноконфессиональные меньшинства, испытывающие интенсивное воздействие внешних центров. Чтобы понять корни и возможные пути решения этой проблемы, мы рассмотрим попытки сецессии в постсоветских и постъюгославских странах в рамке, предложенной И.В. Кудряшовой и А.С. Козинцевым [Кудряшова, Козинцев, 2021]. Суть подхода состоит в том, чтобы выявить нарушения связей между структурными элементами имперского пространства и определить те политические механизмы, которые могли бы восстановить их, действуя функционально схожим образом в национальном государстве. Этничность будет пониматься в этом контексте так же функционально – как совокупность взаимосвязанных формальных и неформальных институтов, призванных регулировать отношения между членами аскриптивной группы и удовлетворять их потребности.

Для решения этой задачи целесообразно определить имперское пространство как совокупность формальных политических институтов и неформальных практик, благодаря которым ядро им-

перии достигает договоренностей с периферией о признании имперского контроля над ее территориями в обмен на гарантии безопасности и выполнение роли арбитра. В его структуре выделяются следующие элементы: ядро (Я) – военно-административный центр империи; полуядро (П/Я) – крупные города, которым делегировалось управление условно негородским¹ местным населением в пределах административной единицы и которые могли обладать историческим опытом управления иными политическими образованиями (государствами); промежуточная периферия (П/П) – территории, преимущественно контролируемые полуядрами и организованные в административные единицы (провинции, области); глубокая периферия (Г/П) – территории, управление которыми в силу неразвитости коммуникаций, особенностей природного ландшафта или иных причин строилось на основе прямых неформальных соглашений с ядром. Стратегии имперского управления складывались в ходе достижения (1) консенсуса в распределении полномочий между Я и П/Я и (2) формой коммуникаций между П/Я и П/П в пределах административных единиц [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 149–151].

При этом мы исходим из того, что институты управления социалистического периода в СССР и СФРЮ не смогли осуществить трансформацию традиционных институтов в зонах этнополитической конфликтности. Выше мы приводили вывод В. Димитровой-Гражл о том, что качество институтов государств Юго-Восточной и Центральной Европы в большой степени определяется наследием Османской и Габсбургской империй и в незначительной – социалистическим периодом; это связано как с тем, что ментальные и культурные модели в целом формируются в течение долгого времени и столь же долго распадаются, как и с тем, что войны и конфликты XX в. препятствовали культурным трансформациям [Dimitrova-Grajzl, 2007]. Д. Ливен также отмечает, что «советский федерализм был разновидностью косвенного правления» [Ливен, 2007, с. 491].

Таким образом, этнополитические конфликты, возникающие при формировании новых государств, могут быть интерпретированы в логике нарушения пространственной зависимости между элементами имперских структур, к которым принадлежали те или

¹ Имеются в виду средние города, поселки и деревни, где проживает оседлое население.

иные этнокультурные сегменты. Если в Османской империи Я (Стамбул) могло апеллировать к П/Я, опираясь на ислам и «мирное сосуществование людей Писания», а позже – на новые формирующиеся панидентичности (османизм, пантюркизм), то П/Я (городские центры вилайетов) во взаимодействии с П/П использовали организованное насилие и опирались на соглашения с лидерами этнокультурных групп, кланов и оседлых племен. Организованное насилие, повторяемость торговых и ресурсных операций, развитие инфраструктуры между П/Я и П/П способствовали закреплению доверия вне рамок семьи или клана, что постепенно вело к зарождению национализма и обособлению от Я.

В этой рамке этноконфессиональные конфликты в постъюгославских странах с османским наследием (война в Боснии и Герцеговине (БиГ) 1992–1995 гг., конфликт в Северной Македонии в 2001 г., война в Косове 1998–1999 гг.) можно интерпретировать следующим образом.

Случай БиГ. Османская империя захватила территории Боснии в 1463 г., а Герцеговины – в 1482 г. В период их нахождения в составе империи административные границы указанных образований менялись. Так в 1553–1639 гг. центр контроля находился в г. Баня-Лука. В ходе реформ Танзимата¹ в 1851 г. эти пашалыки были слиты, и в качестве П/Я формируется новый центр – г. Сараево.

В дальнейшем эти территории переходят под контроль Австро-Венгерской империи (с 1908 г. – аннексированы). После распада Австро-Венгрии они становятся частью Королевства Югославии, в дальнейшем – получают статус республики в СФРЮ [Кудряшова, Мелешкина, 2021 b; Юго-Восточная Европа..., 2007].

В рассматриваемом случае фиксируется открытый конфликт П/Я и частей П/П, находившихся под контролем разных П/Я, за доминирование. Ядро не формируется, а в дальнейшем заменяется структурами ЕС (верховный представитель).

Случай Северной Македонии. В этом конфликте участвовали македонские славяне и албанцы при поддержке албанской Национально-освободительной армии и регулярной армии Македонии. Сам термин «Македония» имеет, скорее, географическое наполнение. После распада государства Стефана Душана регион

¹ Серия реформ 1839–1976 гг., направленных на модернизацию империи и включавших попытку централизации управления.

состоял из мелких полунезависимых княжеств. К концу XIV в. с захватом Скопье последние македонские княжества признали над собой сюзеренитет османского султана. С административно-территориальной точки зрения регион относился к разным санджакам вилайета Румелия. В период Танзимата он разделен между тремя вилайетами – Косовским, Монастырским и Салоникским. К концу XIX в. между Болгарией, Грецией и Сербией развернулась борьба за идентичность местного славянского населения. В 1912 г. Вардарская бановина (Северная Македония) вошла в состав Сербии. С 1945 г. она известна как Народная Республика Македония в составе СФРЮ [Юго-Восточная Европа..., 2007, с. 47–88].

Таким образом, конфликт проходит между частями П/П при отсутствии П/Я, способного замкнуть на себя контакты с П/П.

Случай Косова. После поражения на Косовом поле в 1389 г. правитель Сербии Лазаревич признал сюзеренитет Османской империи. Территория Косова завоевана в 1454 г. Белград окончательно взят в 1521 г. и становится центром санджака, выполняя роль П/Я. В 1877 г. был образован Косовский вилайет с центром в Скопье. На албанском севере проживали горные кланы, очень бедные, но имевшие неформальные отношения с Я и свои иррегулярные формирования [Tasić, 2020, p. 70–72].

Росту этнополитической конфликтности в регионе способствовали два фактора: миграции сербов из Османской империи в Австро-Венгрию и консолидация албанцев. В 1913 г. вилайет был включен в Королевство Сербия и впоследствии – в Королевство Югославия. В 1918 г. сербские войска вновь заняли Косово. Во ФНРЮ / СФРЮ был образован Автономный край Косово и Метохия. Во время Второй мировой войны Косово было присоединено к Албании в рамках проекта Великой Албании, но после ее завершения возвращено в состав Югославии [Кудряшова, Мелешкина, 2021 а; Человек на Балканах..., 2006, с. 53–81, 99–116].

Рассматриваемый конфликт можно интерпретировать как стремление неконсолидированной П/П (Приштины) к отделению от П/Я (Белград).

На постсоветском пространстве мы кратко остановимся на конфликтах в Киргизской Республике (киргизско-узбекский конфликт в Оше и Узгене (1990) и Оше (2010)) и войнах в Чечне и Грузии.

Случай Киргизии. На момент присоединения к Российской империи г. Ош был частью узбекского Кокандского ханства (завоевано в 1868 г.). Его экономическое значение в Фергане как точки пересечения караванных путей из Китая и Индии в Европу позволяет отнести его к П/Я. Город был включен в Туркестанское генерал-губернаторство. Большая часть современной Киргизии вошла в Семиреченскую область (центр – Алма-Ата, бывший Верный) того же губернаторства. В 1882–1899 гг. эта область принадлежала Степному генерал-губернаторству. С 1918 г. Ош включен в Туркестанскую АССР (г. Ташкент) в составе РСФСР, с 1924 г. – в составе Кара-Киргизской автономной области (в 1925 г. переименована в Киргизскую АО, позднее – автономную республику). В 1936 г. Киргизия выведена из состава РСФСР как союзная республика.

Ферганская область в 1918 г. стала частью Туркестанской АССР, которая в 1924 г. была разделена между Кара-Киргизской автономной областью и Узбекской ССР. По официальной переписи населения 2009 г. доля узбеков в г. Ош – 44,18, Ошской обл. – 27,7%. Ош считается «южной столицей» Киргизской Республики, имеет статус города республиканского подчинения. Киргизия относится к слабо урбанизированным странам (доля городского населения: 1926 г. – 12,2, 1979 г. – 38,7 (наивысшее значение), 2016 – 33,7% [Метаморфозы разделенных обществ..., 2020, с. 121–141; Садыралиев, 2018, с. 73].

Политика границ в советский период привела к подключению ферганского П/Я к киргизской Г/П, но при символическом значении республиканских административных границ П/Я не было интегрировано, хотя доля киргизского населения в нем возросла. В независимой Киргизской Республике это вызвало масштабное насилие между узбекским и киргизским сегментами П/Я за политические и экономические ресурсы с подключением к конфликту Г/П. Сопутствующим процессом стали конфликты между периферийными киргизскими кланами за доступ к ресурсам.

Случай Чечни. В Чечне в постсоветский период произошло два вооруженных конфликта: первая (1994–1996) и вторая чеченская (1999–2000) войны.

Нагорный Дагестан и Чечня были включены в состав Российской империи в ходе Кавказской войны (1817–1864). Политически они представляли собой систему «вольных обществ», сопро-

тивление которых возглавлялось суфийскими шейхами. В 1834–1859 гг. в ответ на российскую угрозу сформирована система военной теократии – имамат Шамиля. После поражения имамата в 1860 г. образован Чеченский округ Терской области с центром во Владикавказе. В 1844–1882 гг. все российские владения на Кавказе входят в состав Кавказского наместничества с дифференцированным режимом управления.

В 1870 г. принято «Положение о сельских (аульных) обществах и общественном управлении в Кубанской и Терской областях», которое предусматривало систему судопроизводства по адату и шариату в сочетании с мировыми и третейскими судами. С 1888 г. – отмена элементов национальной автономности, установление над горскими народами военно-казачьего управления.

В 1920 г. образован Чеченский национальный округ в составе Горской АССР. В 1922 г. преобразован в Чеченскую АО, в 1929 г. к ней присоединен г. Грозный (имел особый статус, доля местного населения была низкой). В 1934 г. возникает Чечено-Ингушская АО, в 1936 г. она преобразована в Чечено-Ингушскую АССР. В 1944 г. произошла депортация чеченцев и ингушей, на месте ЧИАССР создана Грозненская область. В 1957 г. – воссоздание ЧИАССР, сопровождавшееся протестами в Грозном против возвращения чеченцев (1958). В 1991 г. – раздел ЧИАССР на суверенную Чеченскую Республику и Ингушскую Республику в составе РСФСР. При распаде СССР в результате открытого конфликта с Москвой – попытка отделения и провозглашение Чеченской Республики Ичкерия (1991–2000). После операции по «восстановлению конституционного порядка» 1999–2000 гг. – субъект Российской Федерации с большим объемом формальных и неформальных полномочий (в частности, находящиеся в республике силовые структуры сформированы по этническому принципу) [Бобровников, 2002].

Конфликт можно рассматривать как борьбу Я и Г/П за политическую власть и ресурсы, завершившуюся восстановлением имперского режима управления Я–Г/П на основе неформальных договоренностей.

Случай Грузии (грузино-абхазский конфликт (1992–1993), грузино-югоосетинский конфликт (1991–1992 гг., 2004 г., 2008 г.)).

До XV в. Абхазия находилась в составе объединенных грузинских княжеств. В связи с распадом Грузии осуществляется вы-

деление слабо централизованного Абхазского княжества. В 1810 г. происходит взятие Сухума и установление российского протектората с принесением князем присяги на верность подданства и назначением жалования владетелю и его матери [Материалы по истории..., 2008, с. 95]. Для усмирения сопротивления абхазских феодалов имперское Я использовало институт заложников и поручительства.

В 1864 г. Абхазское княжество упразднено, введено прямое российское военное управление. Образован Сухумский военный округ и введена военная администрация.

В 1917–1920 гг. Сухумский округ входил в состав Грузинской Демократической Республики. В 1921 г. образована Советская Социалистическая Республика Абхазия, которая вошла в состав Закавказской СФСР. В 1931 г. Абхазия стала автономной республикой в составе Грузинской ССР в составе ЗСФСР. В 1936 г. ЗСФСР была упразднена, что привело к прямому конфликту между грузинским П/Я (Тбилиси) и абхазской П/П.

В 1990 г. провозглашена суверенная Абхазская ССР, в 1992 г. – Республика Абхазия. В 1992–1993 г. произошла война с Грузией. В 1994 г. была провозглашена независимость республики [Авидзба, 2008; Ачугба, 2010].

В целом грузино-абхазский конфликт за статус и ресурсы был сформирован устранением имперского Я из режима управления абхазской П/П. Сухум не смог выполнить роль П/Я и вступить в процесс торга из-за его грузинизации и подавления абхазского меньшинства (по Всесоюзной переписи 1989 г., в Сухуми проживали: грузины – 41,5, русские – 21,6, абхазы – 12,5, армяне – 10,3%)¹. Прекращение его горячей фазы было осуществлено благодаря признанию независимости Абхазии бывшим имперским ядром – Москвой.

Осетия исторически представляла собой систему вольных обществ. Населенные осетинами территории к югу от Кавказского хребта получили название Южной Осетии. В 1783 г. Восточная Грузия – Картли-Кахетинское царство признает над собой протекторат России, но власть грузинских князей над Южной Осетией была номинальной. В 1801 г. царство присоединено к Российской

¹ Население Абхазии. – Режим доступа: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/mabkhazia.html> (дата посещения: 28.11.2021).

империи. В 1842 г. российские власти предприняли попытку выделить горцев из уездов, куда они входили, и составить округа с военно-гражданским управлением. Позднее осетинский округ вновь присоединен к Горийскому и Душетскому уездам (1867–1917).

В 1917–1922 гг. Южная Осетия находится в составе Грузинской Демократической Республики. В 1918–1920 гг. осетины организуют восстания за выход из Грузии и присоединение к РСФСР. В 1922 г. учреждена Юго-Осетинская АО в составе Грузинской ССР.

В период распада СССР было принято решение Совета народных депутатов ЮОАО о поднятии ее статуса и преобразовании в автономную республику в составе Грузинской ССР (1989). В 1990 г. провозглашена Юго-Осетинская Советская Демократическая Республика в составе СССР. В ответ грузинские власти упразднили ЮОАО. Москва (Я) аннулировала эти указы, но его решению подчинилась только Южная Осетия [Дзугаев, 2007].

В 1991–1992 гг. была принята Декларация о независимости Республики Южная Осетия и проведен референдум, что привело к войне с Грузией. Продолжение открытого конфликта имело место в 2004 и 2008 гг. В 2008 г. республика признана Россией как суверенное государство.

Грузино-югоосетинский конфликт принял форму конфликта между П/Я (Тбилиси) и Г/П за политический статус и ресурсы при ослаблении, а затем и самоустранении Я. Он был купирован путем фактического возвращения режима имперского управления.

Проведенный анализ вынужденно краток и неполон, но, по нашему мнению, достаточно иллюстративен. Он показывает, что в национальных государствах, где установленные режимы управления не согласуются с историческими моделями управления, наблюдается затяжное противостояние между полуядрами и разнородными полуперифериями за восстановление баланса в системе распределения ресурсов (символических, военно-политических, фискальных). Это противостояние быстро этнизируется и разрастается, и полуядра оказываются не в состоянии выполнять свою главную функциональную задачу по консолидации сегментированной полупериферии. В зонах бывшей глубокой периферии, где предпринимаются попытки урегулировать конфликт в отсутствие какой-либо воспроизводимой исторической модели управления, происходят сепарации.

Как отмечалось, режимы имперского управления не могут быть повторены в новых национальных государствах, которые стремятся осуществить территориально-политическую консолидацию и форсируют национальную унификацию и стандартизацию, в том числе при опоре на доминирующую этнокультурную идентичность. Решения просматриваются на пути создания новых конфигураций властных отношений посредством заключения институциональных сделок, которые будут выгодны вовлеченным акторам [Wolff, 2012, р. 2–3]. Принципиальной точкой расхождения во мнениях экспертов выступает здесь вопрос о том, на чем должен быть поставлен приоритетный акцент – на включении этнокультурных сегментов в политический процесс с предоставлением соответствующих гарантий их прав или на создании институциональных стимулов к формированию умеренного межгруппового центра [см.: Метаморфозы разделенных обществ, 2020, с. 15–41]. И первое, и второе преимущественно оцениваются не в нормативном ключе (хотя и это может иметь место), а инструментально, с точки зрения практической необходимости обеспечения стабильности.

В первом случае речь идет о консоциализме, структурные характеристики которого были практически одновременно выявлены А. Лейпхартом и Г. Лембрухом, во втором – об интегративной теории Д. Горовица, обосновывающей эффективность рассредоточения «точек власти» при одновременном объединении голосов избирателей из разных сегментов и обмене ими при необходимости [Horowitz, 1985, р. 595–600]¹. Вторая модель вряд ли применима в условиях конфликта рассматриваемого типа, так как требует наличия основы для сотрудничества широких слоев общества и определенного уровня доверия.

В рассмотренных выше случаях консоциативные механизмы были применены в полном объеме в Боснии и Герцеговине; их реализация потребовала имплантации нового ядра в лице ЕС. Эти меры помогли остановить насилие, но привели к политико-территориальному закреплению этничности и тем самым создали препятствие для национальной консолидации. Возможность «особых отношений» с внешними центрами и режим двойного граж-

¹ Обе модели были подвергнуты Д. Горовицем критическому разбору по мере накопления практического опыта [см.: Horowitz, 2014].

данства поддерживают границы этой политики открытыми [о ситуации в БиГ см.: Кудряшова, Мелешкина, 2021 б].

При анализе положения в частично признанной Республике Косово также обращает на себя внимание присутствие внешнего ядра. Вместе с тем используемые консоциативные техники гарантируют скорее представительство меньшинств согласно квотам, а не их эффективное политическое участие. В частности, они не могут налагать вето на нежелательные законодательные акты и не могут влиять на избрание парламентом президента (для победы требуется две трети голосов из 120, а демографический вес не позволяет меньшинствам претендовать на более чем 10% мандатов в добавление к квоте). Конституция не предусматривает верхней палаты парламента; албанское большинство препятствует расширению прав муниципалитетов [о ситуации в Косово см.: Кудряшова, Мелешкина, 2021 б].

В Абхазии и Южной Осетии политическая стабилизация произошла путем сепарации и последующего втягивания имперского ядра в управление. Ситуация в Киргизии остается нестабильной и в значительной степени сдерживается масштабной трудовой миграцией в Россию; возможно, улучшению ситуации послужит развитие деятельности ЕАЭС.

Заключение

Выявление общих и особенных проблем формирования государств и наций на территориях бывших империй позволяет заключить, что на траекторию национального и государственного строительства продолжает влиять имперский опыт. Он включает в себя формальные и неформальные институты управления, символы, наработанные территориально-пространственные связи и идентичности.

В отличие от национального государства, которому присущи последовательное использование принципа территориальности, наличие универсальных правил и практик управления и ряд других упомянутых в статье черт, империям, в большей или меньшей степени, а также в зависимости от их типа, свойственны иные характеристики. Среди них – отсутствие стремления к четкому согласованию границ различного рода (территориальных, политических,

экономических, культурных и т.д.) как к основе консолидации системы, потенциальная их открытость, манипуляция этническими группами, их переселение и создание анклавов, косвенная система управления, слабая ориентированность на стандартизацию и унификацию отношений внутри империи, высокая степень влияния неформальных правил и практик, культивация идеи легитимации политического порядка «сверху», цивилизаторско-миссионерские амбиции и признание неравноправия акторов международных отношений. Эти особенности во многом определяют те проблемы, с которыми встречаются новые территориальные политики: хотя все они разные, для каждой из них распад империи предопределил свое расположение планет, счастливое и не очень.

Среди наиболее серьезных вызовов можно отметить задачу консолидации границ (политических, культурных, экономических и т.д.); неизбежно возникающую при дезинтеграции империи институциональную деградацию; сохранение институциональной памяти и необходимость преодоления обычного для империй существенного разрыва между формальными и неформальными правилами и практиками организации и осуществления власти; создание универсальных и стандартизованных норм, правил и системы отношений.

Насколько успешно новые независимые государства справятся с ними, зависит от ряда факторов. Это – различия между бывшими империями, принадлежность к бывшему центру империи или к периферии, специфика институциональной памяти в виде форм организации власти в бывших империях, совмещение разных традиций, в том числе имперских, и наличие связанных с ними различных внешних центров, стремящихся влиять на внутриполитические процессы в новых государствах. Кроме того, это также количество и специфика конкурирующих внутренних центров и их взаимоотношения с периферией, особенности международной среды, которая предъявляет различные требования к постимперским государствам, расстановка политических сил, состав победной коалиции и действия акторов в период после распада имперских образований.

Некоторые случаи постимперских «болезней» формирующихся национальных государств рассмотрены нами на примере ряда этнополитических конфликтов и сецессий. Учитывая устойчивость многовековых имперских институциональных порядков,

они были проанализированы в новом ракурсе – с точки зрения принадлежности тех или иных этнокультурных сегментов к таким структурным элементам имперского пространства, как ядро, полужадро, полупериферии и глубокие периферии, и нарушения исторически сформировавшихся между ними зависимостей.

Как показало исследование, имперские центры отнюдь не всегда могут быть функционально замещены возникающими национальными, что требует продолжения их участия в управлении новыми политиями в том или ином качестве. Вместе с тем для стабилизации – хотя бы формальной – границ постимперских политий могут быть использованы современные политические механизмы, направленные на поддержание управляемости взаимодействия сегментов при слабом центре (консоциализм, автономизация и др.).

E.Yu. Meleshkina, I.V. Kudryashova *
After empires: beating swords into ploughshares¹

Abstract. The topic of nation- and state-building in the former imperial spaces is relevant. According to many researchers, the path “from empire to nation” is far from complete, although until recently the formation of nation-states has been perceived as a natural desire of peoples for self-determination and independence. In fact, it turned out that the empires themselves mimic nation-states (China, Iran), the former imperial centers think about restructuring their “lost” spaces (Istanbul / Ankara, Moscow), and the new nation-states find it difficult to develop state capacity.

The authors focus on the so-called continental or contiguous empires (Austro-Hungarian, Russian, Ottoman), since they were based on the idea of an inclusive political space, and the empire’s collapse meant the destruction of its state structure. Considering that, the article determines the problems of state- and nation-building in post-imperial political entities. The authors also focus on the extent the imperial institutional legacy is relevant for these problems, and on possibilities of “reconciliation” of “old” and “new” institutional orders in the case of conflicting consequences of their interaction.

Reflection on these issues required (a) detecting the idealtypical features of the empire and the nation-state in an international context, (b) defining the problems that

* **Meleshkina Elena**, Institute of scientific information on social sciences of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru; **Kudryashova Irina**, Moscow state institute of international relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research RFBR according to the research project N 19-011-00662 a.

arise with interaction of both institutional orders, and (c) identifying approaches to the solution of the problems.

To illustrate the depth of the problem, the authors have chosen the extreme cases of confrontation between the principles of the organization of imperial space and territorial borders (ethnopolitical conflicts and secessions). Since that imperial models of cultural-symbolic, military-political and economic interactions take a long time to form and to disintegrate, a number of respective conflicts have been analyzed in the logic of violation of spatial dependence between the elements of imperial structures correlated with ethno-cultural segments.

The study showed that the imperial centers can not always be replaced by emerging national state ones. That requires their “return” in an updated form. At the same time, modern political mechanisms aimed at maintaining the manageability of the segments’ interactions under conditions of a weak center (consociationalism, autonomization, etc.) can be used to stabilize, at least formally, the boundaries of post-imperial polities.

Keywords: empire; continental / contiguous empire; national state; territoriality; post-imperial space; institutional transformation.

For citation: Meleshkina E.Yu., Kudryashova I.V. After empires: beating swords into ploughshares. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 14–51. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>

References

- Achugba T.A. *The ethnic history of the Abkhazians in the XIX–XX centuries. Ethno-political and migrational aspects*. Sukhum: ABIGI, 2010, 356 p. (In Russ.)
- Almond G., Flanagan S., Mundt R. (eds). *Crisis, choice, and change: Historical studies of political development*. Boston, EUA: Little Brown, 1973, 717 p.
- Avidzba A.F. *The Patriotic war (1992–1993): issues in the military-political history of Abkhazia*. Sukhum: NAR, 2008, 497 p. (In Russ.)
- Barkey K. Thinking about consequences of empire. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 99–114.
- Barkey K., Gavrili G. The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy. *Ethnopolitics*. 2016, Vol. 15, N 1, P. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- Bartolini S. *Restructuring Europe: Centre formation, system building, and political structuring between the nation state and the European Union*. Oxford: Oxford university press, 2005, 415 p.
- Benhabib S. Citizens, residents, and aliens in a changing world: Political membership in the global era. In: Hedetoft U., Hjort M. (eds). *The postnational self: Belonging and identity*. Minneapolis: University of Minnesota press, 2002, P. 85–119.
- Berger S., Miller A. Introduction. In: Berger S., Miller A. (eds). *Nationalizing empires*. Budapest, New York: CEU press, 2015, P. 1–30.

- Bobrovnikov V.O. Custom, law and violence among the North Caucasus Muslims. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002, 368 p. (In Russ.)
- Brubaker R. Aftermaths of empire and the unmixing of peoples. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 155–180.
- Clogg R. *A concise history of Greece*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1992, 291 p.
- Colomer J. Bringing the empire back in. *GCG Georgetown university. Universia*. 2008, Vol. 2, N 1, P. 48–58.
- Dimitrova-Grajzl V. The great divide revisited: Ottoman and Habsburg legacies on transition. *KYKLOS*. 2007, Vol. 60, N 4, P. 539–558.
- Dzugaev K.G. The Republic of South Ossetia: history and modernity. *Slavic Eurasian studies series*. 2007, N 18, P. 61–84. Mode of access: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/4_dzygaev.pdf (accessed: 23.10.2021). (In Russ.)
- Emmenegger P. Agency in historical institutionalism: Coalitional work in the creation, maintenance, and change of institutions. *Theory and society*. 2021, N 50, P. 607–626. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11186-021-09433-5>
- Esherick J.W., Kayali H., van Young E. (eds). *Empire to nation: historical perspectives on the making on the modern world*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006, 430 p.
- Fossum J.E. Conceptualizing the European Union through four strategies of comparison. *Comparative European politics*. 2006, Vol. 4, N 1, P. 94–123. DOI: <https://doi.org/10.1057/palgrave.ccp.6110077>
- Gagaptay S. *Islam, secularism, and nationalism in modern Turkey. Who is a Turk?* Abingdon, New York: Routledge, 2006, 262 p.
- Grishina R.P. (ed.). *A man in the Balkans. The state and its institutions: grimaces of political modernization (last quarter of the XIX – early XX century)*. Saint Petersburg: Aletheia, 2006, 358 p. (In Russ.)
- Hobsbaum E.J. The end of empires. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nationbuilding. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 12–18.
- Hobsbawm E.J. The end of empire. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building*. Boulder: Westview press, 1997, P. 12–18.
- Hopkins A.G. *American empire: a global history*. Princeton, Woodstock: Princeton univ. press, 2019, 1008 p.
- Horowitz D.L. *Ethnic groups in conflict*. Berkeley, CA: Univ. of California press, 1985, 697 p.
- Horowitz D.L. Ethnic power sharing: Three big problems. *Journal of democracy*. 2014, Vol. 25, N 2, P. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.2014.0020>
- Ilyin M.V. Russia's choice: myth, fate, culture. *Via Regia*. 1995, N 1–2, P. 17–24. (In Russ.)
- Joppke Ch. Citizenship between de- and re-ethnicization. In: Bodemann Y.M., Yurdakul G. (eds). *Migration, citizenship, ethnos*. New York: Palgrave, 2006, P. 63–91.
- Karpat K. The Ottoman ethnic and confessional legacy in the Middle East. In: Esman M.J., Rabinovich I. (eds). *Ethnicity, pluralism, and the state in the Middle East*. Ithaca, London: Cornell univ. press, 1988, P. 35–53.

- Kaspe S.I. *Centers and hierarchies: Spatial metaphors of power and Western political form*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2007, 318 p. (In Russ.)
- Keating M. European integration and the nationalities question. *Politics and society*. 2004, Vol. 32, N 3, P. 367–388.
- Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds). *Metamorphoses of divided societies*. Moscow: MGIMO-University, 2020, 284 p. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Matyukhin V.V. Turkey: national interests and imperial legacy. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 117–136. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Meleshkina E. Yu. Kosovo: Secession as a nation-building project. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2021 a, Vol. 14, N 1, P. 228–249. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-12> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Meleshkina E. Yu. Power-sharing and national community formation: understanding Bosnia's experience. *Current problems of Europe*. 2021 b, Vol. 110, N 2, P. 127–153. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/apc/2021.02.06> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Meleshkina E. Yu. Ethnic minorities and nation-building in the Post-Soviet space: towards the formulation of a research problem. *MGIMO Review of international relations*. 2009, N 2, P. 45–54. (In Russ.)
- Kymlicka W. *Politics in the vernacular: Nationalism, multiculturalism, and citizenship*. Oxford; New York: Oxford univ. press, 2001, 383 p.
- Lieven B. *The Russian Empire and its rivals from the 16 th century to the present day*. Moscow: Evropa, 2007, 688 p. (In Russ.)
- Materials on the history of Abkhazia in the XIX century (1803–1839)*. Collection of documentary materials. Sukhum: House of the press, 2008, Vol. 1, 288 p.
- McCarthy J. *Death and exile: The ethnic cleansing of the Ottoman muslims, 1821–1922*. Princeton, NJ: Darwin press, 1995, 383 p.
- Meleshkina E. Yu. Alternatives of nation- and states-building in conditions of ethnocultural heterogeneity. *METHOD: Moscow Yearbook of social studies*, 2010 a, P. 123–145. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. Nation- and states-building in conditions of ethnocultural heterogeneity: Theoretical approaches and historical practice. *Political science (RU)*. 2010 b, N 1, P. 8–28. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. The Soviet experiment: between imperial and state forms. *Political expertise: POLITEX*, 2012 a, N 4, P. 100–124. (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. *Formation of new States in Eastern Europe*. Moscow: RAN INION, 2012 b, 252 p. (In Russ.)
- Mironov B.N. *Ethnic diversity management in the Russian Empire*. Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin, 2017, 640 p. (In Russ.)
- Motyl A. From imperial decay to imperial collapse: The fall of the Soviet empire in comparative perspective. In: Rudolph R., Good F. (eds). *Nationalism and empire:*

- The Habsburg empire and the Soviet Union*. New York: St. Martin's press, 1992, P. 15–43.
- Osterhammel J. *The transformation of the world: a global history of the nineteenth century*. Princeton, Oxford: Princeton univ. press, 2015, 1192 p.
- Panov P.V. *Institutions, identities, practices: A theoretical model of the political order*. Moscow: ROSSPEN, 2011, 230 p. (In Russ.)
- Roeder Ph. *Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism*. Princeton: Princeton University press, 2007, 440 p.
- Rokkan S., Campbell A., Torsvik P., Valen H. *Citizens, elections, parties*. Oslo: Universitet-forlaget, 1970, 470 p.
- Rothschild J. (ed.). *East Central Europe between the two World Wars, A history of East Central Europe*. Seattle, WA: Univ. of Washington press, 1998, 420 p.
- Sadyraliev Zh.S. On the number and distribution of the population of the Kyrgyz Republic. *International journal of humanities and natural sciences*, 2018, N 1, P. 72–76. (In Russ.)
- Soysal Y.N. glu. Citizenship and identity: Living in diaspora in postwar Europe. In: Hedetoft U., Hjort M. (eds). *The postnational self: Belonging and identity*. Minneapolis: University of Minnesota press, 2002, P. 137–151.
- Soysal Y.N. glu. *Limits of citizenship: Migrants and postnational membership in Europe*. Chicago: University of Chicago press, 1994, 244 p.
- Spruyt H. *The Sovereign state and its competitors. An analysis of system change*. Princeton: Princeton University press, 1994, 302 p.
- Stark D., Bruszt L. *Postsocialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe*. New York: Cambridge University press, 1998, 300 p.
- Stavrianos L.S. *The Balkans since 1453*. New York: New York university press, 2000, 970 p.
- Suni R. Dialectics of empire: Russia and the Soviet Union. In: Gersimov I., Glebov S., Kaplunovskii A. (eds). *New imperial history of the post-soviet space*. Kazan: Tsenter issledovaniya natsionalizma I imperii, 2004, P. 163–198. (In Russ.)
- Tambini D. Post-national citizenship. *Ethnic and racial studies*. 2001, Vol. 24, N 2, P. 195–217. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870020023418>
- Tasić D. *Paramilitarism in the Balkans: Yugoslavia, Bulgaria, and Albania, 1917–1924*. New York: Oxford univ.press, 2020, 288 p.
- Tilly Ch. How empires end. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, Oxford: Westview press, 1997, P. 1–11.
- Tilly Ch. Western state-making and theories of political transformation. In: Tilly Ch. (ed.). *The formation of national states in Western Europe*. Princeton: Princeton university press, 1975, P. 601–638.
- Wolff S. Consociationalism, power sharing, and politics at the center. In: Wolff S., Yakinthou Ch. (eds). *Conflict management in divided societies: theories and practice*. Abingdon, New York: Routledge, 2012, P. 23–56.
- Yazykova A.A. (ed.). *South-Eastern Europe under cardinal changes*. Moscow: Ves' Mir, 2007, 352 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Авидзба А.Ф.* Отечественная война (1992–1993 гг.). Вопросы военно-политической истории Абхазии. – Сухум: НАР, 2008. – 496 с.
- Ачугба Т.А.* Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционный аспекты. – Сухум: АБИГИ, 2010. – 356 с.
- Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.: Восточная литература, 2002. – 368 с.
- Дзугаев К.Г.* Республика Южная Осетия: история и современность // *Slavic Eurasian Studies Series*. – 2007. – № 18. – С. 61–84. – Режим доступа: https://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no18/4_dzygaev.pdf (дата посещения: 23.10.2021).
- Ильин М.В.* Выбор России: миф, судьба, культура // *Via Regia*. – 1995. – № 1–2. – С. 17–24.
- Кастэ С.* Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 318 с.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С.* Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // *Политическая наука*. – 2021. – № 2. – С. 140–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>
- Кудряшова И.В., Матюхин В.В.* Турция: национальные интересы и имперскость // *Политическая наука*. – 2013. – № 3. – С. 117–136.
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Косово: сецессия как национальный проект // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2021 а. – Т. 14, № 1. – С. 228–249. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-1-12>
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта // *Актуальные проблемы Европы*. – 2021 б. – № 2. – С. 127–153. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/ape/2021.02.06>
- Кудряшова И.В., Мелешкина Е.Ю.* Этнические меньшинства и национальное строительство на постсоветском пространстве: к постановке исследовательской проблемы // *Вестник МГИМО (Университета)*. – 2009. – № 2. – С. 45–54.
- Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
- Материалы по истории Абхазии XIX века (1803–1839).* Сборник документальных материалов. – Т. 1. – Сухум: Дом печати, 2008. – 288 с.
- Мелешкина Е.Ю.* Альтернативы формирования наций и государств в условиях этнокультурной разнородности // *Метод: Московский ежегодник трудов обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр персп. методологий социально-гуманит. исследований*. – М., 2010 а. – С. 123–145.
- Мелешкина Е.Ю.* Формирование государств и наций в условиях этнокультурной разнородности: Теоретические подходы и историческая практика // *Политическая наука*. – 2010 б. – № 1. – С. 8–28.

- Мелешикина Е.Ю.* Советский эксперимент: между имперскими и государственными формами // Политэкс. – 2012 а. – № 4. – С. 100–124.
- Мелешикина Е.Ю.* Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012 б. – 252 с.
- Метаморфозы разделенных обществ / под. ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.
- Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 640 с.
- Панов В.П.* Институты, идентичности, практики: Теоретическая модель политического порядка. – М.: РОССПЭН, 2011. – 230 с.
- Садыралиев Ж.С.* О численности и размещении населения Кыргызской Республики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 1. – С. 72–76.
- Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / ред и сост. И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский и др. – Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004. – С. 163–198.
- Человек на Балканах. Государство и его институты: гримасы политической модернизации (последняя четверть XIX – начало XX века): Сб. статей / под ред. Р.П. Гришиной. – СПб.: Алетейя, 2006. – 358 с.
- Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен / под ред. А.А. Языковой. – М.: Весь мир, 2007. – 352 с.

Д.Б. КАЗАРИНОВА, Н.А. ДУНАМАЛЯН*
ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ
ПОСТСОВЕТСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ:
ПОДХОДЫ, МОДЕЛИ, ТЕНДЕНЦИИ¹

Аннотация. Развитию идентичностей стран постсоветского пространства посвящен большой массив научной литературы, исследование которой позволило авторам осуществить поиск общей логики и различий в развитии идентитарных процессов в странах постсоветского пространства. Выдвинута гипотеза, что с помощью анализа содержательных элементов политики памяти и символической политики, а также их структурных взаимосвязей можно выделить модели постсоветской идентичности и сделать выводы о векторах ее развития. Визуализация ключевых месседжей в рамках символической политики и политики памяти стран постсоветского пространства (облака тэгов), а также данные экспертного опроса (N 12) позволили зафиксировать углубление тенденций, сложившихся за три десятилетия постсоветской истории, а также тренд на регионализацию постсоветских идентичностей, группирующихся вокруг нескольких моделей. Это модель «национально-цивилизационного сообщества»; «неосоветская» модель; «геополитическая» или «антиимперская» идентичность; модель поиска баланса между государственной, этнической и религиозной идентичностями; переходные «прикаспийские» идентичности; этнокультурная модель. Проведенный опрос об ос-

* **Казаринова Дарья Борисовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (Москва, Россия), e-mail: d.kazarinova@mail.ru; **Дунамалян Норайр Арменович**, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Российско-Армянский (Славянский) университет (Ереван, Армения), e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20–511–05025–арм_а «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

новых моделях постсоветских идентичностей подтвердил продолжающийся процесс взаимного дистанцирования обществ бывшего СССР на основе возникновения новых форм восприятия социальных и политических явлений.

Ключевые слова: идентичность; постсоветское пространство; модели формирования идентичности; политика памяти; Россия; Армения; этнонационализм; гражданская идентичность; стагнирующая идентичность; постимперская идентичность.

Для цитирования: Казаринова Д.Б., Дунамалян Н.А. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 52–79. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.02>

Введение

Многообразие траекторий развития идентичностей стран постсоветского пространства является постоянной темой исследований как в России, так и за рубежом. Исследования идентичностей в контексте постимперского синдрома [Оганисян, 2012; Петросян, Свинцов, 2007; Подвинцев, 2017; Сургуладзе, 2015; Тихонова, 2007]¹, постколониальные исследования [Moore, 2001; Spivak et al., 2006; Forest, Johnson, 2011; Летняков, 2016], общества травмы и манкуртизма [Тощенко, 2010] создают широкое полотно постсоветской идентичности. Тематика эта в особенности *актуализируется* в период обострений политических конфликтов как регионального уровня, например, на Южном Кавказе, так и макро-регионального (конфликт вокруг Украины, актуальный миграционный кризис на границе Белоруссии и Польши).

Цель настоящего исследования состоит в поиске общей логики и различий в развитии идентитарных процессов в странах постсоветского пространства. Гипотеза авторов состоит в том, что с помощью анализа содержательных элементов политики памяти и символической политики, а также их структурных взаимосвязей можно вычленить модели постсоветской идентичности и сделать выводы о векторах ее развития. Методология исследования включает как вторичный анализ научной литературы в рамках дихото-

¹ См. также: О постимперском синдроме в России. Фрагменты выступления члена Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Александра Аузана // Газета протестант. – Режим доступа: <http://www.gazetaprotestant.ru/2008/02/o-postimperskom-sindrome-v-rossii/> (дата посещения: 30.10.2021).

мии «примордиализм – конструктивизм», так и построение интерпретативной модели типов постсоветских идентичностей, визуализации ключевых меседжей в рамках символической политики и политики памяти стран постсоветского пространства (облака тэгов), а также анализ проведенного экспертного опроса (N 12). По результатам анализа русскоязычной и англоязычной литературы по проблематике постсоветской идентичности мы выявим основные смысловые узлы, переходя в этой логике к проблемам исторической памяти и роли постколониального дискурса; вычленим основные модели постсоветской идентичности; проанализируем восприятие постсоветской идентичности в Армении.

Развитие «постсоветской» идентичности: «стагнирующая» идентичность или переход к новым формам

Поиск причин и тенденций развития «постсоветской идентичности» стал одним из важнейших направлений в анализе социологической и политологической картины обществ бывших союзных республик, у истоков которого стояла рефлексия над «общим прошлым», способствующая сохранению элементов единого социокультурного и политического пространства. Вместе с тем возникал вопрос о том, как трактовать понятие «постсоветская идентичность», поскольку его содержание представлялось слишком широким и вторичным (к примеру, как продолжение «советской идентичности эпохи 1980-х»). Интерес к данной тематике начал расти параллельно тектоническим изменениям на пространстве бывшего СССР, ознаменовавшим окончательный распад прежней политической общности и переход к новой стадии. Этот процесс дал повод для различных трактовок постсоветской идентичности в виде «стагнирующей» или переходной идентичности [Постсоветская идентичность в..., 2014, с. 8].

Сложность определения феномена «постсоветской идентичности» связана с несколькими уровнями наслаивающейся социально-политической реальности, которые формируются на основе советского опыта и параллельно ему. Исходя из этого, некоторые эксперты могут отвергать само явление «постсоветского пространства», воспринимая его как политический конструкт.

В прошлом, как и сегодня, главным аргументом в пользу существования некой постсоветской идентичности является само-

идентификация индивида в пространстве социальных и политических практик. Как отмечает Г. Кертман, постсоветская политическая культура отвечала на импорт «чужеродных» ценностей «реинтерпретацией новых институтов, их смысла и политического предназначения в русле традиционных для этой культуры представлений о власти и оптимальной модели ее взаимоотношений с народом» [Кертман, 2006, с. 437], что способствовало формированию образа «среднего» гражданина, стремящегося «быть как все» и приспособленного «к пониженному уровню существования» [Левада, 2006, с. 218].

С другой точки зрения постсоветская идентичность могла восприниматься как исторический или геополитический феномен, который привязан к ценностям и привычкам поколения, пережившего период перестройки и первые годы становления независимых республик¹. В этот период политика идентичности новых государств должна была адаптировать большой пласт ценностей советского периода к политическому дискурсу независимости. Благо советская эпоха предоставила союзным республикам богатый выбор для построения основных элементов культурного национализма (национальная мифология, границы, политическая элита, культурная модернизация), переросшего в будущем в ключевой политический фактор нациестроительства.

Иной взгляд представлен в контексте постколониального подхода, предложенного Д. Муром [Moore, 2001], который выступал против трактовки колониализма как исключительно западноевропейской практики, объединяя постсоветские и постколониальные исследования. Эта тематика нашла свое применение в дискурсе построения национальной идентичности большинства постсоветских стран.

Стоит отметить, что в отличие от союзных республик в российском обществе «речь шла о формировании существенно “новой” идентичности, поскольку в рамках СССР проект многонациональной Российской республики не имел вполне четких культурно-политических очертаний» [Малинова, 2013, с. 211]. Этим обстоятельством можно объяснить большой интерес к поис-

¹ Искандарян А. Постсоветское пространство: существует ли оно? // Минский Диалог. – 2017. – 27 сентября. – Режим доступа: <http://minskdialogue.by/research/opinions/postsovetskoe-prostranstvo-sushchestvuet-li-ono> (дата посещения: 29.10.2021).

ку оснований российской идентичности и единого формата исторической памяти, сглаживающего конфликты между отдельными периодами развития российского общества. В свою очередь, перед независимыми республиками стояла задача построения самобытной национальной идентичности, формирующей конкретный взгляд на прошлое и будущее государства и общества.

Изучение постсоветской идентичности англоязычными авторами проводилось преимущественно сквозь призму символических практик, культуры (чаще всего кинематографа), тематики исторической памяти, а также в контексте религиозных отношений. Различные сборники объединяют в себе кейсы по этим практикам, значительную часть которых составляют тексты российских авторов или англоязычных ученых из стран постсоветского пространства.

Улавливается такая тенденция: если российские авторы при употреблении термина «постсоветский» в контексте культуры, политики, идентичности делают смысловой акцент на приставке «пост» и имеют в виду нечто, происходящее на пространстве бывшего Советского Союза, то в работах англоязычных авторов акцент больше делается на советское наследие, историческую связь между советским и постсоветским (для отечественных исследователей эти понятия существенным образом разведены). Такая связь советского с постсоветским прослеживается в сборнике *Soviet and Post-Soviet Identities* под редакцией М. Бассина и К. Келли [Bassin, Kelly, 2012], где рассматриваются различные культурные и символические практики, в *Literature, History and Identity in Post-Soviet Russia, 1991–2006* Р. Марш о постсоветской литературе [Marsh, 2007], статьях Б. Фореста и Дж. Джонсон об исторической памяти [Forest, Johnson, 2002]. При этом характерен такой вывод: «Посттоталитарные общества сталкиваются с общей проблемой переосмысления своего национального характера как гражданского и демократического во многом потому, что их национальная идентичность была тесно связана с репрессивными режимами» [Forest, Johnson, Till, 2004]. С моделями работы с «трудным прошлым» – проработкой или избеганием – они связывают не только уровень развития демократии, но и гражданской идентичности. Их вывод: без проработки вопросов трудного прошлого гражданская идентичность не сложится.

Вопросами постсоветской идентичности во внешнеполитическом контексте в 1990-х занималась Г. Шафетц [Chafetz, 1996]. Она пыталась подойти к теме, исходя из решения двух основных вопросов:

как лидеры России воспринимают формирующийся мировой порядок, каким видят место России в нем и легитимируют свои внешнеполитические подходы исходя из избранной стратегии. Интересно, что уже в период 1990-х ставится вопрос о том, что Россия определяет свое место в мире, исходя не из внутренних идентификационных процессов (во многом это и невозможно ввиду делящейся расколотости российского общества), а из внешних. Отталкиваясь от своего видения мировой политики и тренда на «стратегическое одиночество», власть уже в этот период формулирует политику идентичности, артикулирующую цивилизационную особость и ценностно-политическую обособленность, что потом найдет свое отражение в программных выступлениях В. Путина от Мюнхена-2007 до Валдая-2021.

Еще одно соображение приходит на ум при обращении к массиву англоязычной литературы по проблематике постсоветской идентичности. Если в русскоязычной литературе под постсоветским пространством по умолчанию понимается совокупность независимых государств, то англоязычное постсоветское пространство наполняется политическими акторами различного уровня, возникшими в результате дезинтеграции Советского Союза: это государства, непризнанные государства, субъекты РФ, которые рассматриваются в общем ряду. Так, сборник под редакцией Р. Исаакса и А. Полезе *Nation-Building and Identity in the Post-Soviet Space: New Tools and Approaches* посвящен различным аспектам нациестроительства (политике памяти, профессиональному измерению, языковой и образовательной политике) в независимых государствах постсоветского пространства и национальных республиках РФ. В предисловии авторы сборника даже высказывают мысль, что постсоветское пространство становится идеальным полигоном для социального конструктивизма, реализующегося во всем многообразии его форм. Конструктивизм позволяет проследить, как нация или идея нации проходит стадии «воображения», создания, развития и обретает свое реальное воплощение [Isaacs, Polese, 2016, p. 1].

Можно заключить, что англоязычная литература по проблемам постсоветской идентичности хоть и обширна, но достаточно фрагментарна и из нее сложно почерпнуть целостное представление. Как правило, в коллективных монографиях по этой теме вслед за теоретическим введением, воспроизводящим идеи Э. Геллнера, Э. Хобсбаума, М. Хальбвакса, П. Нора, Р. Брубейкера, следует описание кейсов политики идентичности, мало связанных между собой общей теоретической и методологической рамкой. Логика

структурирования постсоветского пространства остается не вполне проявленной в этой ситуации, а значит, не позволяет сделать выводы об общем и особенном в тенденциях развития гражданской идентичности в отдельных странах. Между тем российская литература предлагает, как представляется, более концептуально оформленный взгляд.

Основные тенденции современного этапа развития постсоветской идентичности: историческая память и постколониальный дискурс

Как было отмечено выше, в советский период, несмотря на присутствие единой идеологии и тоталитарной политической системы, национальная политика СССР формировала особые модели национально-культурной идентичности, направленные на утверждение не противоречащих коммунистической идеологии стереотипов посредством очерчивания определенных границ этнической идентичности через политику «коренизации», языка, кампаний по развитию культурного квазинационализма. К тому же корни будущих «войн памяти» и фальсификации истории проявлялись еще в советский период (к примеру, игнорирование армянского фактора в азербайджанской историографии начиная с 1970-х годов [Шнирельман, 2003, с. 188, с. 216–223]), став уже в период независимости основным лейтмотивом отношений между постсоветскими государствами.

После распада СССР основной целью политики идентичности в условиях политической нестабильности и борьбы элит стала легитимизация режима и сохранение политического контроля [Между государством и нацией..., 2017, с. 72]. В этой логике строились образы «другого» (для этой роли использовался «советский империализм» или какое-либо сопредельное государство). Главное, что для многих бывших союзных государств (кроме России) по причине существовавших этнополитических конфликтов не составило большого труда найти «экзистенциального» противника.

Однако несмотря на многочисленные противоречия между бывшими союзными республиками, постколониальный дискурс оставался одним из самых востребованных на постсоветском пространстве. Поднимаясь над эмпирикой и делая ряд глубоких кон-

цептуальных обобщений, Д. Летняков выделяет ряд существенных характеристик идентичности стран постсоветского пространства: 1) присутствие постколониального дискурса; 2) миф о возвращении в Европу / о древних традициях демократии; 3) расколотость идентичности. Он называет следующие общие черты, составляющие предпосылки формирования идентичности ряда постсоветских государств, которые пошли по «постколониальному» пути: «это изобретение древней культурной и политической традиции, самовиктимизация имперского прошлого, изображение его в качестве времени “оккупации” национальной территории, ее эксплуатации в пользу метрополии, активное использование этноцентристской идеологии для политической мобилизации населения» [Летняков, 2016, с. 159].

В этом контексте ключевым фактором типа формирующейся идентичности становилась дихотомия: наличие исторической общности в досоветский период и / или борьба за обретение независимости в противовес неожиданному обретению государственности «нациями поневоле» (в терминах К. Мейера), где предполагаемая общегражданская идентичность должна была конкурировать с трайбализмом и регионализмом.

На базе предложенных Д. Летняковым оснований можно сформировать следующую модель процессов формирования идентичности и в соответствии с этой моделью распределить страны по группам (табл. 1).

Таблица 1

**Роль постколониального дискурса
как фактора формирования идентичности**

Факторы формирования идентичности	Высокая роль постколониального дискурса	Постколониальный дискурс маргинален
Борьба за государственность / наличие исторической традиции государственности	Страны Балтии, Грузия	Армения, Беларусь ¹
Неожиданное обретение государственности «нации поневоле» / краткий опыт государственности	Молдова, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан / Азербайджан, Украина	Таджикистан

Источник: составлено авторами на основе подхода Д. Летнякова [Летняков, 2016].

¹ В случае Беларуси мы учитываем государствоцентричный подход современного этапа формирования идентичности и историческую традицию государственности в рамках Великого княжества Литовского.

Еще одна важная переменная, которую необходимо привести в данную модель, связана с политикой исторической памяти вне постколониального контекста, которая задает параметры идентичности. Как заявляют авторы чрезвычайно интересного, хотя и неоднозначно воспринятого научной общественностью сборника статей журнала *Ab Imperio* «Империя и нация в зеркале исторической памяти», важен не только общий нарратив исторической памяти, но и периодизация истории социума в коллективной памяти, которая вносит в события прошлого определенный порядок. «Подобно другим аспектам коллективной памяти, такая периодизация предполагает постоянный диалог между прошлым и настоящим, изменяясь по мере того, как данное сообщество переосмысливает свою историю с текущих идеологических позиций» [Империя и нация..., 2011]. Причем наиболее важный период рассматривается наиболее подробно и воплощается в наиболее ярких (и одновременно упрощенных) символах, в то время как другим уделяется значительно меньше внимания, а третьи могут быть подвергнуты забвению.

В связи с практиками забвения исторической памяти интересна амбивалентность термина «манкуртизм». С одной стороны, термин приобрел особую популярность в Татарстане, Башкирии и в среднеазиатских республиках в качестве презрительной клички для тех, кто равнодушно относится к своей национальной культуре¹. Этим же термином Ж. Тощенко называет и политику вытеснения и забвения советской истории на постсоветском пространстве: «В распространении манкуртизма большую роль играет полное игнорирование прошлого. Во многих постсоветских государствах существуют политические силы, которые желают перечеркнуть историю Советской страны (а заодно и России), представить ее как некий провал в развитии цивилизации» [Тощенко, 2010]. Таким образом, общество приписывает различное значение разным отрезкам своего прошлого, что выражается в различной «коммеморативной плотности» [Империя и нация..., 2011].

Используя это понятие, мы можем вычленировать события или периоды «наибольшей коммеморативной плотности», которые можно соотнести с более распространенным в *memory studies* по-

¹ Манкуртизм // Словарь Академик. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1022641> (дата посещения: 03.12.2021).

нятием «мифа основания»¹. Понятие «мифа основания» не совсем удобно в нашем случае: мы говорим о Победе во Второй мировой войне как краеугольном историческом событии в дискурсе исторической памяти, а также других событиях новой и новейшей истории. Поэтому мы предлагаем говорить о периоде «наибольшей коммеморативной плотности», не претендуя на изящество термина. Соответственно постсоветское пространство может быть представлено разделенным на те страны, где периодом «наибольшей коммеморативной плотности» выступает Вторая мировая / Великая Отечественная война и победа в ней, и те, где идентичность черпает ресурс в иных событиях, при этом особенно подчеркивая тему жертвы и жертвенности в своей дальней или близкой истории.

В связи с этим мы сделаем попытку вычленить ключевой месседж политики памяти в государстве постсоветского пространства. Понимая всю ограниченность подобного подхода, мы тем не менее предлагаем следующее: через создание облаков тэгов визуализировать главные сюжеты исторической памяти, отраженные в наименовании национальных праздников и памятных дат всех постсоветских стран (табл. 2).

Исходя из вышесказанного, постсоветское пространство можно условно разделить на две большие группы стран: 1) с сильным постколониальным дискурсом, где национальная идентичность отстраивается от России; 2) Беларусь, Таджикистан и Армения, где постколониальный дискурс является маргинальным феноменом «национализирующего национализма», о котором писал Р. Брубейкер. Дискурс о жертве или с позиции жертвы может быть также взят в качестве одной из переменных формирования идентичности.

¹ Под «мифом основания» понимаются «исторические события, которые знаменуют начало становления нации, государства, или моменты проявления ее наиболее ярких, выдающихся качеств» [Самаркина, 2017, с. 667].

Таблица 2

**Вычленение и визуализация ключевых месседжей
политики памяти стран постсоветского пространства
методом создания облаков тэгов**

Страна	Национальные праздники, связанные с коммеморацией	Памятные дни	Ключевой месседж политики памяти
1	2	3	4
Латвия	День восстановления независимости Латвийской Республики, День провозглашения Латвийской Республики	День памяти защитников баррикад 1991 года, День международного признания Латвийской республики, День памяти жертв коммунистического геноцида, День победы над нацизмом и день памяти жертв Второй мировой войны, День Европы, День памяти жертв коммунистического террора, День оккупации Латвийской Республики, День памяти борцов за свободу Латвии, День принятия закона «О суверенитете Латвийской Республики», День памяти жертв сталинизма и нацизма, День единства балтов, День Лачплесиса (День памяти павших за освобождение Латвии)	
Литва	День восстановления Литовского государства, День восстановления независимости Литвы, День коронации Миндаугаса (День Государства)	День флага Литвы, День защитников свободы, День надежды и траура, День черной ленты, День литовских воинов	

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Эстония	День независимости, День Победы, День восстановления независимости	День родного языка, День флага Эстонии, День траура (Почтение памяти жертв советских депортаций), День сопротивления, День возрождения	
Украина	День Победы, День Конституции Украины, День независимости Украины, День защитников и защитниц Украины	День соборности Украины, День памяти и примирения, День Европы, День скорби и увековечения памяти жертв войны на Украине, День государственного флага, День освобождения Украины от фашистских захватчиков, День достоинства и свободы, День свободы	
Молдова	День Победы, День независимости, День национального языка, День Победы и памяти павших героев за независимость Родины, День Европы	День памяти жертв Холодosta, День памяти погибших в войне в Афганистане, День памяти погибших в вооруженном конфликте 1992 года по защите целостности и независимости Республики Молдова и жертв этого конфликта, День Свободы, День памяти жертв катастрофы на Чернобыльской АЭС, День Государственного флага, День памяти жертв фашизма, День провозглашения суверенитета, День памяти жертв сталинизма, День Конституции, День независимости	

Продолжение табл. 2

	1	2	3	4
Азербайджан	День Победы, День Независимости, День национального спасения азербайджанского народа, День вооруженных сил Азербайджана, День восстановления независимости, День Конституции, День Победы в Отечественной войне 2020 года, День государственного флага, День национально-го возрождения, День солидарности азербайджанцев всего мира	День всенародной скорби (жертв подавления оппозиции советскими войсками), День памяти жертв Ходжалы, День геноцида азербайджанцев, День национального единства, День прав человека в Азербайджане, День азербайджанского алфавита и языка, День памяти жертв конфликта в Нагорном Карабахе)	Независимости национального памяти День Победы Отечественной жертв Конституции мира геноцида флага войне человека вооруженных языка возрождения прав Нагорном спасения всенародной Конституции Азербайджан Оппозиции советскими Азербайджана Азербайджана Азербайджана народа государственного спасения восстановления азербайджанцев войсками Ходжалы	
Грузия	День национального единства, День Победы над фашизмом, День независимости	День любви, День духовной любви	независимости Христианские праздники День национального над фашизмом духовной любви Победы единства	
Казахстан	Праздник единства народа Казахстана, День единства, День защитника Отечества, День Победы, День Конституции Республики Казах-стан, День Первого Президента Рес-публики Казахстан, День Столицы	День памяти жертв политических репрессий и голода, День государственных сим-волов Республики Казахстан, День Абая	голода Победы Праздник День народа единства Отечества Казахстан Республики Первого символов жертв государственных Абая Столицы Конституции репрессий политических Казахстана защитника памяти Казахстана	

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Узбекистан	День Памяти и Почестей (День Победы), День Независимости, День Конституции Узбекистана	День защитников Родины, День молодежи Узбекистана	Конституции Узбекистана Независимости Родины Почестей Победы Памяти защитников молодёжи
Таджикистан	День Вооруженных сил Республики Таджикистан, День Победы народов в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, День национального единства, День независимости Республики Таджикистан	День государственного языка Республики Таджикистан, День Конституции Республики Таджикистан, День президента Республики Таджикистан, День Государственного флага Таджикистана,	Таджикистан Вооружённых сил флага Отечественной государственного народов независимости Республики Победы Великой национального единства конституции Дней защитника Отечества истории Победы флага предков литературы эпоса национальной языка революции конституции эпоса памяти Независимости Манас
Кыргызстан	День защитника Отечества, День народной Апрельской революции, День Конституции Кыргызской Республики, День Победы, День Независимости Кыргызской Республики, Дни истории и памяти предков	День государственного языка, День Государственного флага, День эпоса «Манас», День национальной литературы	Кыргызской государственного народной Апрельской революции Дней защитника Отечества истории Победы флага предков литературы эпоса национальной языка революции конституции эпоса памяти Независимости Манас

Модели развития постсоветских идентичностей

Постколониальный дискурс построения национальной идентичности стал важным фактором становления постсоветских обществ, однако не единственным. Дистанцирование от некогда единой политики идентичности создавало необходимость разработки собственных моделей социально-политической общности. Во всех республиках декларировалась необходимость построения демократического государства и, как следствие, развития гражданского национализма (особенно для многонациональных республик), однако понятие «нация» в постсоветских государствах трактовалась слишком широко, приводя к выбору модели этнического национализма. Вместе с тем происходило «рассыпание» единого пространства, что способствовало процессу регионализации, выраженному в формировании отдельных комплексов социальных, политических, культурных и иных отношений, изолированных от других макрополитических сообществ (Южный Кавказ, Центральная Азия, Восточная Европа и т.д.).

Распад единого культурного и гуманитарного пространства привел к углублению имеющихся тенденций, группирующихся вокруг нескольких моделей: Российская Федерация – модель «национально-цивилизационного сообщества»; Беларусь – «неосоветская» модель; Украина, Грузия, Молдова и Прибалтика – «геополитическая» или «антиимперская»; страны Центральной Азии – модель баланса между государственной, этнической и религиозной идентичностями; Азербайджан и Туркменистан – переходные «прикаспийские» идентичности; Армения – этнокультурная модель.

Наиболее болезненным процессом поиска новой модели политической идентичности стал пример России, где смена советской парадигмы создала большое количество рисков, связанных со сложностями построения российской гражданской нации и сопряжением многочисленных этномифологий народов РФ. Такой процесс, в конце концов, привел к формированию, хотя и незавершенной, модели «национально-цивилизационного сообщества» [Пантин, 2012], предоставляющей возможность более гибко отвечать на вызовы кризиса идентичности внутри российского общества, но вместе с тем не выходящей из процесса постоянных конфликтов между историческими и эпохальными сюжетами российской истории.

Двоякость подобной трактовки российской идентичности вела к появлению двух общих подходов, существующих в рамках дихотомии «примордиализм – конструктивизм». Первый подход декларировал существование особой «русской цивилизации», которая способна сплотить различные социальные, политические, культурные паттерны русского общества, объединенного на основе исключительности и определенной «миссии» всего сообщества [Паин, Федюнин, 2017, с. 145–146]. Другой подход говорил о наличии общероссийской идентичности – «русской нации», основанной на феноменах солидарности и лояльности граждан РФ вне зависимости от этнической принадлежности [Тишков, 2013, с. 22]. В постсоветский период оба этих подхода активно использовались в публичной сфере для обоснования тех или иных программ политического руководства, однако «последовательного курса “строительства” макрополитической идентичности» [Малинова, 2013, с. 369], заменяющего инерцию постсоветского периода, сформулировано так и не было.

В бывших союзных республиках выбор той или иной модели национальной идентичности зависел от нескольких факторов: наличия опыта государственности, национальной культуры и стереотипов, гомогенности населения, обозначения «Другого» и геополитической ориентации. После нескольких «экспериментов» с этнонационализмом в полиэтнических республиках бывшего СССР (Молдова, Грузия, Азербайджан, Таджикистан) сложились более устойчивые модели политики идентичности, основанные на доминировании тех или иных факторов. К примеру, в Беларуси становление национальной идентичности проходило через процесс сохранения советской идентичности к построению новых концептов белорусской нации, объединяющих дискурсы советской, «литвинской» и национально-белорусской истории [Бикетова, Чернышов, 2018]. При этом каждый аспект определенного взгляда на историю и текущее развитие белорусского общества мог выполнять конкретную функцию: «литвинский» фактор делал более древним миф о белорусском государстве, советская идентичность обеспечивала лояльность политическому режиму, а национально-белорусский срез обосновывал уникальность положения Беларуси в Европе. В целом сложная траектория белорусской политики идентичности привела к столкновению между «авторитарным» и «прозападным» дискурсами [Между государством и нацией...,

2017, с. 71–72], хотя в этом случае довольно сложно однозначно очертить рамки модели идентичности, доминирующей в белорусском обществе.

Если для белорусской национальной идентичности советский период стал одним из наиболее важных элементов, то модель украинской идентичности формировалась в рамках противопоставления этому периоду. Создавалась определенная «антимодель» национальной идентичности, главной чертой которой становилась «антиимперская», или «антироссийская» направленность со всеми вытекающими из этого последствиями. В каком-то смысле негативная направленность украинской политики идентичности выходила за пределы и собственное содержание, формируя запрос на создание абстрактной «европейской» идентичности, а не украинской [Грицай, Николко, 2009, с. 121–122]. Такой же концепт «возвращения в Европу» применялся в случае прибалтийских республик, Молдовы и постреволюционной Грузии, желающих в большей степени подчеркнуть «европейскость» своей идентичности [Летняков, 2016, с. 149–150]. Как пример – в Грузии западный, или европейский дискурс функционировал «как часть наследия грузинского антисоветского оппозиционного национализма» [Кирчанов, 2013, с. 13], т.е. становление национальной идентичности и прочтение собственных исторических и культурных нарративов проводилось через геополитическую ориентацию правящего режима.

В отличие от носителей «европейской» идентичности, центральноазиатские республики пытались справиться с наследием советского периода путем поиска оптимальной модели политики идентичности, способствующей сохранению власти местных элит и баланса между различными элементами размытой идентичности народов Центральной Азии. Советская власть создала новые границы для государств региона и вместе с тем разделила некогда единые историко-культурные и хозяйственные субрегионы (Хорезм, Северный Таджикистан, Фергана и др.), что стало основой для будущих конфликтов [Омаров, 2012]. В постсоветский период для полиэтнических республик Центральной Азии важной проблемой являлось построение гражданского национализма, хотя на деле в республиках со смешанным населением и клановой системой – Узбекистане и Таджикистане – государственная пропаганда постепенно свелась к этническому и культурному национализму [Государственная политика идентичности..., 2018]. В Казахстане

изначально присутствовала приверженность к формированию гражданской «казахстанской» нации, хотя и с сохранением доминирующей роли казахской элиты, что вместе с ярко выраженной регионализацией страны на русскоязычный «Север» и казахоязычный «Юг» создавало двойственную картину развития национальной идентичности [Между государством и нацией..., 2017, с. 62]. Переход с кириллицы на латиницу также может считаться важным индикатором отхода Казахстана от постсоветской идентичности. В свою очередь, Кыргызстан, развивая идею становления гражданской идентичности, по причине социальных и политических кризисов и в отсутствие какого-либо консолидирующего образа «Другого» не смог сформулировать четкой политики идентичности [Торогельдиева, 2017]. В плане региональной интеграции историческая, культурная, языковая и религиозная общность стран Центральной Азии способствует углублению процесса регионализации с перспективой переориентации политики идентичности на развитие отношений со странами Южной Азии, Турцией и Китаем.

Для обозначения моделей азербайджанской и туркменской политики идентичности выбран условный термин «переходная прикаспийская модель», поскольку «пограничность» идентичностей данных обществ проявляется в отличимой от других эклектике и позиционировании себя как «уникального» сообщества, основанного в случае Туркменистана на племенной идентичности, политическом нейтралитете и крайней мифологизации, а в случае Азербайджана – эклектике тюркских, кавказских, шиитских, исламских, светских и иных элементов национальной идентичности. Слово «прикаспийский» указывает на отсутствие четкого понимания принадлежности к тому или иному региону.

Из общего контекста центральноазиатской проблематики построения национальной идентичности выпадает Туркменистан, позиционирующий себя как нейтральное государство, формирующее отдельную «прикаспийскую» идентичность, основанную на совмещении мифологии «ислама, коммунизма и древних восточных деспотий». Корни туркменской власти и идентичности находились в племенной структуре туркменского общества [Гавровская, 2010], которая определила особый тип политической системы современного государства.

Такая же модель переходной «прикаспийской» идентичности осуществляется в Азербайджане, совмещающей идеи «тюркизма»,

исламской солидарности, шиизма, кавказской общности, армянофобии [Адибемян, Элибегова, 2013] и попыток реализации проектов гражданского национализма. История постсоветского Азербайджана вобрала в себя этап формирования антисоветской и антироссийской идентичности (в первые годы независимости)¹, попытку реализации «идеологии азербайджанства» (гражданского национализма)², переход к насаждению этнонационализма на волне поражения после первой Карабахской войны и рост пантюркистских настроений после второй Карабахской войны. Отдельные азербайджанские авторы отмечают необходимость построения национальной идентичности на основе «комплекса национального превосходства» [Якубова, 2019, с. 449–450]. Так или иначе, в большей степени объединяющим национальную историю и идентичность современным негативным нарративом, направленным против Другого в лице армян, стал именно карабахский конфликт.

В случае же армянского общества восприятие современных событий вписывалось в «готовый» исторический нарратив, связанный с «комплексом жертвы» – совокупности социально-психологических последствий пережитого геноцида армян в Османской империи³. Нужно отметить, что сама тема геноцида превратилась в важный фактор роста армянского национального самосознания в республике в 1960-х годах, результатом чего стало создание мемориала памяти жертвам в Цицернакаберде. Таким образом, в армянской модели идентичности можно заметить некоторую преемственность, связанную в дальнейшем с постсоветским периодом, когда победа в первой Карабахской войне воспринималась как один из этапов преодоления «комплекса жертвы» и как

¹ В Конституционном акте АР «О восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики» напрямую говорится об аннексии Азербайджана Россией в XIX и XX вв. / Законодательство стран СНГ. – Режим доступа: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=2889 (дата посещения: 24.10.2021).

² Идеология азербайджанства была предложена третьим президентом Г. Алиевым в качестве основы для формирования гражданской идентичности.

³ Золян М. Исторический нарратив и репрезентация конфликта (еще раз о конфликте в Нагорном Карабахе и вокруг него) // Heinrich Boell Foundation Tbilisi Office – South Caucasus Region. – 2005. – 15 января. – Режим доступа: <https://ge.boell.org/en/2005/01/16/istoricheskiy-narrativ-i-reprezentaciya-konflikta-eshche-raz-o-konflikte-v-nagornom> (дата посещения: 24.10.2021).

фундамент для построения политической нации [Искандарян, Арутюнян, 1999]. Кроме того, постсоветский период политического развития Армении был назван третьей республикой, что подтверждало преемственность политической идентичности граждан Армении; однако несмотря на это в армянской действительности продолжала доминировать модель культурной нации [Саркисян, 2017, с. 136], объединяющая не только постсоветских армян, но и диаспору.

Восприятие постсоветской идентичности (обзор результатов экспертного опроса в Армении)

Распад общего политического и культурного пространства привел к возникновению различных моделей постсоветских идентичностей, в которых сама «постсоветскость» воспринималась как временное явление. С этим отчасти согласились респонденты экспертного опроса¹ в Ереване, проведенного в рамках проекта «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве (на примере России и Армении)». Основная часть экспертов отрицала существование какой-либо единой идентичности на постсоветском пространстве, отмечая «поколенческую» природу этого вопроса, связанного со «схожим набором проблем», которые каждое общество решает по-своему. Так, эксперт Д утверждает, что «постсоветского мира как единой субстанции не существует», а есть «некоторые культурные черты: знание русского языка взрослыми поколениями, архитектура, представления об историческом прошлом, – но они уходят и уже появляются “зоны”, где русский язык становится бесполезным. Это постепенно расплывающееся явление». Вместе с тем отмечается различие идентичностей и в советский период: «узбекский и украинский колхозы очень отличались, как и власть в республиках. В Узбекистане колхоз был способом организации феодального производства...».

¹ Опрос проведен в июне – августе 2021 г. среди 12 экспертов из Республики Армении. Эксперты отбирались по принципу наибольшей авторитетности, компетентности и вовлеченности в академическую и управленческую деятельность, связанную с тематикой исследования. В пул экспертов вошли представители трех категорий: академические ученые, специалисты – практики государственной службы, представители гражданского общества.

Другие респонденты заостряют внимание на отсутствии единой оценки прошлого со стороны всех бывших союзных республик, а также необходимости переосмыслить советский период развития армянской государственности и общества. К примеру, эксперт G отмечает, что те народы, «которые уже имели свою государственность, идентичность, они имели еще и большую возможность для усиления, развития» в советский период.

С другой стороны, эксперт H обращает внимание на то, что в советский период возникал конфликт идентичностей, и «люди, которые старались найти себя и понять кто они такие, естественно возвращались к собственным корням и пытались защитить все то, что связано с их идентичностью (национальной, этнической, религиозной), защититься от того колоссального давления, которое оказывала центральная советская система».

Эксперт J указывает на то, что постсоветская идентичность является некой «смесью бывшего советского и национального», так как «советская идентичность продолжает существовать в очень многих трансформированных видах и является важной частью нашей общей национальной идентичности». В качестве причины отмечается «специфическая марксистская манера модернизации», которую прошло армянское общество. Несмотря на это эксперт K утверждает, что постсоветская идентичность является «временным явлением», которое сменится с приходом «цифрового поколения».

Заключение

Идентичности стран постсоветского пространства являют собой значительное разнообразие, объединенное тем не менее постимперским наследием и в ряде стран сильным постколониальным дискурсом, где национальная идентичность отстраивается от России. В другой группе (Беларусь, Таджикистан и Армения) постколониальный дискурс является маргинальным феноменом «национализирующего национализма». Дискурс о жертве или с позиции жертвы для этих стран может быть также взят в качестве одной из переменных формирования идентичности.

Мы фиксируем углубление тенденций, сложившихся за три десятилетия постсоветской истории и тренд на регионализацию постсоветских идентичностей, группирующихся вокруг несколь-

ких моделей: Российская Федерация – модель «национально-цивилизационного сообщества»; Беларусь – «неосоветская» модель; Украина, Грузия, Молдова и Прибалтика – «геополитическая» или «антиимперская»; страны Центральной Азии – модель баланса между государственной, этнической и религиозной идентичностями; Азербайджан и Туркменистан – переходные «прикаспийские» идентичности; Армения – этнокультурная модель.

Проведенный опрос об основных моделях постсоветских идентичностей показывает продолжающийся процесс дистанцирования обществ бывшего СССР на основе возникновения новых форм восприятия социальных и политических явлений. Вместе с тем даже в сфере международных отношений отдаление бывших союзных республик друг от друга и углубляющаяся регионализация ведет к формированию новых «трансрегиональных» проектов, которые в будущем также могут стать основой для какой-либо макрополитической идентичности.

D.B. Kazarinova, N. Dunamalyan *
Trajectories of development of post-soviet identities:
approaches, models, trends¹

Abstract. The problems of the post-Soviet space remain an extremely controversial topic with a high degree of uncertainty of the subject field. However, studies of post-Soviet identity are more conceptualized, and the relevance of the topic in theoretical and practical terms is reflected in a large array of studies. The analysis of this array consists in searching for common logic and differences in the development of identity processes in certain groups of post-Soviet countries. By analyzing the content elements of memory policy and symbolic policy, as well as their structural relationships, it is possible to define models of post-Soviet identity and draw conclusions about their further features. Basing on the analysis of Russian and English-language literature the interpretive models of post-Soviet identities are to be constructed. Visualizing the key messages of the symbolic and memory policy of the post-Soviet countries (tag clouds), as well as analyzing of the expert survey (N 12), the authors highlight the deepening of trends that have developed over three decades of post-Soviet history as well as the re-

* **Kazarinova Daria**, People's Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russia), e-mail: kazarinova-db@rudn.ru; **Dunamalyan Norayr**, Russian-Armenian University (Yerevan, Armenia), e-mail: norayr.dunamalyan@rau.am

¹ The reported study was funded by RFBR and SC RA, project number N 20–511–05025–apm_a «The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)».

gionalization of post-Soviet identities grouped around several models: the model of “national-civilizational community”; “neo-Soviet” model; “geopolitical” or “anti-Imperial” identity; the model of finding a balance between state, ethnic and religious identities; transitional “Caspian” identities; ethno-cultural model. The survey on the post-Soviet identities shows the ongoing process of distancing the societies from the former USSR basing on the new forms of perception of social and political phenomena.

Keywords: identity; post-Soviet space; models of identity; memory policy; Russia; Armenia; ethnonationalism; civic identity; stagnating identity; post-imperial identity.

For citation: Kazarinova D.B., Dunamalyan N. Trajectories of development of post-Soviet identities: approaches, models, trends. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 52–79. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.02>

References

- Adibekyan A., Elibegova A. Armenophobia in Azerbaijan. Yerevan: Center for Public Relations and Information at the Office of the President of Armenia, 2013, 332 p. (In Russ.)
- Bassin M., Kelly C. (eds). Soviet and Post-Soviet Identities. Cambridge: Cambridge university press, 2012, 370 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511894732>
- Biketova E., Chernyshov Y. Nation-Building in the Republic of Belarus and European Component in Belarusian Identity. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018, Vol. 62, N 1, P. 94–103. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103> (In Russ.)
- Chafetz G. The Struggle for a National Identity in Post-Soviet Russia. *Political science quarterly*. 1996, Vol. 111, N 4, P. 661–688. DOI: <https://doi.org/10.2307/2152089>
- Daudov A., Alimdjano B., Andreev A., Shorokhov V., Yanchenko D. The State Policy of Identity in Uzbekistan during the Late Soviet Period and the Age of Independence. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2018, N 5, P. 146–161. DOI: <https://doi.org/10.31857/s086954150001481-9> (In Russ.)
- Empire and nation in the mirror of historical memory. Collection of articles of Ab Imperio magazine. 2011. Mode of access: <http://mybook.ru/author/noauthor/imperiya-i-naciya-v-zerkale-istoricheskoy-pamyati/read/?page=2> (accessed: 03.12.2021) (In Russ.)
- Forest B., Johnson J. Monumental politics: regime type and public memory in post-Communist states. *Post-Soviet affairs*. 2011, Vol. 27, N 3, P. 269–288. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586X.27.3.269>
- Forest B., Johnson J. Unraveling the threads of history: Soviet–Era monuments and post-Soviet national identity in Moscow. *Annals of the Association of American geographers*. 2002, Vol. 92, N 3, P. 524–547. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00303>
- Forest B., Johnson J., Till K. Post-totalitarian national identity: public memory in Germany and Russia. *Social & cultural geography*. 2004, Vol. 5, N 3, P. 357–380. DOI: <https://doi.org/10.1080/1464936042000252778>
- Gavrovskaya V.A. Independent Turkmenistan: formation of national discourse. *Ideas and Ideals*. 2010, Vol. 2, N 1(3), P. 117–123 (In Russ.)

- Gritsay, E., Nikolko, M. Ukraine: National identity in the mirror of Another. Vilnius: YSU, 2009, 220 p. (In Russ.)
- Isaacs R., Polese A. Nation-building and identity in the post-Soviet space: new tools and approaches. Oxon, New York: Routledge, 2016, 272 p.
- Iskandaryan A., Harutyunyan B. Armenia: "Karabakhization" of national history. In: Aimermacher K., Boryugov G. (eds). National histories in Soviet and post-Soviet states. Moscow: AIRO-XX, 1999, P. 147–160. (In Russ.)
- Kertman G.L. Traditionalist reinterpretation of democratic institutions in Russian political culture. In: Patrushev S.V. (ed.). Institutional political science: Modern institutionalism and political transformation of Russia. Moscow: ISP RAS, 2006, P. 436–447. (In Russ.)
- Kirchanov M.V. Georgia's European identity: the European idea and modern Georgian nationalism. Russian journal of nationalism studies. 2012, N 1, P. 11–25. (In Russ.)
- Letnyakov D. Nation-Building: Identity Policies in Post-Soviet States. Mir Rossii. 2016, Vol. 25, N 2, P. 144–167 (in Russ.)
- Levada Yu.A. We are looking for a man: sociological essays, 2000–2005. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2006, 384 p. (In Russ.)
- Malinova O. Yu. Constructing meanings: a study of symbolic politics in modern Russia. Moscow: INION RAS, 2013, 421 p. (In Russ.)
- Marsh R.J. Literature, history and identity in post-Soviet Russia, 1991–2006. Oxford, Frankfurt, Bern, Berlin: Peter Lang, 2007, 594 p.
- Moore D. Is the post- in postcolonial the post- in post-Soviet? Toward a global postcolonial critique. PMLA. Publications of the modern language association of America. 2001, Vol. 116, N 1, P. 111–128. DOI: <https://doi.org/10.1632/pmla.2001.116.1.111>
- Nazukina M.V., Podvintsev O.B., Korovnikova N.A. (eds). Post-Soviet identity in the political dimension: realities, problems, prospects. Proceedings of the All-Russian scientific conference. Perm: Harmony, 2014, 128 p. (In Russ.)
- Oganisyan Yu.S. Post-Imperial syndrome: the problem of socio-historical continuity in search of Russian identity. Russian journal of philosophical sciences. 2012, N 11, P. 29–36. (In Russ.)
- Omarov M.M. Institutional aspects in identity policy of the Central Asia states in the sphere of regional security. Regionologiya – Regionology Russian Journal of Regional Studies. 2012, N 3 (80), P. 72–80. (In Russ.)
- Pain E., Fedyunin S. Nation and democracy: perspectives of cultural diversity management. Moscow: Mysl, 2017, 266 p. (In Russ.)
- Pantin V.I. National and civilizational identity and political transformations in the modern world. In: Semenenko I.S. (ed.) Political identity and identity politics. Vol. 2: Identity and socio-political changes in the XXI century. Moscow: Rosspen, 2012. P. 114–132.
- Petrosyan D.I., Svintsov I.V. Russians and neighboring peoples: equality and good neighborliness or the post-Imperial syndrome. In: Chernyshov Yu.A. (ed.). Diary of the Altai School of Political Studies. Modern Russia and the World: Development Alternatives (International Image of Russia in the XXI century): proceedings of the international scientific and practical conference. 2007, N 23. Mode of access: <http://politprosvet.narod.ru/Articles/Beztemi/Beztemi.htm> (accessed: 30.10.2021). (In Russ.)

- Podvintsev O. Post-imperial identity. In: Semenenko I. (ed.). Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia. Moscow: Ves Mir, 2017, P. 358–362. (In Russ.)
- Samarkina I.V. Politics of memory and historical narrative. In: Semenenko I. (ed.). Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia. Moscow: Ves Mir, 2017, P. 666–671. (In Russ.)
- Sarkisyan H.L. Armenian identity: the problem of synthesis of models of “cultural-historical” and “state” nation. In: Problems of national identity in the context of modern globalization. Proceedings of the International Scientific Conference. Yerevan: RAU, 2017, P. 134–152 (In Russ.)
- Semenenko I.S., Lapkin V.V., Bardin A.L., Pantin V.I. Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in post-Soviet societies. Polis. Political Studies. 2017, N. 5, P. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05> (In Russ.)
- Shnirelman V.A. Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia. Moscow: Akademkniga, 2003, 592 p. (In Russ.)
- Spivak G.C., Condee N., Ram H., Chernetsky V. Are we postcolonial? Post-Soviet space. PMLA. 2006, Vol. 121, N 3, P. 828–836.
- Surguladze V. National identity between the post-imperial syndrome and victim syndrome. Bulletin of Perm university. Political science. 2015, N 2, P. 56–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2015-2-54-72> (In Russ.)
- Tikhonova N. Post-Imperial syndrome or the search for national identity. In: Klyamkina A.M. (ed.). After the Empire. Moscow: Foundation Liberal mission, 2007, P. 156–176. (In Russ.)
- Tishkov V.A. The Russian people: the history and meaning of national identity. Moscow: Nauka, 2013, 649 p. (In Russ.)
- Torogeldieva B.M. Civil identity as a structural element political culture of the modern Kyrgyzstan. Development of Territories. 2017, N 1 (7), P. 12–16. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. Mankurtism as a deformation of historical consciousness. Sociology of power, 2010, N 1, P. 6–18. (In Russ.)
- Yakubova N.S. Identification Crisis in the Transition Period of Society Development the Case of Azerbaijan. Ideas and ideals. 2019, Vol. 11, N 4–2, P. 443–453. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-443-453> (In Russ.)

Литература на русском языке

- Адибегян А., Элибегова А. Армянофобия в Азербайджане. – Ереван: «Центр общественных связей и информации» при Аппарате президента Армении, 2013. – 332 с.
- Бикетова Е., Чернышов Ю. Нациестроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 1. – С. 94–103. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-94-103>

- Гавровская Е.А. Независимый Туркменистан: идеологические аспекты национальной политики. Формирование нового дискурса // Идеи и идеалы. – 2010. – Т. 2, № 1 (3). – С. 117–123.
- Государственная политика идентичности в Узбекистане в позднесоветское время и эпоху независимости / А.Х. Даудов, Б.А. Алимджанов, А. Андреев, В. Шорохов, Д. Янченко // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 5. – С. 146–161.
- Грицай, Е., Николко М. Украина: национальная идентичность в зеркале Другого. – Вильнюс: ЕГУ, 2009. – 220 с.
- Империя и нация в зеркале исторической памяти. Сборник статей журнала *Ab Imperio*. – 2011. – Режим доступа: <https://mybook.ru/author/no-author/imperiya-i-naciiya-v-zerkale-istoricheskoy-pamyati/read/?page=2> (дата посещения: 30.10.2021).
- Искандарян А., Арутюнян Б. Армения: «карабахизация» национальной истории // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 1999. – С. 147–160.
- Кертман Г.Л. Традиционалистская реинтерпретация демократических институтов в российской политической культуре // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. – М.: ИСП РАН, 2006. – С. 436–447.
- Кирчанов М.В. Европейская идентичность Грузии: европейская идея и современный грузинский национализм // Российский журнал исследований национализма. – 2012. – № 1. – С. 11–25.
- Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. – М.: Новое издательство, 2006. – 384 с.
- Летняков Д.Э. Создавая нацию: политика идентичности в постсоветских государствах // Мир России. – 2016. – Т. 25, № 2. – С. 144–167.
- Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России: Монография. – М.: РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки, 2013. – 421 с.
- Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве / И.С. Семененко, В.В. Лапкин, А.Л. Бардин, В.И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 54–78. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
- Оганисян Ю.С. Постимперский синдром: проблема социально-исторической преемственности в поисках российской идентичности // Философские науки. – 2012. – № 11. – С. 29–36.
- Омаров М.М. Институциональные аспекты политики идентичности государств Центральной Азии в сфере региональной безопасности // Регионология. – 2012. – № 3 (80). – С. 72–80.
- Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. – М.: Мысль, 2017. – 266 с.
- Пантин В.И. Национально-цивилизационная идентичность и политические трансформации в современном мире // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / под ред. И.С. Семененко. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 114–132.

- Петросян Д. И, Свинцов И.В. Россияне и соседние народы: равноправие и добро-соседство или постимперский синдром // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке): материалы международной научно-практической конференции / под ред. Ю.Г. Чернышова. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. – Режим доступа: <http://politprosvet.narod.ru/Articles/Beztemi/Beztemi.htm> (дата посещения: 30.10.2021).
- Подвинцев О. Постимперская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 358–362.
- Постсоветская идентичность в политическом измерении: реалии, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под ред. М.В. Назукиной, О.Б. Подвинцева, Н.А. Коровниковой. – Пермь: ООО «Печатный салон «Гармония», 2014. – 128 с.
- Самаркина И.В. Политика памяти и исторический нарратив // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Весь мир, 2017. – С. 666–671.
- Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации. Материалы международной научной конференции. – Ереван: РАУ, 2017. – С. 134–152.
- Сургуладзе В. Национальное самосознание между постимперским синдромом и синдромом жертвы // Вестник Пермского университета. Политология. – 2015. – № 2. – С. 56–74. – DOI: <http://dx.doi.org/10.17072/2218-1067-2015-2-54-72>
- Тихонова Н. Постимперский синдром или поиск национальной идентичности // После империи / под общ. ред. А.М. Клямкина. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – С. 156–176.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 649 с.
- Торогальдиева Б.М. Формирование гражданской идентичности в полиэтническом кыргызстанском обществе // Развитие территорий. – 2017. – № 1 (7). – С. 12–16.
- Тощенко Ж.Т. Манкуртизм как деформация исторического сознания // Социология власти. – 2010. – № 1. – С. 6–18.
- Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: Академкнига, 2003. – 592 с.
- Якубова Н.Ш. Кризис идентификации в переходный период развития общества: опыт Азербайджана // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11. – № 4, ч. 2. – С. 443–453. – DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.4.2-443-453>

РАКУРСЫ

П.В. КУЗЕНКОВ*

ЭВОЛЮЦИЯ ИМПЕРИИ: ОТ ДРЕВНЕГО МИРА К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Аннотация. Имперские образования занимают ключевое место в политической и религиозной истории человечества. В статье рассмотрено, как происходила эволюция этого феномена на пространстве Передней Азии и Большого Средиземноморья: от времени зарождения макрогосударств в Древнем мире через период классических империй Античности к религиозным империям Средневековья и поздним империям Нового времени; представлено мнение автора о его перспективах в будущих глобальных процессах. В центре внимания – трансформация идейных основ имперских образований, прослеживаемая в первую очередь на основе титулярных формул, представляющих собой важнейший источник по истории идейно-политической самоидентификации государств. В ходе анализа материала выявлены несколько эволюционных фаз имперского строительства, характеризующихся следующими особенностями: 1) «механическая» консолидация первичных полисно-номовых политических образований вокруг того или иного военно-административного центра, с сохранением мозаичности и полицентризма в религиозной сфере; 2) оформление общеимперских религиозных систем нового поколения (как правило, связанных с культом правителя), призванных дополнить военную и политическую консолидацию сплочением населения на идеологическом уровне; 3) вытеснение первичных личностно ориентированных имперских культов более авторитетными в нравственном отношении универсальными религиями с трансцендентным идеалом (христианство, ислам); 4) вторич-

* Кузенков Павел Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет (Севастополь, Россия), e-mail: pk407@mail.ru

ная политизация теократических империй, приводящая к закреплению религиозно-государственного дуализма (царь / патриарх, халиф / султан); 5) окончательный упадок политизированных теократий и их более или менее болезненная трансформация в национальные государства современного типа, сформировавшегося в специфических условиях Западной Европы. Зафиксирован феномен неустойчивости монополярных геополитических структур и, напротив, впечатляющая устойчивость биполярных конфигураций в эволюционном пространстве Большого Средиземноморья, реализовавшихся в конкурентном сосуществовании эллинизма и Востока, Рима и Ирана, Византии и Халифата, Российской и Османской империй.

Ключевые слова: империя; политическая эволюция; мировые религии; история Древнего мира; государственно-конфессиональные отношения; политическая идеология.

Для цитирования: Кузенков П.В. Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 80–99. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>

Феномен империи

Эволюция человечества закономерным образом привела к появлению такой формы политической организации, как империя. Интерес к данному феномену неуклонно растет, и признано, что понятие «империя» включает в себя множество самых разнородных структур [Федотов, 1952; Ильин, 1997, с. 229–240; Bang, Bayly, Scheidel, 2001, 2020; Bowden, 2009; Burbank, Cooper, 2010; Bang, Kołodziejczyk, 2012; Crooks, Parsons, 2016]. Мы будем определять империю как тот особый тип государственности, который в своем классическом виде сформировался в позднеантичном Риме. Однако было бы, разумеется, неверно признавать империей только Римское государство эпохи принципата и домината. Мы оставляем за рамками данного исследования такие важные регионы, как Дальний Восток, Индия и Индокитай, и будем рассматривать эволюцию империй на едином эволюционном пространстве цивилизаций Большого Средиземноморья, в которое включаются регионы от Атлантики до Понто-Каспия и Междуречья включительно [Ильин, 2018].

Политические структуры изначально формируются вокруг городов, представляя собой особый этап развития социума, следующий за родоплеменными сообществами [Ильин, 1997, с. 215–223, 398–404]. Полисная государственность является и развитием племенных структур, и их антитезой, противопоставляя родовому

и клановому самосознанию полисоориентированный патриотизм, с новой социальной этикой и системой права и с особыми культовыми ритуалами. Имперское государство, в свою очередь, являет следующий базовый этап эволюционного развития. Вырастая из локальной, часто маргинальной политики, протоимперия через промежуточную фазу союзов начинает объединять непрерывно конкурирующие и ослабляющие друг друга микрогосударства на основе двух основных начал: единой политической (военной, административной, судебной) субъектности и общего культа. Концептуально рождение империи оформляется через идею «восстановления (миро)порядка»: болезненный слом старой системы, сопровождающийся устранением старых элит, с одной стороны, оправдывается зримыми социальными благами (прекращением войн и беззаконий, обеспечением справедливости, безопасности и стабильности), а с другой – в той или иной форме санкционируется религиозно как исправление и оздоровление сакрального пространства. Как будет показано далее, от успешного решения именно этой второй задачи зависит жизнестойкость и перспективность «имперских» проектов.

Важнейшей функцией империи является силовое объединение, в силу чего особую роль начинает играть фигура военного вождя, подчиняющего своей воле политических конкурентов. При этом фигура правителя обычно предстает в облике не только победоносного воителя, но и в роли «спасителя» от внешних и внутренних угроз, «исправителя» нравов, «восстановителя» законов, а иногда и самого миропорядка.

Важно отметить, что указанные направления имперского строительства – государственническое и мировоззренческое – типичны для всех времен и народов и носят универсальный характер. Мы можем проследить их от эпитетов египетских фараонов и формул на легендах монет римских императоров до политических лозунгов Новейшего времени. Это показывает, на наш взгляд, универсальный алгоритм эволюционного развития, который проявляется на разных стадиях истории человечества.

Формирование макрогосударств в рамках отдельного региона нередко осмысливается как своего рода «конец истории». Накопив значительные ресурсы, империи, подобно гравитационным массам, поглощают все мелкие государственные образования или превращают их в своих сателлитов. Однако по мере роста они неиз-

бежно сталкиваются с рядом вызовов. Во-первых, это конкуренция со стороны других аналогичных структур, которая выражается в появлении линий военного и культурного соперничества – так называемых контактных зон. При определенных условиях конкуренция империй может принять форму устойчивого – обычно биполярного – сосуществования в рамках собственных «ойкумен», которое может продолжаться веками. Во-вторых, выходя за пределы своего месторазвития, границы которого определяются рамками биосоциальной экосистемы, империи неизбежно начинают терять целостность – экономическую, этнокультурную и религиозную. Последнее оказывается особенно фатальным, так как именно сакральные ценности традиционно являются главным стимулятором героического сопротивления, способного нейтрализовать на первый взгляд неограниченные военные, экономические и культурные ресурсы империи. В хрестоматийной форме это проявлялось на примерах греко-персидских войн, в исторических судьбах иудейского народа и христианских народов Востока, протестантских сообществ Западной Европы: во всех этих случаях малые политические, этно-религиозные и конфессиональные сообщества, вооруженные идеей защиты сакральных ценностей, оказывались способны успешно противостоять могущественным империям – номинальным и фактическим.

Ослабление империй во взаимной борьбе и в связи с обострением внутренних противоречий неизбежно приводит к очередной фазе так называемой раздробленности, которая в отечественной традиции обычно оценивается негативно, так как исторически она всегда приводила к тяжелейшим внутренним и особенно внешним конфликтам. Тем не менее не следует недооценивать и огромное эволюционное значение этой фазы, в ходе которой утративший монополию на ресурсы имперский центр фактически делится накопленным цивилизационным потенциалом с новыми региональными центрами, «разряжая» его в периферию и запуская таким образом механизмы автономного регионального развития. Данная фаза характеризуется усилением конкуренции и появлением новых центров роста, имеющих тенденцию к усилению и превращению в новые империи. Однако процессы консолидации могут быть заблокированы как извне (политикой «сдержек и противовесов» со стороны соседних держав), так и изнутри (наличием равносильных соперников). Но чем дольше искусственно

сдерживается растущий потенциал консолидации, тем мощней развиваются новые имперские образования, рано или поздно прорывающиеся из-под гнета, нередко на базе второстепенного политического центра (Македония в Древней Греции, Бранденбург-Пруссия в Германии, Пьемонт в Италии).

Новый виток имперского развития совмещает эффект концентрации с эффектом поляризации сложившихся в период раздробленности локальных политических центров, которые сохраняют высокий уровень автономии, освобождая имперский центр от решения запутанных локальных задач. Империями такого «федеративного» типа были, например, Рим эпохи принципата, аршакидская Парфия и ранний СССР. Они обладали важным ресурсом – внутренней гибкостью, что обеспечивало высокий потенциал развития и поразительную жизнестойкость. Впрочем, такие системы обречены либо на распад под действием центробежных региональных сил, либо на консолидацию под действием центростремительных усилий государственного аппарата. То и другое приводит к кризисным явлениям, и эволюционная спираль выходит на очередной этап полицентризма.

В соответствии с законами гегелевской диалектики, с каждым новым витком эволюционного развития имперский период обогащается культурным и идейным наследием двух других форм политического бытия человечества – этнонациональной и полисной, которые, так же как и империи, вовсе не отмирают и не исчезают, но сами, в свою очередь, проходят те же ступени эволюции, возрождаясь во все более разнообразных и совершенных формах. Важнейшим эволюционным результатом является накопление позитивного и негативного опыта, который, транслируясь в форме культурной, научной и религиозной традиции, переходит от одной стадии к другой, обогащая их и придавая «цветущую сложность» (по Леонтьеву) и новое качество. Ниже мы предлагаем проследить эволюцию империй с точки зрения совершенствования важнейшего инструмента социальной консолидации – религиозно-сакральных¹ систем. При анализе предполагается использовать макроисторический, структурно-функциональный, сравнительный подходы, с эле-

¹ Следует отметить, что понятие *сакрального* шире понятия *религиозного*, так как первое включает в себя и светские идеологии, активно оперирующие «священным» и «вечными ценностями».

ментами подхода семантического, опирающегося на формульные самоидентификаторы имперских институтов.

Рождение империй

Первыми протоимперскими образованиями можно считать древнейшие царства Египта и Междуречья, еще в III тысячелетии до н.э. объединившие номы и города-государства в крупные централизованные монархии. Характерно, что титулы правителей этих новых государств включали специально созданные термины политического и сакрального характера. В титулатуре фараонов уже с I династии появляются особые символы объединения Верхнего и Нижнего Египта *небти* «две владычицы» (богини Нехбет и Уаджит) *нисут-бити* «тростник и пчела» (с V династии – маркер тронного имени). Включённые в титул фараонов иероглифы с божественными именами «Хор», «золотой Хор» и «сын Ра» недвусмысленно свидетельствовали об их обоже-
ствлении [Schneider, 1993; Leprohon, 2013].

Месопотамские правители для обозначения верховной власти над регионом вначале использовали название древнейшего шумерского политического и культового центра – Киша, которое одновременно означало «мир, вселенная». Формула   *lugal Kiš^{ki}* (в аккадском чтении *šar Kiššatim*), которая может быть понята и как «правитель Киша», и как «царь Вселенной», была принята в XXIV в. до н.э. первым объединителем Аккада и Шумера Саргоном Древним [Foster, 2016]. Его внук Нарамсуэн уже недвусмысленно титуловался «царем четырех сторон света» (*šar ki-ibratim arbaim*) и добавил к своему имени шумерограмму *DINGIR (ilu)* «бог». В период «шумерского возрождения» при III династии Ура (XXII–XXI вв. до н.э.) самые успешные правители, Шульги и Амар-Суэн, также принимали титул «царей четырех сторон света» и обоже-
ствлялись, но в целом за правителями Междуречья, в отличие от Египта, полноценный божественный статус так и не закрепился: обычно они довольствовались формулами «возлюбленный богов» и «бог среди царей» (как, например, в титуле вавилонского царя Хаммурапи,

XVIII в. до н.э.)¹. Ассирийский правитель Тукульти-Нинурта I в конце XIII в. до н.э. ввел в титулатуру знаменитую впоследствии формулу «царь царей» (*шар шаррани*). Ассирия, быстрее соседей оправившаяся от кризиса эпохи поздней бронзы, вступила в железный век как мощная империя, и новоассирийские цари, объединившие Месопотамию, Сирию и Египет (VIII–VII вв. до н.э.), носили титул «славный царь стран, царь четырех сторон света, царь всех народов» [Bang, Kołodzieczyk, 2012, p. 43–59]. Финалом процессов имперской интеграции Ближнего Востока можно считать Персидскую империю Ахеменидов (VI–IV вв.), простершуюся от Ливии и Эфиопии до границ Индии и Китая. В титул персидских царей были включены все базовые элементы древней титулатуры, в том числе элементы «умеренного» обожествления. В поздней персидской традиции, при Сасанидах, мы также встречаем помимо титула *шаханшах* эпитеты «божественный», «брат Солнца и Луны» и формулу «среди богов – благой и вечный человек, среди людей – блистательнейший бог (*mazdēsn bag*, по-гречески θεὸς ἐπιφανέστατος)»² [Мишин, 2014, с. 67–73].

Наследие Александра и феномен Рима

Походы Александра Македонского ознаменовали новый этап в имперском развитии. С военно-политической точки зрения речь шла всего лишь о завоевании Персидской империи. Однако в культурном отношении произошел настоящий прорыв: греческая цивилизация одержала впечатляющую победу в давнем противоборстве с коллективной «Азией», олицетворением которой служили Ахемениды. Эллинизация огромных пространств, завоеванных Александром Македонским, стала началом целой эпохи в истории Ближнего Востока. Эфемерная держава Александра быстро распалась, но принесенная им на Восток греческая культура поразительно быстро укоренилась на почве древних культур Востока.

¹ История Древнего Востока. Тексты и документы / под ред. В.И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 2002. – С. 169–170.

² Theophylactus Simocatta, Historia, IV, 8.5 (Theophylacti Simocattae Historiarum libri octo / Ed. I. Bekkerus. – Bonn: Weber, 1834. – P. 175).

К римской эпохе греческий язык практически безраздельно господствовал на пространствах от Ливии до Междуречья, не только в качестве *lingua franca* («койнэ») межнационального общения в сфере политики и торговли, но и в качестве языка единой культурно-образовательной традиции, на почве которой и происходило распространение христианства [Кузенков, 2017].

Важнейшим эволюционным моментом в развитии империй стало появление в эллинистических монархиях Востока не просто объединенных религиозных систем, вбивавших в себя, как это было в Египте и Междуречье, разнообразные локальные культы, но настоящих новых религий, которые принято называть синкретическими. Рождение таких культов было вызвано не только спонтанным взаимодействием греческих и восточных религиозных традиций, но и вполне осознанным стремлением новых хозяев Востока опереть свое владычество не только на мощь македонских фаланг, но и на некий сакральный фундамент, который был бы, с одной стороны, продолжением местных традиций, но с другой – приемлем и для греческой традиции, в целом совершенно не склонной к сакрализации политической власти. Настоящей находкой в этом смысле оказались идеи Эвгемера, который провозгласил «историческое» происхождение богов из знаменитых мужей древности, что открывало дорогу к аналогичному процессу обожествления действующих правителей. Первые по этому пути пошли Птолеми, но и Селевкиды не заставили себя долго ждать, обожествляя своих монархов не только после смерти, но и при жизни. Встречающиеся у эллинистических правителей имена «Эпифан» (Явленный), «Дионис», «Теос» (Бог) и «Тея» (Богиня) красноречиво свидетельствуют о бурном процессе политической сакрализации [Boak, 1916; «Боги среди людей»..., 2016].

Впрочем, новым политическим религиям явно не хватало той величественной отстраненности, с которой обожествляли своих правителей древние традиции Востока. К началу римской экспансии эллинистические монархии оказались лишены внутренней целостности и широкой поддержки, что сделало их легкой добычей римлян. Характерно, что результатом походов Помпея и Цезаря стало введение в городах Востока так называемых эр освобождения [Grumel, 1958, p. 213–217]. Но и сам Рим, тесно соприкоснувшись с цивилизацией эллинизма, претерпел коренные изменения, превратившись в империю *per se*.

Политическим манифестом государства, родившегося при Цезаре и Августе, можно считать завет Анхиза в «Энеиде» Вергилия:

*tu regere imperio populos, Romane, memento:
hae tibi erunt artes – pacisque imponere morem,
parcere subjectis et debellare superbos*¹.

В процессе строительства империи римское государство перенесло радикальные изменения и, хотя Август сделал все, чтобы его неограниченная власть не слишком оскорбляла дорогие сердцу римлян идеалы народовластия, на Востоке Рим был воспринят как новое царство, пришедшее на смену греческим монархиям. Однако Римская держава была настолько особым феноменом, что для ее правителей не подходил ни один из существовавших терминов – и они стали титуловаться именами основателей принципата: *Caesar Augustus* (откуда наши слова *царь* и *августейший*).

Главным эволюционным достижением Римской империи стало формирование мощной государственной религии, в основе которой лежал культ «гения императора». Впрочем, личное обожествление принцев осуществлялось только посмертно, и ему подлежали лишь те, чье правление признавалось достойным со стороны Сената. При этом сам характер сакрализации различался на Западе и Востоке: если на латыни причисленный к богам правитель именовался *divus* – «божественный», то по-гречески его прямо называли θεός – «бог» [Price, 1986]. Опираясь на опыт эллинизма, римляне создали по всей империи развитую сеть императорского культа, превратившегося в важнейший интегрирующий элемент государства [Brent, 1999; Ando, 2000; Fishwick, 1987–2005]. Когда в начале IV в. Константин Великий принял христианство, наличие этой сети заметно облегчило распространение по империи новой господствующей религии [Brent, 1999, p. 73–139].

¹ Aeneis, VI 846–853. Перевод С.А. Ошерова (Вергилий. Буколики; Георгики; Энеида. – М.: Художественная литература, 1979):

*Римлянин! Ты научись народами править державно –
В этом искусство твое! – налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!*

Империя и христианство

Отношения между империей и христианством поначалу складывались драматично. Проявляя полную лояльность власти как исходящему от Бога управляющему началу, христиане категорически не принимали идею о божественности самих императоров, тем самым в глазах последних подрывая устои государства. Христианские общины были поставлены вне закона, однако церковь сумела создать такие организационные формы, которые оказались неуязвимы для репрессивной машины гонений. Более того, доктрина о недопустимости сакрализации правителей в контексте несовершенного исторического бытия оказалась востребована в условиях кризиса III в. Среди императоров все чаще попадались откровенно одиозные личности, что катастрофически подтачивало авторитет религии августов. Вслед за трансформацией принципата в вертикаль домината назрела потребность в опоре на систему сакрализации власти, базирующуюся на трансцендентном Начале. Христианский Бог, абсолютно отрешенный от пороков «века сего» и в то же время актуально воплотившийся в качестве Спасителя человечества, идеально подходил на роль Верховного Божества, и с конца IV в. христианство стало безраздельно господствовать в Римской империи в качестве консолидирующей религиозной системы.

И библейская традиция (Книга пророка Даниила), и позднеантичная историография (хронографические своды Юлия Африкана¹ и Евсевия Кесарийского²) отразили процесс имперской консолидации, развернувшейся в древности и в античную эпоху. Главным результатом этих процессов стало формирование единой мировой империи, объединившей древние мировые политические центры и именовавшейся по-гречески «вселенной» (οἰκουμένη). Христианизация империи стала органичным соединением первой универсальной религии с первым универсалистским государством. Именно в своей христианской форме Римская империя – позже известная как Византия – оплодотворила европейскую цивилизацию не только религиозными идеалами и богатым наследием ан-

¹ Сохранился только в цитатах у хрониста начала IX в. Георгия Синкелла. Georgii Syncelli Ecloga chronographica / ed. A.A. Mosshammer. – Leipzig: Teubner, 1984.

² «Каноны времени» Евсевия уцелели только в латинской и армянской версиях. Eusebi Chronicon libri duo / ed. A. Schoene. – Berlin: Weidmann, 1875, 1866. – Vol. I–II.

тичной культуры, но и базовыми идеями кодифицированного права (кодексы Феодосия и Юстиниана) и публичной легитимности власти [Вальденберг, 2008; Калделлис, 2016].

Дихотомия Рима и Ирана

Императоры так и не смогли подчинить себе все наследие Александра. Римские легионы не раз вступали в Междуречье, но твердыня Ирана устояла перед их натиском. Тем самым в претензии Империи на статус «вселенной» вводилась существенная поправка: важную часть территории древнейших мировых царств контролировали персы, политические и идейные антиподы греко-римской цивилизации.

Любопытно, что Иран едва не перехватил у Рима инициативу религиозного универсализма. В III в., в разгар одного из самых жестких гонений, развернутых против христианства в Империи, новая династия Сасанидов в поисках религиозной опоры рассматривала и популярное в сиро-арамейской среде христианство, и новаторскую доктрину Мани, но шаханшах Шапур сделал выбор в пользу реформированного зороастризма. Это упрощало тактическую задачу – сплочение иранцев вокруг правящей династии, но именно этот религиозный персцентризм не позволил зороастризму стать основой имперской консолидации. Среди подчиненных Сасанидам народов – сирийцев, армян, иудеев, грузин, кавказских албанцев – широко распространялись альтернативные религиозные системы, прежде всего христианство. В IV в. оно стало религией Рима, главного политического соперника Ирана, что вызвало гонения. Но искоренить христианство не удалось. Потерпев неудачу в силовом подавлении христиан, Сасаниды перешли к открытой поддержке церковных диссидентов, появлявшихся на территории Империи в ходе догматических дискуссий и эмигрировавших в Иран. Эта политика дала определенные плоды. На территории Ирана оформились сироязычная Церковь Востока, Армянский, Грузинский и Албанский католикосаты, а на оккупированных территориях империи в Сирии и Египте диссидентствовавшие группы под опекой Сасанидов сформировались в полноценные церкви – Яковитскую и Коптскую. Все эти церковные структуры (кроме Грузинской) окончательно обособились от имперской ортодоксии,

хотя и по противоположным догматическим основаниям. Но, возможно, самым важным результатом противостояния с Римом стало (воз)рождение книжных культур христианских народов Востока, бросивших вызов литературной монополии эллинизма [Yarshater, 1983, vol. 3/1, p. 924–948; Albert et al., 1993; Robinson, 2010, p. 72–152; Кузенков, 2017].

Сложившаяся в результате баланса сил Рима и Ирана биполярная система оказалась весьма стабильной. Ее разрушила утопичная попытка шаханшаха Хосрова II взять реванш у греко-римского мира и вернуть наследие Ахеменидов, используя кризис в Империи (к тому времени уже только Восточной). Затяжная война, наложившаяся на серию природных аномалий, истощила обе великие державы и вывела на сцену новую силу, уничтожившую зороастрийский Иран и поставившую на грань гибели христианскую империю [Колесников, 1970, с. 58–92; Yarshater, 1983, p. 568–612; Большаков, 2006].

Византия и Халифат

Импульс новой универсальной религии, зародившейся в начале VII в. в оазисах Аравии, породил цунами. Конец света, которого с трепетом ожидали и христиане, и зороастрийцы, действительно наступил: старый мир безвозвратно канул в Лету. Началось Средневековье – эпоха соперничества мировых *религий*. На месте границы между Римом и Ираном появилась подвижная «линия фронта» перманентной священной войны, на протяжении тысячи лет изнурявшей христианский мир. Империя, все еще гордо именовавшаяся Римской, но фактически ставшая компактным греческим царством – Византией, сумела перестроиться и найти силы для успешного сопротивления волнам арабских нашествий. Более того, через пару столетий, когда разросшийся до гигантских размеров Халифат стал разваливаться под натиском центробежных сил, Византия перешла в контрнаступление, и к концу IX в. политическая конфигурация внешне вернулась к старой биполярной системе [Shepard, 2008, p. 365–394; Robinson, 2010, p. 173–225; Острогорский, 2011, с. 277–393].

Но сходство было лишь внешним. Если для христианства римский политический универсализм, по сути, так и остался ино-

родным¹, то ислам с самого начала проповедовал всемирное теократическое государство, больше похожее на религиозную общину. В титул халифов вошли исключительно религиозные формулы: «наместник (*халиф*) Посланника Аллаха» и «повелитель правоверных» (*амир уль-муаминин*). Византийцы также не называли халифов царями, используя либо аутентичный титул *амирмумнин*, либо искусственные формулы, например *протосимвол и диатактор агарян* (у Константина Багрянородного)². Сами императоры ромеев в своих титулах сочетали реминисценции из старой римской титулатуры (*автократор*, *август*) с греческим термином *василевс* (имеющим античные и библейские коннотации) и подчеркивали сакральность своей власти через эпитеты «святой» (ἅγιος), «боголюбознейший» (θεοσιλέστατος)³, «христолубивый» и формулу «верный во Христе Боге» (ἐν Χριστῷ τῷ Θεῷ πιστός) [Rösch, 1978].

Таким образом, система биполярного мира возродилась в Средневековье в виде двух мировых религий, и политическое лидерство стало функцией лидерства религиозного. Это видно, в частности, из дипломатической переписки. Даже в XIV в., когда Византия ужалась до размеров скромной балканской страны, египетский султан Калаун чествует императора Андроника III (в 1340 г.) «столпом христианской веры, отцом всех крещеных, честью христианства», царем греков, Болгарии, Валахии, Алании, России, Грузии и турок, а также «наследником царства римлян». В свою очередь, самого себя он величает «великим султаном», «царем царей», «султаном арабов, персов и турок», «собирающим из всех народов к вере своей, убивающим и истребляющим неверных... гонителем армян, франков и татар, Александром нашего времени» и т.д.⁴

И Византия, и Халифат представляли собой не просто политические империи: Константинополь и Багдад выступали как ядра огромных религиозно-культурных полей, простиравшихся далеко за пределы их собственных, весьма нестабильных, государственных

¹ На Западе это ясно показал Августин в трактате «О граде Божием».

² De ser. II 48. Перевести эти искусственные титулы можно только приблизительно: «первый по сану (σὺμβολον)» и «повелитель агарян».

³ Часто переводится как «боголюбивейший», в активном смысле, но латинский вариант – *Deo amabilis* («любозный Богу») – заставляет понимать ее пассивно, что соответствует еще египетским и вавилонским эпитетам.

⁴ Regel W. *Analecta Byzantino-Russica*. – Petropoli, 1891. – P. 57–58.

ных границ. Это позволяет говорить о существовании таких феноменов, как «византийский мир» и «мир ислама». При этом обе религии проделали разнонаправленную эволюцию: христианство, изначально выступавшее за строгое разделение «кесарева и Божия», вписалось в систему «симфонии» светского и духовного начал, наравне обладающих сакральностью; ислам, напротив, изначально исходивший из радикального отождествления политического и религиозного, после выделения султаната из халифата (при Буидах в 945 г.) также принял бинарный характер [Бартольд, 1966]. Тем самым в обеих теократиях сложилась прагматичная система светской (император, султан) и духовной (патриарх, халиф) властей, оказывающих друг другу взаимную поддержку. Таким образом, можно говорить об эволюционном развитии унарной религиозно-политической структуры ранних империй в более устойчивую модель светско-духовного дуализма, где политическая власть отвечает за вопросы безопасности и законности, а духовенство – за вопросы морали и сферу сакрального.

Отношения между лидерами Византии и Халифата далеко не всегда были враждебными, но универалистская природа и христианства, и ислама исключала органичный союз. Кроме того, сама биполярность политической системы раннего Средневековья оказалась весьма зыбкой. Подлинного религиозного (и тем более политического) единства не было ни в том, ни в другом лагере. Христианский мир разделился политически после создания папами «Священной Римской империи» на Западе в 800 г. (с 962 г. – во главе с германскими королями), а в 1054 г. раскололся конфессионально после конфликта между папством и греческим духовенством. Исламский мир почти сразу раскололся на суннитов и шиитов, а в X в. у Багдадского халифата Аббасидов появился конкурент в лице исмаилитской династии Фатимидов. Наряду с внутренними смутами, Восток сотрясали волнами активности кочевых империй (сельджуки в XI в., монголы в XIII в., Тимуриды на рубеже XIV и XV вв.). Всё это обуславливало эфемерность средневековых государств Азии и Северной Африки.

Османь, Россия и европейский «концерт держав»

Стабильность пришла в XV в. с усилением Османов. Их империя, поглотившая остатки Византии и почти все православные страны (кроме Руси и Восточной Грузии), вобрала в себя и

значительную часть арабского наследия – включая и халифат. Полный титул османских султанов наглядно свидетельствует о полученном ими политическом наследии: в него вошли формулы «султан султанов», «хакан хаканов», «халиф Пророка», «повелитель правоверных», «император» (*İmparator'u*) – объединяющие сразу три имперских традиции: арабскую, тюркскую и римскую [Bang, Kołodzieczyk, 2012, p. 175–193]. Внутри исламского мира султаны представляли себя именно как халифы – духовные лидеры мусульман-суннитов всего мира. А в отношениях с Западом разыгрывали карту «византийского наследия», сначала как опаснейшие соперники западноевропейских стран, а в эпоху упадка – как противовес великодержавным амбициям усилившейся России.

Московские князья, которые начинали свою политическую карьеру как любимцы ордынских ханов, объединили значительную часть Руси, а после распада Орды сами стали успешно осваивать наследие Чингизидов, включив в свои владения Казанское, Астраханское и Сибирское царства. При этом Иван Грозный, принимая в 1547 г. царский титул, положил в основу великодержавной идеологии легенды XV в. о родстве Рюриковичей с Цезарем и Августом и о даре царского венца из Царьграда Владимиру Мономаху. Это позволяло представить царский титул как законное «отеческое наследие».

Имперский статус Москвы обязывал к статусу хранителей чистой христианской веры, что еще в начале XVI в. было сформулировано псковским монахом Филофеем в концепции «Москва – Третий Рим» [Синицына, 1998]. Эта же идея фиксируется в посланиях султана Сулеймана Великолепного (1548 и 1549 гг.), где Иван Грозный титулуется не только как «великий король¹ Московский», но и как «всем родом христианским правитель»². Сам Иван Васильевич в ответных посланиях, кажется, подхватывает эту тему, титулуя себя как «Божиею милостью един православный царь» – хотя и не отвечает «брату и доброму приятелю Сюлемен-салтану» симметричной взаимностью, никак не отмечая его роли в мире ислама³.

¹ В написанном по-гречески подлиннике – ῥῆξ. Этим термином (от латинского *rex* «царь, король») в Византии называли крупных европейских государей, в том числе и великих князей Владимирских и Московских.

² Россия и греческий мир в XVI веке / отв. ред. С.М. Каштанов. – Т. 1. – М.: Наука, 2004. – С. 169.

³ См.: там же, с. 171.

Впрочем, в российской государственной политике идея лидерства в православном мире звучала далеко не так отчетливо, как идея «имперского корня» династии, которая перекочевала от Рюриковичей к Романовым. В «Большой государевой книге» 1672 г. мы читаем, что «монархия великого Российского царствия и великих государей царей и великих князей российских корень изыде от превысочайшего цесарского престола и прекрасноцветущего и пресветлого Августа Цесаря, обладающего всей вселенною»¹. При Петре эта мифическая родовая связь с Римом уступила место более адекватному обоснованию – переводу русского титула «царь» как *imperator* в дипломатической переписке XVI в. На это указал 22 октября 1721 г. граф Гаврила Головкин при поднесении царю Петру Алексеевичу императорского титула. Вдобавок к этому Сенат по примеру «древних греческих и римских синклитов» провозгласил Петра «Великим» и «Отцом Отечества», обозначая преемственность с римско-византийской традицией. Однако сам Пётр I, принимая титул, заявил: «Надеясь на мир, не надлежит ослабевать в воинском деле, дабы с нами не так случилось, как с Монархией Греческою», – проведя четкую грань, отличавшую новую Империю Всероссийскую от Византии². В отличие от василевсов Нового Рима, деклариовавших сакральный характер своей власти и имевших авторитетных духовных визави в лице вселенских патриархов, Пётр I и его преемники, фактически взявшие на себя функции главы Церкви, строили Империю как сугубо светское государство, опиравшееся в первую очередь на армию и дворянство, и лишь во вторую – на духовенство, оказавшееся на правах служилого сословия.

Тем не менее и Османская империя, и Русское царство, а затем Империя Всероссийская в XVI–XX вв. представляли вариацию того же типа религиозно ориентированных империй-цивилизаций, который был задан в Средневековье Халифатом и Византией. Отображением этого в геополитической реальности стал пресловутый «Восточный вопрос», в центре которого стояла проблема Константинополя и судьбы христианских народов Балкан и Ближнего Востока. Финалом этого противостояния стала Первая мировая война,

¹ Большая государева книга, или Царский титулярник 1672 года. Л. 5 об.

² См.: Полное собрание законов Российской империи. – Т. VI. СПб., 1830. С. 444–446 (№ 3840).

ставшая фатальной для обеих империй и глубоко потрясшая оба представленных ими мира – православия и ислама.

Новый мировой порядок, начало которому было положено в Италии эпохи Ренессанса, базировался на совершенно иных принципах, выстраданных Европой и запечатленных в Вестфальской, Венской, Версальской, Ялтинской системах. Эти принципы сводились к признанию теоретического (хотя и не практического) равноправия государств и конфессий и к поддержанию баланса сил и интересов. Старые империи получили сильных конкурентов в виде колониальных талассократий, также именуемых империями, но представляющих собой особый феномен [Burbank, Cooper, 2010, p. 149–184]. Современный мир состоит примерно из двухсот государств, обладающих национальным политическим суверенитетом. Глобалистические тенденции развиваются преимущественно в пространствах экономики, культуры и информации. Значит ли это, что время империй как глобальных проектов прошло безвозвратно? Эта тема живо обсуждается в академической науке [Burbank, Cooper, 2010, p. 413–442]. Вполне возможно, что очередной системный кризис сформирует запрос на новые формы универалистских государств¹. И проанализированный материал показывает, что для этого в первую очередь будет необходима выработка некоей особой системы сакрализации – о характере которой мы сейчас судить не беремся.

P.V. Kuzenkov*

The Evolution of Empire: from the Ancient World to Modern Times

Abstract. Imperial formations occupy a key place in the political and religious history of Humankind. The article traces the evolution of this phenomenon, with a future global perspective, from the time of the emergence of macrostates in the Ancient World, through the period of the classical empires of Antiquity to the religious empires of the Middle Ages and the late empires of the New Age, in the space of Asia Minor and the Greater Mediterranean. The focus is on the transformation of the ideological

¹ Здесь, конечно, не имеются в виду эксплуатирующие имперскую тему экстремистские террористические группировки, вроде «Исламского государства» (запрещено в РФ).

* **Kuzenkov Pavel**, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (Sevastopol, Russia), e-mail: pk407@mail.ru

foundations of imperial formations, traced primarily on the basis of titular formulas, which are the most important source on the history of the ideological self-identification of states. The analysis revealed several evolutionary phases of imperial construction, characterized by the following features: 1) “mechanical” consolidation of primary polys-nomic political formations around a particular military-administrative center, with the preservation of mosaicism and polycentrism in the religious sphere; 2) formation of the new generation of all-imperial religious systems (usually associated with the ruler’s cult), designed to complement military and political consolidation by an ideological one; 3) displacement of primary personality-oriented imperial cults by more morally authoritative universal religions with a transcendental ideal (Christianity, Islam); 4) secondary politicization of theocratic empires, leading to the consolidation of religious-state dualism (emperor / patriarch; caliph / sultan); 5) final decline of politicized theocracies and their more or less painful transformation into national states of the modern type, formed in the specific conditions of Western Europe. The phenomenon of instability of monopolar geopolitical structures and, on the contrary, the impressive stability of bipolar configurations, embodied in the evolutionary space of the Greater Mediterranean in the competitive coexistence of Hellenism and the East, Rome and Iran, Byzantium and the Caliphate, the Russian and Ottoman empires, was identified.

Keywords: empire; political evolution; world religions; ancient world history; state-confessional relations; political ideology.

For citation: Kuzenkov P.V. The evolution of Empire: from the ancient world to modern times. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 80–99. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.03>

References

- Albert M., Beylot R., Coquin R.-G., Outtier B., Renoux C. *Christianismes orientaux: Introduction à l'étude des langues et des literatures*. Paris: Cerf, 1993, 439 p.
- Ando C. *Imperial ideology and provincial loyalty in the Roman Empire*. Berkeley: University of California press, 2000, XV, 460 p.
- Bang P.F., Bayly C.A., Scheidel W. (eds). *The Oxford world history of empire. Vol. 1: The imperial experience. Vol. 2: The history of empires*. Oxford: Oxford university press, 2001, 2020, 1449 p.
- Bang P.F., Kołodziejczyk D. (eds). *Universal empire: a comparative approach to imperial culture and representation in Eurasian history*. Cambridge: Cambridge university press, 2012, XX, 378 p.
- Barthold W.W. Caliph and sultan. In: *Collected works. Vol. 6*. Moscow: Nauka, Main editorial office of oriental literature, 1966, P. 15–80.
- Boak A.E.R. The theoretical basis of the deification of rulers in antiquity. *Classical journal*. 1916, Vol. 11, P. 293–297.
- Bolshakov O.G. *The history of the caliphate. Pt. 2: The age of great conquests, 633–656*. Saint Petersburg: Humanistics, 2006, 600 p. (In Russ.)
- Bowden B. *The Empire of civilization: the evolution of an imperial idea*. Chicago: University of Chicago press, 2009, 320 p.

- Brent A. *The imperial cult and the development of church order: concepts and images of authority in paganism and early Christianity before the age of Cyprian*. Leiden etc.: Brill, 1999, 369 p.
- Burbank J., Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton university press, 2010, 528 p.
- Crooks P., Parsons T. (eds). *Empires and bureaucracy in world history: from late antiquity to the twentieth century*. Cambridge: Cambridge university press, 2016, XVIII, 460 p.
- Fedotov G.P. The fate of empires. In: Idem. *New City*. New York: Publishing house Chekhov, 1952, P. 171–199. (In Russ.)
- Fishwick D. *The imperial cult in the Latin West: studies in the ruler cult of the Western Provinces of the Roman Empire*. Leiden etc.: Brill, 1987–2005, Vol. 1–3.
- Foster B.R. *The Age of Akkad: inventing empire in Ancient Mesopotamia*. London: Routledge, 2016, 456 p.
- Grumel V. *La chronologie*. Paris: Presses universitaires de France, 1958, XII, 488 p.
- Ilyin M.V. *The greater Mediterranean: development in time and space*. Sevastopol: SevGU, 2018, 32 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. *Words and meanings. Experience in describing key political concepts*. Moscow: ROSSPEN, 1997, 431 p. (In Russ.)
- Kaldellis A. *The Byzantine Republic: people and power in New Rome*. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2016, 448 p. (In Russ.)
- Kolesnikov A.I. *Iran at the beginning of the 7th century: (Sources, domestic and foreign policy, issues of administrative division)*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1970, 144 p. (Palestinskiy Sbornik, 22). (In Russ.)
- Kuzenkov P.V. The birth of the Christian East as a transformation of Hellenistic culture. *Istoricheskiy Vestnik*. 2017, Vol. 20, P. 14–30. (In Russ.)
- Leprohon R.J. *The great name: Ancient Egyptian royal titulary*. Atlanta (Georgia): Society of Biblical Literature, 2013, XX, 270 p.
- Mishin D.E. *Khosrov I Anushirvan (531–579), his era and his biography and teaching in the history of Miskaveikh*. Moscow: IVRAN, 2014, 696 p. (In Russ.)
- Ostrogorsky G.A. *History of the Byzantine state*. Moscow: Siberian Blagovonnitsa, 2011, 895 p. (In Russ.)
- Price S.R.F. *Rituals and power: The Roman Imperial cult in Asia minor*. Cambridge etc.: Cambridge university press, 1986, XXVI, 289 p.
- Robinson C.F. (ed.). *The new Cambridge history of Islam. Vol. 1: The Formation of the Islamic World (6th to 11th Centuries)*. Cambridge: Cambridge university press, 2010, XL, 783 p.
- Rösch G. *Όνομα βασιλείας: Studien zum offiziellen Gebrauch der Kaisertitel in spätantiker und frühbyzantinischer Zeit*. Wien: Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1978, 179 S.
- Schneider Th. Zur Etymologie der Bezeichnung “König von Ober- und Unterägypten”. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1993, Bd. 120/2, S. 166–181. DOI: <https://doi.org/10.1524/zaes.1993.120.2.166>
- Shepard J. (ed.). *The Cambridge history of the Byzantine empire, c. 500–1492*. Cambridge etc.: Cambridge university press, 2008, XX, 1207 p.

- Sinitsyna N.V. *Third Rome: The origins and evolution of the Russian medieval concept (15th–16th centuries)*. Moscow: Indrik, 1998, 416 p. (In Russ.)
- Strelkova A.V., Obukhova S.V., Bugaeva N.V. (eds). *"Gods among men": The cult of rulers in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman worlds*. Moscow; Saint Petersburg: Publishing house RHGA, 2016, 733 p. (In Russ.)
- Waldenberg V.E. *State structure of Byzantium until the end of the 7th century*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, 2007, 224 p. (In Russ.)
- Yarshater E. (ed.). *The Cambridge history of Iran*. Vol. 3 (1–2). Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1983, 702+883 p.

Литература на русском языке

- «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / под ред. А.В. Стрелкова, С.В. Обухова, Н.В. Бугаевой. – М.; СПб.: Издательство РХГА, 2016. – 733 с.
- Бартольд В.В. Халиф и султан // *Он же*. Сочинения. – Т. VI. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1966. – С. 15–80.
- Большаков О.Г. История Халифата. – Кн. 2: Эпоха великих завоеваний, 633–656 гг. – СПб.: Гуманистика, 2006. – 600 с.
- Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 224 с.
- Ильин М.В. Большое Средиземноморье: развитие во времени и пространстве. – Севастополь: СевГУ, 2018. – 32 с.
- Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 431 с.
- Калделлис А. Византийская республика: Народ и власть в Новом Риме. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. – 448 с.
- Колесников А.И. Иран в начале VII в.: (Источники, внутренняя и внешняя политика, вопросы административного деления). – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1970. – 144 с. – (Палестинский сборник, 22).
- Кузнецов П.В. Рождение Христианского Востока как трансформация эллинистической культуры // *Исторический вестник*. – 2017. – Т. 20. – С. 14–30.
- Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. – М.: ИВ РАН, 2014. – 696 с.
- Острогорский Г.А. История Византийского государства. – М.: Сибирская Благозвонница, 2011. – 895 с.
- Синицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). – М.: Индрик, 1998. – 416 с.
- Федотов Г.П. Судьба империй // *Федотов Г.П. Новый град: Сб. статей / под ред. Ю.П. Иваска*. – Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952. – С. 171–199.

М.В. ИЛЬИН*

TRANSLATIO IMPERII. ВОСПРОИЗВОДСТВО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РИМА¹

Аннотация. В статье рассматриваются различные варианты институционального строительства имперских структур, так или иначе отождествляемых с классической империей Рима. Обзор охватывает собственно римскую традицию и формирование последовательных версий имперско-республиканского комплекса. Различаются два способа использования институциональных структур: прямое и непосредственное наследование с преимущественно вертикальным переносом свойств и опосредованное восприятие с преимущественно горизонтальным переносом.

Рассматривается продолжение модифицированного существования римской традиции в виде теократической симфонии Царствия ромеев (*Βασιλεία Ῥωμαίων*) в Восточном Средиземноморье и хризалиды (теократии с феодализованной горизонталью и иерархической вертикалью) Христианской республики (*Respublica Christiana*) в Западной Европе. Отмечаются три попытки восстановить полноту имперской структуры еще в рамках западноевропейской хризалиды: удачную Карла Великого, не вполне удачную в виде Священной Римской империи и совсем неудачные усилия Плантагенетов заложить империю на западе Христианской республики в ходе Столетней войны.

Разбираются дальнейшие варианты уже опосредованного воспроизводства классических римских порядков в Соединенном Королевстве, а затем в США, а

* **Ильин Михаил Васильевич**, доктор политических наук, профессор, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН; ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; профессор, МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

¹ Плановая тема НИР «Актуальные тенденции развития науки в условиях социальных и информационно-технологических изменений» в ИНИОН РАН (AAAA-A19-119032090080-3)

также в Первой Французской империи. Затрагиваются и другие ориентированные на римское наследие имперские проекты. Обсуждается опыт европейской интеграции и использование ЕС республиканских и имперских аспектов римского комплекса, использование институциональных образцов Христианской республики и Каролингской империи. Особое внимание уделяется имперской составляющей отечественной политической традиции. Показано, что во всех рассматриваемых случаях имперская компонента сочетается с иными порядками – от патримониальных и монархических до современных (корпоративных, консоциативных, федеративных и т.п.). Использование римского наследия осуществляется в виде прямого воспроизводства, опосредованной реставрации, частичного копирования, имитации и даже симуляции.

Ключевые слова: translation imperii; трансформация; политическая форма империй; империя; имперско-республиканский комплекс Рима; Большое Средиземноморье; теократия; хризалида.

Для цитирования: Ильин М.В. Translatio imperii. Воспроизводство институционального наследия Рима // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 100–137. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.04>

Мы привычно говорим об империях и о постимперском транзите как об универсальных явлениях, однако само слово *империя* и его производные связаны с предельно конкретным и уникальным опытом Римской империи. Беспрецедентный пример ее успеха, эпохального подъема и падения задает настолько яркий образец, что латинское слово *imperium* (множественное число *imperia*) с набором крайне специфичных значений и смыслов, характерных именно для практик древних римлян, послужило источником и вдохновением не только для образования новых слов в разнообразных языках большого числа народов в Европе и за ее пределами, но и для заимствования, преобразования и использования институциональных и идейных решений классического Рима. Этот обзор начинается с обращения к имперской номенклатуре – основному инструменту институциональных и идейных преобразований. Затем рассматриваются наиболее показательные случаи трансфера и трансляции имперского наследия. Выбираются примеры, которые значимы для политической науки. Соответствующий опыт сравнительная политология, например, использует как аналог эксперимента. Тем самым предлагаемый обзор служит своего рода эмпирическим фоном и может использоваться как отправной момент изучения самых различных вариантов политического развития на постимперских пространствах.

Латинские истоки имперской номенклатуры

Мы привыкли именовать многие могущественные политии империями, начиная с Древнего Рима. Термин *империя* столь прочно вошел в язык политики и политической науки, что кажется и вполне ясным, и весьма древним. Однако на деле понятие империи как особого типа политической организации является относительно недавним. Оно окончательно консолидируется лишь с формированием параллельного понятия государства-состояния (*stato, l'état, state, Staat* etc.) в XIV–XVII вв. [Skinner, 1989]. Впрочем, различие старого римского понятия верховного господства (*imperium*) и строя Священной Римской империи (*Sacrum Imperium Romanum*) становилось довольно отчетливым уже с середины XI столетия, а с добавлением в 1512 г. уточнения «германской нации» (*Nationis Germanicae*) и вовсе стало очевидным.

В составе имперской номенклатуры – имеющие разное лексическое выражение на латыни понятия «всемирное господство» (*pax, imperium, principatus, dominatus* etc.), «высшая инстанция, носитель и источник этого господства» (*augustus, imperator, princeps, dominus et rex* etc.)¹. В нее входит и такое слово, как *auctoritas* – авторитетность, авторитет, средоточие и источник власти.

При всем том ключевым словом был империй (*imperium*). Именно его использует Вергилий, когда спустившемуся в преисподнюю прародителю латинян Энею его отец Анхиз пророчествует о великом предназначении Рима (Энеида, кн. 6, строки 851–853):

*Tu regere imperio populos, Romane, memento:
hae tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
parcere subiectis et debellare superbos.*

Вот неуклюжий, но зато почти дословный и точный перевод: «Ты будешь править народами с помощью империя. Помни, римлянин, тебе будут (даны) эти искусства, (ты) мир и нравы наложишь, приветитишь покорных и покараешь заносчивых». Тут ис-

¹ *Imperator* – тот, кто пускает *imperium* в ход. Образовано слиянием главной основы *imperat-* от супина *imperatum* (то, что надлежит вчинять) и форманта (суффикса с опущенным окончанием) *tor* от индоевропейского **-tor-s*, где *tor-* суффикс мужского рода агентивного отглагольного существительного (тот мужчина, который нечто делает, в нашем случае – кто вчиняет волю и властный приказ).

пользован точный юридический термин римского права. Империй – это чрезвычайные, практически неограниченные полномочия, предоставляемые консулу во время войны. Обладатель таких полномочий именовался императором. Буквальный смысл слова «империй» – «вчинение». Такова его внутренняя форма. Она проявляется при обращении к глаголу *impero, imperare* (заставлять, требовать, командовать, править), который образован приставкой *in* (в) и исходным глаголом *paro, parare* (подготавливать, учинять, чинить). Затем добавилось еще одно важное, еще более существенное значение: авторитет властвования и те условия, обычаи и установления, которые обеспечивали эффективное вчинение полномочий соответствующих властителей. Наконец, уже во времена вполне сложившейся и подкрепленной изощренной институциональной структурой поздней республики *imperium* стал обозначать не просто локус властвования, а самый высокий и, главное, чрезвычайный авторитет, распространяющий своё воздействие без оглядки на институциональные ограничения. Тем самым этот авторитет стал сверхреспубликанским, способным перерасти в нереспубликанский и далее в имперский.

Получается очень красивая конструкция иерархических уровней власти и властвования. Она высвечивается, если развернуть и дополнить знаменитую формулу Цицерона «*potestas in populo, auctoritas in senatu*» словами «*imperium in imperator*». Получится при точном переводе примерно так: «Власть зиждется в народе, авторитет – в сенате, властвование – в императоре». Разумеется, все это при республиканском еще понимании императора как одного из консулов, который на время военной кампании получает империй.

На этом история имперской концептуализации и институционализации только начинается. Здесь неуместно ее излагать даже со скупой фокусировкой общего абриса имперского порядка и его оправдания на отдельных модификациях: на раннем августовском варианте принципата, на его траянской и аврелианской версиях, на кризисном периоде «солдатских императоров», на доминате в версии Диоклетиана, а затем и теократической трансформации империи Константином Великим, и на уже новом типе политической организации – теократии. Достаточно будет проследить, по необходимости бегло и в основных чертах, как та или иная версия классического порядка Римской империи используется или транслируется для обогащения собственного политического строя со-

вершенно разными политиями традиционных и современных типов, вплоть до нынешних.

Современное усвоение имперской номенклатуры

Современная политическая номенклатура – *империя, имперский, империализм, имперство, постимперские трансформации* и т.п. – использует память о древнеримских воззрениях на императоров и их империумы¹, а также соответствующие когнитивные схемы и лексический материал для более широкой концептуализации различных типов политической организации – от ранних, примерно пятитысячелетней давности, до сравнительно недавних, возникающих уже в современные времена.

Это, во-первых, представления о крупных открытых системах господства, ориентированных на цивилизацию окружающего варварского пространства малых закрытых племенных или полузакрытых (приоткрытых) систем типа вожеств, деспотий или полисов. Поскольку такие открытые образования были уникальны, то обозначались либо именами собственными, либо предельными обобщающими образами типа «земля», «четыре, шесть, все стороны света», «поднебесное пространство» и т.п. В современной науке такие образования трактуются как империи. С Древним Римом их сближает создание целого глобального по претензиям мира – *Pax Romana*.

Во-вторых, концептуализировались результаты взаимодействия первичных открытых систем, их трансформаций и / или смены – уже не как единичный и уникальный феномен, а отдельный тип политических образований. Тут уже используются собственные имена столиц (Вавилон, Ашур, Рим, Карфаген и т.п.) или названия, связанные с функциональностью управления, господства, первенства и т.п. Нередко они по происхождению – самоназвания варварских соперников первых империй-цивилизаций. Древний Рим вполне вписывается в данный тип. Он возник на пограничье, лимесе поглощенной им затем этрусской цивилизации (так и переросшее в империю двенадцатиградие) и стал объединителем всего

¹ Точный латинский термин *imperium*, или *империй* исходно означает особое полномочия по чрезвычайному использованию властных ресурсов властителем, обычно во время войны.

средиземноморского пространства в ходе соперничества с иными средиземноморскими империями-цивилизациями: с Карфагеном, с Сиракузами и другими городами Великой Греции, с Эпиром, Египтом, Македонией и другими царствами диадохов или их преемников.

В-третьих, имперская номенклатура использовалась и для описания западноевропейских и иных позднейших политических образований, включая теократии.

В-четвертых, в качестве империй рассматривались заморские колониальные системы, возникшие уже в процессе модернизации.

В-пятых, империями назывались некоторые крупные государственные образования в рамках современных межгосударственных систем, начиная уже с Вестфалья. Это в полной мере относилось к новой категории великих держав.

Наконец, в-шестых, имперская номенклатура вполне последовательно применялась для разработки сначала нормативных теоретических представлений об особом классе крупных политических образований всех времен и народов, а затем и для сравнительных и эмпирических исследований политических форм¹.

Во многих случаях использовалась звуковая оболочка латинского слова и его различные значения. За счет усвоения этих значений новые народы создавали слова-омонимы² или сходные по звучанию, но все же различные слова, как в английском языке три слова *empire* и еще два *imperium*.

Первое слово *empire* связано с темой статьи и всего выпуска журнала – «политическое образование особого типа или хотя бы обладающее его отдельными свойствами». Другое означает «союз государств или зона политического господства в мире», например, *Soviet empire*. Наконец, еще одно включает широчайший спектр переносных значений и их оттенков, связанных с самыми разными

¹ Подробнее см. дискуссию в журнале «Полития» [Каспэ, 2012; 2015; 2016; Ильин, 2014; 2015].

² Примером таких разных, омонимичных слов является русская *коса*. Одно слово служит обозначением результата особого сплетения волос, другое – намытой песчаной отдели, сдвинутого, «счесанного» водой песка, третье – инструмента для покоса, «счесывания» травы. Все они восходят к единому индоевропейскому этимону **kes-* (чередование **kes-* /**tæs-*, **kes-* /**чес-*) со смыслом «чесать, двигать нечто податливое, обычно волосы, грести, сгребать» [ЭССЯ, 1984, с. 131–135].

проявлениями влияния и мощи уже, как правило, не в политике, а в самых разных областях. Например, ботанический сад Кью в Лондоне порой называют *empire of flowers*, *империя* цветов. Одновременно носители английского языка – прежде всего наши коллеги, а также юристы, историки и некоторые иные профессионалы – используют два слова *imperium*. Одно – в близком к латинскому значении «господство вообще и его основания», а другое для обозначения верховенства власти или даже суверенитета в его простейшем раннемодерном смысле «неделимой» вещной принадлежности. Нередко это делается, чтобы отличать эту принадлежащую одной инстанции «вещность» от куда более сложных и современных форм и способов распределения власти, лежащих в основе государственных и межгосударственных систем [Ильин, 1995].

Иные народы используют свой языковой материал, чтобы обозначить различные стороны усваиваемого и воспроизводимого ими римского наследия. Часто это те народы, которые уже имеют некий сходный опыт организации открытых политических систем. Это, например, народы германской или индийской языковой групп, использующие общий индоевропейский корень **h₂reg-* («распрямление, прямизна, правильность»). От этого корня произошли слова *Reich*, *raj* и даже слово *Hardariki* (властительство городов), которое варяги использовали для наименования Древней Руси. От этого же корня произошли латинские слова *rex* (властитель) и *regnum* (владение), а значит и русское *регион*. Так что коллеги-регионалисты также, оказывается, каким-то непрямым образом сопряжены с имперским наследием.

В каждом языке – свое уникальное сочетание способов представления имперского наследия и его сторон: транслитерация, перевод или их комбинирование, создание омонимов и синонимов. Это, однако, предмет занятий и забот лингвистов. В этой же статье при всем полезном учете языковых данных центр внимания составляет политическая прагматика и ее отражение в институциональном строительстве и политической культуре.

Translatio imperii

Идею передачи имперского могущества и даже скорее предрасположенности к господству, права править, если не бояться тавтологичности этого словосочетания, прекрасно выражает ла-

тинская формула *translatio imperii*, хотя сама идея была еще раньше осмыслена на Ближнем Востоке и отражена в Книге пророка Даниила (Глава 2, стихи 31–45). Там речь идет о последовательном разрушении и замене друг другом четырех царств: золотого, серебряного, медного и железного. В эллинистической традиции большей частью золотая голова отождествляется с Вавилоном, серебряные плечи и руки – с Мидией, медные чресла и бедра – с Персией, а железные голени – с Македонской империей. В традиционной христианской интерпретации намечена следующая последовательность передачи гегемонии: Вавилон, объединение владычеств мидян и персов в одном царстве, Македонская империя и Рим. Библейская схема передачи империя, или всемирного господства между четырьмя державами была усвоена и стала образцом для последующих построений.

Данный вариант в профетической логике пророчеств Даниила условно можно назвать утопическим. Тут череда царств только начата и развернута в будущее. Это довольно редкий вариант в силу того, что сама логика трансляции империя быстро перерождается в череду метаморфоз, построенных на иных основаниях и принципах, вплоть до квазинаучных и научных, например, марксистская типология смены формаций или «Третья волна» Тоффлера и подобные сочинения.

Другой вариант, напротив, завершается наличным царством как венцом долгого развития. Достигнут предел совершенства, а с ним и конец истории. Это своего рода эсхатологическая модель. Ее очень важной для нас версией является завершение череды империй теократией Константина, а также новая, обычно трехчастная череда христианских теократий (Три Рима).

Возможны комбинирование и попытка использования разных точек зрения и меняющихся рамок рассмотрения. Одним из примеров подобного комбинирования стала концепция пятой монархии, выдвинутая представителями одной из радикальных сект и фактически политических факций времен гражданской войны в Англии. Оно и известно под названием «люди пятой монархии» (The Fifth Monarchy Men). Грядущей пятой монархией Христа они считали революционную Англию.

Куда более прагматической была концепция одного из ярчайших португальских и бразильских интеллектуалов XVII столетия иезуита Антонио Виейры. Он поставил в ряд великих держав

пятой по порядку португальскую колониальную империю. В той же логике новой всемирной империей объявил колониальную Америку выдающийся философ Джордж Беркли:

Westward the course of empire takes its way;
The four first acts already past,
A fifth shall close the drama with the day;
Time's noblest offspring is the last.

*На Запад империя ход свой вершит,
Отыграны первые акта четыре,
Акт пятый достойно сюжет завершит
Времени лучшим творением в мире.*

Для данной статьи важны примеры последовательных превращений Рима и передачи его империя, в какие бы схемы и традиции их ни вписывали. Обычно выделяются три Рима: первый – Августа, второй – Константина и третий – воспринимающей политики. Однако данная схема упускает все те трансформации, которые происходили до эпохи принципата и воцарения Октавиана. Фактически с момента основания города и до глубокого кризиса всего средиземноморского цивилизационного порядка в эпоху Великого переселения народов Рим претерпевает целую череду превращений, акцентируемых менее глубокими внутренними кризисами. Они выливаются в политические конфликты и потрясения, а порой даже в гражданские войны. Каждая новая трансформация была прямой и непосредственной метаморфозой римских политических порядков в его непрерывной истории. Эта непрерывность сохранилась даже при трансформации имперской формы домината в теократическую при Константине.

Затем наступил глубокий кризис. Он стал относительно коротким и мягким на Востоке, а на Западе растянулся вплоть до VIII столетия и порой приобретал катастрофические черты. Кризис стал развилкой направлений развития и отмечен появлением двух альтернативных теократий – византийской и западноевропейской.

На всех этапах до глубокого кризиса, и во многом даже после него, – на Востоке в большей мере, на Западе в меньшей – происходило условно непрерывное наследование за счет непосредственного использования естественно встроенной институциональной памяти. А вот дальше римское наследие уже усваива-

лось опосредованно и часто выборочно за счет внешнего экспорта, вполне инструментального переноса образцов и моделей тех или иных версий непосредственного развития в совершенно новые условия и их приживления к самостоятельным, порой качественно совершенно иным политиям-подвоям. Среди них были имеющие относительно близкую, отдаленную или совсем условную генеалогическую связь с Римом западноевропейские нации-государства, их заокеанские клоны или государства со вполне самостоятельной генеалогией, как наша Россия. Однако теперь уже трансляция империя осуществлялась с помощью передачи воображаемого и реконструируемого империя сквозь разрывы в пространстве-времени.

Этим и последующим передачам империя посвящены следующие краткие очерки. Однако их целесообразно предварить пояснениями о целостном имперско-республиканском комплексе римского цивилизационного наследия и о способах его прямого наследования или опосредованной передачи в пространстве-времени.

Римский имперско-республиканский комплекс

Основное ядро римского цивилизационно-культурного наследия включает (1) идею имперского распространения цивилизационных порядков *Pax Romana*, (2) республиканский идеал баланса разных порядков, прежде всего трех форматов властвования: централизованный (монархический), ограниченного доступа (аристократический) и открытого доступа (популистско-демократический), (3) собственно империй как универсальную институционализацию исходно чрезвычайного образа действия высшей власти.

В основе первого, собственно имперского компонента лежат принципы открытой или способной открываться политической системы с функциональным императивом цивилизации окружающей среды, как условно нецивилизованной, так и имеющей иной, чуждый системе цивилизационный характер. Целью считается создание зоны умиротворения по образцу *Pax Romana*, единой системы права в основе римского и общего гражданства.

Культурно-цивилизационные основания римской имперскости связаны с мифом о всемирном предназначении Рима как умиротворителя, действующего на интерфейсе двух сфер, подлинного

порядка мира и его противоположности, сферы войны и принуждения, что отражено, например, в уже процитированной формуле римского предназначения. Показательны и само основание Рима на пограничье цивилизованного двенадцатиградия этрусков и варварской стихии италиков, и его первоначальная роль вооруженного агента-завоевателя, продвигающего цивилизацию на юг вдоль Тирренского (Этрусского) моря.

Основы другого, собственно республиканского компонента общего комплекса укоренены в древней латинской *cīvitās*: сообществе близких друзей-сотоварищей или даже содружинников (*cīvēs*). О необычности этих слов и их исходных смыслах прекрасно писал Эмиль Бенвенист: «Civis – оригинальный термин латинской лексики; <...> в значении гражданина вообще не имеет соответствий в других языках. Тем не менее с ним сопоставляют некоторые термины в санскрите и германских языках. <...> В значении этих слов отражается эмоциональный аспект межгрупповых отношений <...> что предполагает наличие определенного типа дружеских отношений по отношению к партнерам по союзу» [Бенвенист, 1995, с. 220–221 и далее]. Это вполне понятно, ведь в соответствии с мифом об основании города Рим был создан сообществом вольных друзей, связанных взаимной любовью и боевым товариществом сильнее, чем кровными узами или соседством [Ильин, 1997, с. 162].

Отправной момент республиканского комплекса Рима – полис, точнее, метрополис (*μητρόπολις* – материнский город), а в передаваемых версиях еще и метрополия. Это смысловое ядро обладает явной республиканской функциональностью с подчеркнутым нерасторжимым балансом трех состояний (консульско-монархического, сенатско-аристократического, консоциативно-демократического).

Эта чрезвычайная и безграничная власть ограничивается и регулируется республикой, системой соединения, или «смешения» всех трех типов владычества – монархической, или консульской, аристократической, или сенатской и народной – ставшими, по мнению Полибия, основой величия Рима [Полибий, 1995].

В роли сначала агента-завоевателя, а потом строителя открытой имперской системы Большого Средиземноморья Рим проявляет свою субъектность и волю. Ее выражением становится империй – общий, пронизывающий всю конструкцию и консолидирующий ее принцип вчинения порядка. Эта своего рода скрепа всего полити-

ческого и в значительной мере цивилизационного строя получает два взаимосвязанных способа выражения и упрочения: римское право в профанном измерении и церковь в сакральном. Инструментальная и собственно политическая связь права и религии Рима заключена в повседневном воспроизведении Завета в контактных практиках и права (*jus*) в круге единоверцев через *эκκλησίαν* (*ecclēsia* – и приход, и церковь в целом, исходно у греков – собрание, *ἐκκλησία*), консоциацию (*cōnsociātiō* – сообщество *socii*, а значит, и *civēs*) и консилиум (тут слиты и собрание, *concilium*, и совещание, *cōnsilium*). Фактически в своей политической истории Рим трансформировал простейший принцип права на вчинение воли в крайне изощренную и сложную концепцию совещательного согласования практик и стандартов такого вчинения. Увы, мы сегодня не ощущаем этого при произнесении слова *империя*. Пожалуй, и первый попавшийся лондонский прохожий при слове *empire* – тоже. Образованные европейцы, а тем более итальянцы или знатоки хотя бы начал латыни уже отдадут отчет в многозначности слова *imperium*. Ну а тем, кто берется профессионально заниматься политикой, а тем более политическими трансформациями и реформами, просто необходимо все это ясно усвоить.

Способы передачи римского империя и цивилизационного наследия

Как же может передаваться и фактически передается империй и цивилизационное наследие Рима? Тут необходимо сделать методологическое отступление и обратиться к обобщающей категории трансфера, которая составляет ядро большого концептного семейства, включающего понятия метафоры и метафоризации, перевода, интерпретации, преобразования и т.п.

Все связанные с этими понятиями явления динамичны и осуществляются в пространстве-времени. Его, в свою очередь, мы привычно рассматриваем в двух ракурсах – темпоральном и пространственном. Мы склонны разделять и даже противопоставлять развернутое во времени наследование и передачу чего-либо, приуроченную к конкретному месту и обстоятельствам. В первом случае кажется позволительным пренебречь пространственными ограничениями, а во втором – временными, хотя они, безусловно,

остаются крайне значимыми, и пренебрежение ими в науке чревато серьезными утратами и искажениями получаемых результатов. Однако порой это не только допустимо, но и крайне полезно. Искажающая действительность и научную точность картинка, которая при этом высвечивает то, что вы ищете или исследуете, обычно куда полезнее и важнее, чем расплывчатое, формально более верное и полное представление.

Прямое наследование и опосредованная передача в пространстве-времени

В науке, интеллектуальном фольклоре и даже в бытовых представлениях сформировалось крайне упрощенное и схематичное представление о социальном развитии и эволюции. Схема очень простая, наглядная и очевидная. Одно существо порождает другое, занимающее его место. Одна полития сменяет другую, занимая ее место. Происходит смена состояний по формуле: одно вместо другого. Тут сказался популярный пересказ дарвиновской логики происхождения (и смены) видов, а также упрощенные трактовки генетической детерминации.

Однако и сам Дарвин, и генетики бесспорно уточнили, что прежние состояния никуда не исчезают, а сохраняются внутри новых. Не вместо, а вместе. Это, на свой философский лад, Гегель трактовал как снятие (*Aufheben*), т.е. преодоление за счет сохранения в превращенном виде.

Нечто подобное происходит и с трансформациями. Одно дело разглядеть, что сохранялось или утрачивалось в ходе времени в одном объекте или череде копий-потомков, а совсем другое – вырвать из потока времени два объекта и выявить их сходства и различия, появившиеся или исчезнувшие в результате контакта в условно общем пространстве. В некоторых случаях важнее одно, в других – иное. Вот так и биологи, изучающие развитие видов и популяций, различают так называемые вертикальный и горизонтальный перенос. Первый – почти исключительно генетический, второй – преимущественно эпигенетический, связанный с иными типами кодирования и влияниями среды, например эпигенетических ландшафтов.

На деле это существует не только в биологии, но и в других науках, где два таких типа переноса успешно изучаются, хотя и называются иначе. Например, лингвисты, антропологи и прочие компаративисты даже опередили отчасти биологов. Ситуация с использованием вертикального и горизонтального переноса в науке очень пестрая [Корнев, 2021]. Во всяком случае, после называемого современного синтеза (modern synthesis) эволюционного учения с генетикой и последовавшего потом эпигенетического поворота биологи работают с этими двумя типами переносов более четко.

Для нашей темы данное различие существенно. Целый ряд трансформаций происходит «естественно», на протяжении длительных времен, а иные осуществляются практически одномоментно, нередко в результате проявления политической воли. Конечно, в политической науке найдено немало блестящих решений для изучения подобных явлений. Можно вспомнить и воронку причинности, и тропу зависимости с критическими развилками. Однако изучение разных типов переносов в политике остается совершенно неосвоенным, хотя и крайне важным для нашей дисциплины вызовом. Тут открывается много направлений для работы. Это – память и забвение в политике, разумеется, при достаточной методологической четкости, а не нынешней контрпродуктивной всеядности так называемых «исследований памяти» (memory studies). Это специализированный и выборочный трансфер отдельных моментов наследия. Это вторичные и многократные трансферы.

Трансформации цивилизационного комплекса Рима в ходе прямого наследования

На протяжении своей истории Рим сначала довольно быстро формирует свой социальный и политический генотип, а затем его передает вполне естественным образом прямого наследования: после каждого кризиса развития происходит восстановление и обновление исходного симбиоза полиса и империи.

Первоначальный Рим. Истоки традиции прослеживаются на протяжении более двух с половиной тысячелетий и локализуются на южном лимесе союза двенадцати этрусских городов, или так называемой Додекаполии. Исходно это было, видимо, военное или милитаризованное поселение варварского по отношению к цивили-

лизованным этрускам италийского населения Лация. Отсюда и самоназвание латины (*Latini*).

Первоначально Рим служил целям этрусской экспансии на юг в сторону Кампании. Его политическую структуру образовывали три взаимосвязанных власти – царская этрусского рода Тарквиниев, общегородского собрания старейшин или сената (*senatus* от *senex* – старец), а также куриатных комиций (*comitia curiata*) или собраний представителей курий, сообществ мужей от *com-* (с, вместе) и *vir* (муж). Причем уже в начальный царский период налицо разделение и даже скорее соединение разных по типу и происхождению властей. Царская власть отражала верховный контроль этрусков, и даже конкретнее – города Тархна. Сенатская власть – поддержание традиций и обычаев, включая прежде всего те, которые стали источниками римского права. Наконец, власть куриатных комиций была прямо связана с непосредственным осуществлением вооруженными мужами властных решений и санкций. Однако самое важное, что уже на этом этапе именно комиции наделяли империем командующего римским войском, который получал полномочия не только вести войну, но принимать и осуществлять политическую экспансию.

Довольно скоро внешняя экспансия этрусков была присвоена и продолжена Римом, а затем и развернута на север в сторону Этрурии и дальше. Произошло закономерное образование центра новой открытой, имперской по типу системы на лimesе прежней. Столь же закономерной стала трансформация трех властей в классическую полибиевскую схему монархической власти консулов, аристократической – сената и демократической – народа (ср. также *SQPR – Senātus Populusque Rōmānus*).

Республика во главе полисной федерации. Первоначальный Рим переоткрывает сначала этрусское, а потом свое собственное наследие – и порубежного полиса, и создателя полисной федерации. Он интегрирует все эти составляющие, придавая им отчетливые имперские черты. Фактически тем самым программируется последующее использование имперско-республиканского комплекса, во многих случаях переноса империя для переоткрытия и присвоения роли Рима в новых исторических условиях.

Процесс формирования имперских порядков успешно шел еще в рамках республики, в силу ряда причин. Прежде всего сама Римская республика как чисто полисная конструкция, обладающая

лишь ограниченными возможностями открывания и экспансии, да еще и отягощенная архаическими чертами дружинного сообщества, дополняется новым внешним устройством – союзом федератов, иных аналогичных полисных систем. Поскольку Рим был лимесным спутником этрусского Двенадцатиградия, то уже был знаком на практике со способами построения союзов. Однако для выстраивания своего союза Рим трансформировал симметричную модель федерирования в асимметричную. Одним из ключевых институтов, фактически решающим, был империй. Именно он устанавливал связи с федератами, а контроль и администрирование уже осуществлялись консулами, включая республиканских императоров, совместно с сенатом. Этот же инструмент позволял интегрировать симметричную федерацию этрусков в более обширную и асимметричную систему римского союзничества. Так что переход был достаточно плавным.

Рим в споре империй и цивилизаций Средиземноморья. Гораздо более проблемным было наращивание нового уровня политической организации – открытой имперско-цивилизационной общности с заменой союзничества четкой иерархией. Тут возникал очевидный конфликт размеров и масштабов между малой исходной системой и новым порядком.

Первый шаг был вполне посилен. Достаточно было превратиться из инструментального агента этрусской экспансии в самостоятельного актора и тем самым – субъекта собственного развития и создателя новых внешних порядков. За первым последовал второй. В 509 г. до н.э. римляне свергли этрусского царя Тарквиния Гордого и учредили республику, оставив фактически все прежние институты и обычаи за вычетом того, что внешняя царская власть – единоличная и наследственная – была заменена собственной выборной властью двух консулов. Теперь Рим оказался не клиентом Додекаполии, а самостоятельным игроком. Уже в 499–493 гг. до н.э. он одержал победу над Арицийской федерацией латинских городов, а затем, после кризиса, вызванного нашествием галлов, вновь начал экспансию. Шаг за шагом от одной войны к другой, от одного союза к другому Рим укреплял свое господство и расширял союзническую сеть. Уже в III в. объединивший всю Центральную Италию Рим приступил к покорению Южной Италии. Города Великой Греции не смогли противостоять этому натиску. Даже помощь одного из диадохов – пожалуй, талантливейшего полководца

среди них всех Пирра – не помогла. После ряда пирровых побед властитель Эпира вынужден был уступить. Теперь Рим вступил в прямой контакт и конфликт с наследниками разделенной империи Александра Македонского, а также Карфагена – «нового города» и нового властного центра всей финикийской экспансии.

Гегемония в Большом Средиземноморье и системный кризис. После трех Пунических войн Рим установил контроль над Центральным и Западным Средиземноморьем уже к исходу III в. до н.э. Затем он обратил свой натиск на Восток и после серии завоеваний к середине II в. установил контроль над всеми основными территориями и имперскими центрами Средиземноморья. К середине I в. до н.э. Рим превратился в мировую державу. Теперь весь бассейн Средиземного моря за вычетом Египта и ряда мелких территорий был под его контролем, а само Средиземное море фактически стало внутренним римским морем. Римляне просто называли его нашим – *Mare Nostrum*.

И тут последовал системный кризис. Он охватил целое столетие гражданских войн (133–31 гг. до н.э.). Центральным событием стала так называемая Союзническая война (*Bellum Sociale*) в 91–88 гг. до н.э. Предметом ее явилось римское гражданство. Его выборочно, в разной степени и неравномерно предоставляли италийским союзникам. Требование полного предоставления римского гражданства было отвергнуто сенатом, что и стало причиной войны. Римляне вынуждены были пойти на компромисс. Права получили далеко не все италики – в основном лояльные Риму северяне. Однако их приписали лишь к восьми трибам из 35. Одновременно все италийские общины становились римскими муниципиями, а Рим превратился в первый среди равных (*primus inter pares*). Самое главное, что в ходе этой войны, серии других гражданских войн, да и всего кризиса именно империй служил главным инструментальным средством выстраивания коалиций и попыток прорыва, вплоть до победного прорыва Юлия Цезаря. Именно империй и стал тем ведущим институтом, вокруг и за счет которого была выстроена иерархия *Pax Romana*.

В условиях острейшей борьбы участвовавшие в ней стороны акцентировали, а то и противопоставляли разные составляющие единого цивилизационного комплекса. Именно тогда возникает противопоставление республики и империи как двух контрастных начал. Этому противопоставлению суждено получить мощное раз-

витие уже в современную эпоху с различием двух контрастных политических порядков – республиканских и монархических. В Риме, однако, удалось сохранить целостность комплекса за счет целого ряда компромиссных решений, включая формализацию чрезвычайных полномочий на давно уже ставший далеко не чрезвычайным империй. Важную роль сыграло дублирование соответствующих прав за счет иных формальных институтов, в первую очередь трибунской власти (*tribunicia potestas*). Впервые право действовать в качестве народного трибуна в дополнение к полномочиям императора получил от сената в 48 г. до н.э. Цезарь, хотя он был патрицием, а не плебеем. Тем самым сенат как будто бы утвердил свою совместную с народом власть, или SQPR – *Senātus Populusque Rōmānus*, которая стала мыслиться как нерасторжимая. Впоследствии, уже в 23 г. до н.э., сенат точно так же наделил трибунскими полномочиями Октавиана Августа. Далее все преемники императора эпохи принципата – Агриппа, Друз Младший, Тиберий, Тит, Траян и Марк Аврелий – точно таким же образом получали трибунскую власть и право на империи. Но это происходит уже на новом этапе развития в рамках принципата.

Принципат. Империализация политического генотипа Рима продолжалась на протяжении всего принципата. Накопление в результате экспансии, административного усложнения иерархических структур все большей мощи, а главное – концентрация в руках императора все возрастающей власти, вызвали серьезные структурные напряжения. Империй находится под личным контролем императора. Его господствующая позиция подкреплена не только трибунской властью, но и особым положением принцепса, или первого среди равных (*primus inter pares*). Однако это первенство безусловно и постоянно. Отсюда и название данного режима личной власти и всего периода римской истории.

Зыбкость источников легитимации императорской власти привела к кризису III в. Только между 235 и 268 гг. было провозглашено 29 императоров, а в 238 г. их было шестеро. Все претенденты погибли насильственной смертью, кроме Гостилиана, скончавшегося от чумы. Основные причины заключались в том, что собственно императорская власть становилась все более критически важной, однако ее легитимация и институциональное регулирование – прежде всего принципы и процедуры обретения власти – оставались непроясненными ни политически, ни юридически.

Доминат. Эти напряжения были разрешены Диоклетианом. Он создал в 293 г. тетрархию, систему соправления двух августов и наследующих им цезарей в четырех частях империи. Предполагалось, что каждый из августов будет отречься после 20 лет правления, власть будет переходить к цезарю, а того сменит новый властитель. Диоклетиан и сам через 20 лет после прихода к власти добровольно сложил с себя полномочия августа в 305 г. Фактически создавалась новая модель политико-цивилизационного наследия Рима. Однако она просуществовала недолго, всего два десятилетия. Система была слишком изолированной и требовала очень четкого соблюдения правил передачи верховной власти между августами и цезарями, а также воспроизводства всех основных институтов империи. Тетрархией могли править только люди масштаба самого Диоклетиана, который не держался за власть, а, завершив свой труд, покинул императорский престол Восточного августа и удалился на покой в родную Далмацию, как говорят, «чтобы выращивать капусту». Он дожил до 311 г. и не увидел ни краха тетрархии в 313 г., ни последующего учреждения теократии Константином, единоличным императором с 324 по 337 г.

Теократия. Константин принял христианскую символику и стал использовать церковь сразу после своей победы у Мульвийского моста через Тибр в 312 г., однако на деле стремился к веротерпимости. В 313 г. принял еще с Лицинием Миланский эдикт. Только перед смертью он крестился и издал эдикт, так, к счастью, и невыполненный, – о разрушении языческих храмов. Однако фактически Константин сделал церковь своим инструментом и де-факто возглавил ее гораздо раньше. На созванном им в 325 г. Никейском соборе уже якобы уверовавший, но еще некрещенный Константин заявил епископам: «Вы – внутренние епископы, я же – внешний» (τῶν εἰσὼ τῆς Ἐκκλησίας καὶ τῶν ἐκτός).

Константин поэтапно ликвидирует тетрархию и осуществляет концентрацию императорской власти в своих руках. Однако одновременно он подкрепляет трудноуправляемую мирскую иерархию еще и сакральной, которая тоже под его контролем. Это было важным дополнением модели политико-цивилизационного наследия Рима, сделавшим ее теократической.

Кризис теократии. Порядки Константинова образца просуществовали всего полтора столетия. Исторические справочники смело называют 475 или 480 г. как точный момент «падения» Рим-

ской империи. Однако первая дата – это лишь эпизод лишения малолетнего Ромула Августула императорской порфиры, который совершил вождь наемников Одоакр, якобы выполнявший приказ свергнутого императора Юлия Непота. Одоакр вскоре стал фактическим правителем Италии, но при этом познал верховенство восточного императора Зенона, который присвоил ему титул патриция. В документах же эпохи он нередко именовался рексом, однако никаких формальных или фактических претензий Одоакра на имперское верховенство не зафиксировано.

Вторая дата – смерть уже фактически безвластного Юлия Непота. Между ними множество эпизодов борьбы за власть, которая осталась вполне рутинной и не была сопряжена с отчетливыми переменами политического строя.

Как бы то ни было, римская теократия в ее двух версиях (с воцарения двух представителей династии Валентинианов – Гонория на Западе и Аркадия на Востоке в конце IV столетия) продолжила свое существование в череде самовозрождающихся фениксов или в виде подражаний и имитаций, и все это – в условиях продолжающегося кризиса. Только в середине VI столетия на Востоке происходит качественная трансформация, консолидируется новый тип теократии и обновляются порядки почти во всех сферах жизни. На Западе теократия гораздо медленнее выходила из кризиса. Там формируется феодализованная теократия, или хризалида, но уже значительно позже – только к VIII в.

О передаче римского наследия в этих новых и сильно отличных от Константиновых формах речь пойдет в отдельных очерках. Пока же отмечу, что дальнейшая трансляция империя и усвоение римских образцов властвования продолжается, как уже отмечалось, путем опосредованной передачи в пространстве-времени.

В конечном счете накопленные Римом достижения стали образцом для многих политий Европы и мира. Его опыт во многих случаях рассматривался как своего рода подготовительный эксперимент для государственного строительства в иных исторических, эволюционных, геополитических и эколого-климатических условиях при использовании самых различных культурно-цивилизационных традиций и хозяйственных укладов.

Использование римского наследия проходило в разных режимах и формах, от прямого и часто поверхностного переноса от-

дельных ярких форм до кропотливого переосмысления опыта и критического усвоения алгоритмов ключевых решений.

Пока же обратимся к двум весьма специфическим случаям, когда трансфер происходил при непосредственном сохранении римской традиции и идентичности. Фактически тысячелетний (с VIII в. до н.э. по V в.) Рим продолжил существовать в виде двух альтернативных тысячелетних же политий. Одну мы называем Византийской империей, хотя сами ее подданные и властители именовали ее Царством ромеев (*Βασιλεία Ῥωμαϊκός*), т.е. римлян. Другую со временем назвали *Res Publica Christiana*. В одном случае имперская полития была упрощена до царства, а ее грекоязычные в основном жители считали себя римлянами. В другом на первый план вышел республиканский компонент и была подчеркнута христианская идентичность.

Византийский трансфер теократии

Наметившееся в конце IV столетия разделение Римской теократии на относительно самостоятельные Восток и Запад было зыбким. Только после готских войн 535–554 гг. оно в целом получило оформление, да и то весьма приблизительное – во всяком случае, на Западе. Так что в строгом смысле о византийском трансфере следовало бы говорить в связи с правлением Юстиниана. Этот блистательный политик стал последним императором теократического Рима исходной Константиновой формации. Одновременно он первый император и создатель уже вполне обновленной константинопольской теократии Восточного Средиземноморья, которую вполне уместно именовать Юстиниановой, хотя мы обычно зовем ее Византией. Фактически к середине VI столетия Юстиниан почти восстановил контроль над средиземноморским пространством Рима. Однако уже сто лет спустя весь римский Запад, за исключением анклавов в Италии, был утрачен. А еще сто лет спустя на Западе уже начала формироваться особая многоставная Республика христиан (*Res Publica Christiana*), со своей идентичностью и со своими формулами и кодами римского наследия.

Подлинным трансфером, или радикальным обновлением империя стали реформы Юстиниана. Знаменитый Кодекс Юстиниана вкупе с Дигестами, Институциями и Новеллами не менее

двойственен, чем сам император, давший ему свое имя. Один лик этого Януса обращен к римскому прошлому и классическим основам римского права, а другой – новоевропейской традиции римского права и даже к современности.

Ранние кодексы Григория (*Codex Gregorianus*) и Гермогениана (*Codex Hermogenianus*) носят имена юристов-компиляторов и обобщают классическое, дохристианское римское право. Кодексы Феодосия (*Codex Theodosianus*) и Юстиниана (*Codex Iustiniani*) названы уже по именам императоров. Общий характер политического строя решительно сдвинулся к преобладанию автократии. Республиканские компоненты общего римского комплекса политико-цивилизационного наследия сдвинулись в неформальную сферу. Характерное проявление – партии ипподрома (голубые и зеленые, красные и белые). Как раз во времена Юстиниана их политическая активность получила наибольшее развитие.

В отечественной и мировой науке немало исследований целостного феномена Византии. Однако собственно политическая трансформация остается относительно менее исследованной по сравнению с коллизиями придворной борьбы и военных конфликтов, с церковной и социокультурной историей, с теологией и искусством, да и со многими иными сторонами жизни Византии. Еще менее исследован трансфер римского институционального наследия. Отчасти этот дефицит восполняет публикуемая в данном номере статья П.В. Кузенкова [Кузенков, 2022]. В ней автор показывает, как сложно и непросто Константиново наследие Рима сопрягается с не менее мощным наследием эллинизма, которое, в свою очередь, само было синтезом нескольких древнейших эволюционных традиций. Автор намечает важнейшие направления дальнейших исследований, чтобы адекватно понять дальнейший трансфер на Балканы, Кавказ, в Восточную Европу и Россию. В данной статье эту линию придется оставить и повернуться к римскому Западу.

Теократический трансфер Христианской республики

На Западе Римская империя не погибла в 70-х годах V в., как это нередко утверждают, а лишь вступила в череду кризисов, связанных с войнами и феодализацией, которые усилились в результате «засасывания» в пределы коллапсирующей империи варвар-

ских племен. Но она убереглась от радикального распада благодаря институциональной страховке, которую с большим основанием можно назвать Константиновым даром (*Donatio Constantini*), чем подложный акт дарования папе Сильвестру верховной власти во всей Вселенской церкви. Эта мощная скрепа заключалась в создании теократической вертикали. Даже почти полный распад горизонтальных мирских иерархий – а Запад был близок к нему в пору варварских миграций – не уничтожил теократический строй. Принцип Завета и поощряемые Церковью и каждым отдельным приходом практики его воспроизведения в заключении разного рода соглашений и контрактов позволили сохранить прежние мирские иерархии в виде контрактных отношений вассалитета и имунитета. Медленно и болезненно теократия переизобрела светские иерархии, а также сохранила церковную иерархию в виде единой структуры Римско-католической церкви. В результате образовалась оригинальная версия «самозамкнувшейся» теократии – хризалида, или «куколка», соединение феодализовавшихся профанных порядков с четкой сакральной иерархией католичества (подробнее см.: [Ильин, 1995, с. 24–29]).

Впрочем, особенная феодализованная теократия консолидировалась в Западной Европе не сразу. Ускоряющаяся эрозия имперских порядков с середины IV столетия, отступничество Юлиана, гражданские беспорядки и войны провоцировали эффект сжатия открытой системы. Он сопровождался вторжениями варваров и Великим переселением народов (*Völkerwanderung*). Происходило фактическое утверждение дружинных владычеств в пространствах империи. Порядки дробились и рушились, но формальное верховенство императоров сохранялось и на Востоке, и до 70-х годов V в. на Западе. После же пресечения непосредственного наследования верховной власти память о ней и фактически сохранявшееся признание «временно отсутствующего» верховного властного центра позволяли выживать раздробленным фрагментам порядка на самых разных уровнях. При этом общая инфраструктура церкви становилась все более важной скрепой. Постепенно сосуществование разномасштабных фрагментированных порядков, вкраплений дружинных господств, пронизанных церковной иерархией и увенчанных воображаемой вершиной власти, постепенно вело к консолидации очень необычной политической системы. Ее контуры определились к середине VIII столетия.

Первоначально сообщество христиан было децентрализовано. По легенде, святую веру после Христа разносили по миру его ученики¹, а в городах и весях возникали автономные еkkлeсии. Разумеется, статус и возможности различных поселений и их жителей был различным. В силу этого относительная важность глав соответствующих общин была различной, но главное, конфигурация сетевых отношений между ними все более уподоблялась имперской иерархии, а после утверждения Константиновой теократии стала вполне ожидаемой и усиливающейся.

Постепенно авторитет римских епископов рос, а с ним и сетевая центральность их кафедр. В 450 г. император Феодосий II в своем письме назвал римского епископа Льва III патриархом Запада, дав ему тем самым своего рода первенство во внешней, прямо не подконтрольной ему части христианского мира. Также при Льве название «папа» стало применяться исключительно по отношению к епископу Рима, а не к любому из них. Однако возвышению римских пап особенно способствовала зависимость от византийских императоров и их покровительство. Именно в этот двухвековой период с середины VI по середину VIII столетия римский папа стал главным партнером императора наряду с константинопольским патриархом. Однако патриарх был территориально приближен к имперскому двору и вовлечен в его интриги, а римский пастырь все меньше тяготился мирскими заботами имперского управления и все больше брал на себя роль католического (вселенского) символа христианского благочестия.

На протяжении второй половины VIII столетия папы под опекой франкских королей Пипина Короткого и Карла Великого приобретали все больший авторитет вкупе со значительной автономией. Достаточно сказать, что Лев III, коронованный в 800 г. Карла императорской короной, отказался включить в Символ веры тезис *Filioque*, принятый на Ахенском соборе в 809 г. В то же время Карл Великий в своем поздравлении с избранием Льва III папой в 795 г. ясно выразил принцип согласования духовных и мирских

¹ Помимо 12 апостолов Христос назначил еще 70 учеников проповедовать по миру (Лк. 10: 1–24). Среди них был и близкий к Петру апостол Клемент. Он стал четвертым епископом в Риме в самом конце I в. Клемент был сослан в Херсонес, принял мученическую смерть и был провозглашен святым. Он автор послания к Коринфянам и считается всеми христианскими церквями одним из Отцов Церкви.

властей: функция первых – молиться за королевство и за победу королевской армии, а вторых – защищать Церковь.

Рубеж VIII и IX вв. стал моментом восстановления христианской теократии на Западе. Карл консолидировал и возглавил светскую имперскую иерархию, а с его помощью Лев – сакральную. Оба по праву обрели свое место в истории и получили наименование «Великих». Воссозданная под их руководством теократия просуществовала четыре десятилетия, вплоть до смерти преемника Карла Людовика Благочестивого, а затем еще восемь с лишним десятилетий до гибели в 924 г. Беренгара, внука Карла Великого и последнего носителя титула *император (над) римлянами (христианами), правящий империей (imperator Romanum gubernans imperium)*. Впрочем, эти восемь десятилетий были периодом постепенной феодализации горизонтальной властной вертикали, превращением ее в договорную. При этом сакральная вертикаль оставалась незыблема в своих основаниях и всеобщем признании, хотя ее административная инфраструктура деформировалась и дробилась, а Курия и сами папы зачастую не соответствовали заданным стандартам.

Данная система получила название Христианская республика (*Res Publica Christiana*). Это было вполне логично. Раз императора с его империей нет, то остается республика, которая этот империй сохранила и управляется им на условно-договорных началах. Это прекрасно прояснил великий итальянский юрист Бартоло да Сассоферато, предложивший принцип *чистого империя (merum imperium)* как воображаемой общей идеи светской составляющей имперского порядка. Однако при этом чистый империй становился и вполне прагматически инструментальным средством организации власти, поскольку рассматривался как неподдающийся коррупции источник всех конкретных проявлений светской власти в *Res Publica Christiana*. Чистый империй напоминал о сакральной вертикали, и тем самым подкреплялся ее авторитетом. На подобной основе контрактные отношения между сюзеренами и вассалами строились за счет условного разделения чистого империя. Предполагалось, что каждый из участников этих отношений либо получал за счет вассального договора свою долю империя, либо ее передавал, либо она доставалась по остаточному принципу и обеспечивалась самоопределением того или иного авторитета. Для этого использовались практики трех типов: препоручения

(commendatio), или принятия добровольных обязательств по отношению к более могучему властителю, бенефиция (beneficium), или передачи власти сверху вниз в обмен на признание своего права господствовать, и, наконец, иммунитета (immunitas), или наделяния свободой от обязательств относительно высших и низших участников иерархии, а также самоопределения сообществ, «республик» разного рода.

Рим сакральный, Святой престол стал транслятором ключевой сакральной оси Константиновой теократии. Это позволило ему освободиться от бремени карающего насилия и стать носителем высших принципов и сакральных норм порядка. За счет этого Святой престол как представитель и одновременно транслятор всеблагого и вездесущего авторитета уже перестает быть центром в буквальном смысле и превращается в некое институциональное выражение целого. В отсутствие императора и условности договорной светской иерархии Рим католический наследует право на сохранение чистого империя и становится его сакральным носителем.

Сакральная, или идеократическая, консолидация Христианской республики морфологически выливается в форму хризалиды-куколки. Здесь, в пространстве некоего аналога заповедника развития за счет интенсивной проработки договорных практик, имитирующих сакральный завет между Вседержителем и избранным народом, Спасителем и христианами, формируются ордена и корпорации, сословия и территориальные политические общности. В перспективе на этой основе возникнут морфологические основания и предпосылки образования суверенных территориальных государств, гражданских обществ и наций как их общей рамки.

Обе составляющие имперско-республиканского комплекса интенсивно развивались и очень существенно обновлялись. Как уже отмечалось, империй получил развитие в виде фрактальной по своей конфигурации и структуре сети разномасштабных империев, обобщенной в чистый империй. Параллельно и в тесной связи с этой конструкцией выстаивалась аналогичная, но не идентичная фрактальная сеть сакральных и церковных империев.

Имперская составляющая претерпела существенную эволюцию. Императив строительства мира по-римски перерос в установку утверждения мира по-христиански, подкрепленную использованием и римского права, и практик цивилизации внешних

язычников за счет их христианизации. Впрочем, и насилие также применялось по отношению к непокорным (*superbos*), в виде крестовых походов и преследования еретиков.

Использовали имперские иерархии властители самого разного рода. На этом фоне выделяются три попытки восстановить полноту имперской структуры еще в рамках западноевропейской хризалиды. Довольно удачную совершил Карл Великий. Она, собственно, и позволила консолидировать хризалиду. Не столь удачную предприняли Оттон Великий и его преемники. Они создали Священную Римскую империю на восточном крыле хризалиды. Со всем неудачными стали попытки Плантагенетов заложить империю на западном крыле Христианской республики в ходе Столетней войны.

Республиканская составляющая получает интенсивное развитие в малых политических образованиях. Это и территориальные общины пояса городов и прочих периферий, и разного рода консоциации от монашеских и рыцарских орденов до ремесленных артелей и гильдий, от университетских сообществ ученых клириков до купеческих и банковских корпораций. Даже внутри церковных консилиумов и феодальных съездов республиканские практики согласования решений, голосований и выборов получили развитие и институциональное закрепление.

Однако за прошедшее тысячелетие сложились уже принципиально новые условия. Уже пресеклось непосредственное преемство, возникает исторический разрыв и приходится опосредованно заимствовать, переосмыслять и воссоздавать классическое имперско-республиканское наследие Рима. Наступает эпоха Ренессанса, возрождения классической древности, а за нею Просвещения, переосмысления классического опыта и образцов в терминах универсальных принципов разума.

Последующие трансферы

До сих пор в поле внимания были непосредственные и прямые трансформации. Они были сопряжены с воспроизводством основных структурно-функциональных рамок с некоторыми модификациями и дополнениями. Иными словами, при сохранении общей модели ее прежняя версия заменялась новой. Речи о созда-

нии принципиально новой модели не шло. Кризис перехода – десинхронизация порядка, его деконструкции и прорыв с последующей синхронизацией (см.: [Almond, Mundt, Flanagan, 1973; Окунев, 2009]) – был относительно неглубок и относительно краткосрочен. Исключение составили, пожалуй, времена междоусобицы на Западе с VI по VIII в. При этом сакральная вертикаль сохранилась, а церковь оставалась единой, хотя и не централизованной. Эрозия же и разрушение мирских иерархий были далеко не полными, а частичными. Так или иначе на Западе классическую теократию после двухвековой паузы сменил существенно обновленный теократический порядок каролингского образца. На Востоке переход был еще более плавным. Юстинианова фаза развития вообще стала соединительным интерфейсом двух крайне сходных теократий.

Последующие переносы-трансляции классического имперско-республиканского комплекса осуществлялись принципиально иначе. Одно дело, когда трансфер осуществляется между прежним и новым однотипным порядком (от империи к империи или от теократии к теократии, даже от империи к теократии или от теократии к хризалиде), а совсем другое – от хризалиды к сообществу территориальных государств.

Завершающий этап существования западноевропейской хризалиды охватил весь XIV и первую половину XV в. Он отмечен нарастанием кризисных явлений. В 1309 г. французские короли попытались установить контроль над Святым престолом в виде так называемого Авиньонского пленения, который перерос в Великую западную схизму (*Magnum schisma occidentale*), продолжавшуюся до 1417 г. Среди десятков войн и восстаний выделяется Столетняя война (1337–1453).

В ходе кризиса начинается и все ускоряется процесс дробления властной империи. Территориальные властители все более активно его присваивают и даже «приватизируют». Этот процесс к середине XV в. получает и институциональные формы [Spruyt, 1996]. Характерно, что как раз в это время 23 мая 1453 г. османский владыка Мехмед Завоеватель овладел Восточным Римом – Константинополем и тем самым символически пресек непосредственное наследование Риму.

Почти год спустя не менее символическое событие произошло в Италии. 9 апреля 1454 г. Венеция и Милан, уставшие

от долгой и ставшей бессмысленной вооруженной борьбы за мелкие территории, вместе с Флоренцией заключают мир в Лоди. Это вынужденное и конъюнктурное на первый взгляд соглашение стало великой вехой не только итальянской, но и мировой истории. За пару лет на его основе формируется так называемая Итальянская лига (*Lega Italica*) – принципиально открытое соглашение о поддержании мирных отношений между территориальными владениями, взаимно признающими равные права друг друга на свои территории и на общий мирный порядок.

Все это делалось при участии Рима, но не в качестве наследника Константиновой теократии и воплощения сакральной вертикали всего католического мира, а как светского сюзерена федерации мелких феодалов, именовавшейся Состоянием церкви (*Stato della Chiesa*). Эти четыре мощных по итальянским масштабам территориальных состояния вкупе с Неаполитанским королевством образовали пентархию, ставшую ядром первой системы территориальных государств [Mattingly, 1955, p. 178; Arrighi, 1994, p. 24, 40].

Одновременно и даже с небольшим запозданием в два поколения относительно территориального раздела чистого империя происходит мультипликация и присвоение сакральной вертикали. В конце октября 1517 г. Мартин Лютер прикрепил к дверям Замковой церкви в Виттенберге свои знаменитые тезисы. Началась Реформация, а с нею эпоха конфессионализма и религиозных войн, которые продолжались вплоть до Вестфальского мира 1648 г.

Территориальный раздел и консолидация однородных или даже единых политических порядков приобретали все большую четкость не только в Италии, но в других частях Европы. При этом проявлялись две тенденции. Эти процессы могли идти как снизу, так и сверху. Собираение территориальных политий сверху типично для династических центров с имперскими амбициями: Франции, Англии, Испании; в Швеции и Дании – после распада в 1523 г. Кальмарской унии. Консолидация снизу характерна для пояса городов. Яркие примеры – Швейцария и Нидерланды. Впрочем, были и исключения. В Священной Римской империи сочетались обе тенденции [Lehmbruch, 2002].

Использование того или иного подхода, равно как вариантов их совмещения или смешения зависело от множества факторов: геополитических, геоэкономических, популяционных, языковых, культурных и т.п. Однако концептуализация обобщающей модели

осуществлялась в терминах имперско-республиканского комплекса Рима. Различные модели профилировали либо имперскую, либо республиканскую составляющую. При этом перспектива консолидации сверху легко сочеталась с имперской акцентировкой, а снизу – с республиканской.

Вполне естественно, что в случае консолидации сверху на первый план выходили имперские аспекты институциональных дизайнов и практик, а при консолидации снизу – республиканские. Однако во всех случаях сохранялись и те и другие.

Как уже отмечалось, новые исторические и эволюционные условия выхода на новый уровень сложности политической организации способствовали отчуждению прежних образцов институциональной памяти. Между классическими и модерными – «нынешними»¹ для XV–XVII вв. – практиками вклинивались образцы теократии, дружинного господства, институционального самоопределения еkkлeсий, цехов, орденов и прочих корпоративных образований. А это вело как к размыванию контуров институциональных образцов, так и к затруднению доступа к ним. Требовались усилия ученых людей и книжников, чтобы возродить образцы институциональной памяти в их классическом виде, не стертыми и не затертыми последующими наслоениями, а затем представить в виде исторических концепций идиографического, нормативного, сравнительного или даже прагматического толка.

Выражением подобного переосмысления классического опыта и его непрямого, опосредованного переноса в качественно отличные условия формирующегося Модерна стало так называемое макиавеллистское воздействие (*Machiavellian moment*) [Росцок, 1975]. Впрочем, своими трудами такое воздействие оказывали не только Никколо Макиавелли, но также Франческо Гвиччардини, Иоганнес Альфутзий, Жан Боден, Томас Гоббс и десятки ярких авторов [Skinner, 1978].

Опосредованный трансфер является крайне проблематичным, выборочным. По необходимости он редуцирует генотип используемого наследия. Для него характерна неполнота формул наследования и воспроизводства образцов. Однако в этом и пре-

¹ Прилагательное *modernus* образовано от наречия *modo* (только что, ныне) и обозначает нынешних людей и порядки в сравнении с людьми и порядками древними, античными, *antiquus*, т.е. «прежде виданными» от и. е. **h₂ent-* (вперед, раньше) + **h₂ek^w-* (видеть).

имущество. Отбирается именно такое, что позволяет в ходе фактически горизонтального переноса структур и функций наиболее адекватно откликнуться на то, что мы привыкли называть вызовом времени, а в терминах эволюциониста-антрополога Терренса Дикона именуется «нехваткой» (absence) [Deacon, 2011; Дикон, 2019; Остапенко, 2019].

На практике это означает, что уже ощущаемая нехватка институциональных опор и решений компенсируется за счет сознательного копирования классических образцов и горизонтального переноса этого привоя на свой собственный подвой. Подобная нехватка может быть самой разной по характеру, начиная с потребности устойчиво согласовать права на территориальное господство внутри своих политий между властителями сопредельных стран (вспомним Итальянскую лигу), продолжая закреплением обратных связей между властителями и подвластными с помощью рефлексивной подотчетности (представительное правление) и кончая нынешним демократическим дефицитом, на который ответы только ищутся.

Новоевропейские трансферы начинаются с формированием государств-состояний в их межгосударственных системах (Итальянская лига, Аугсбургская диета, Вестфальские мирные соглашения). Римский имперско-республиканский комплекс используется в самых различных версиях: где с упором на республиканские стандарты (пояс городов), где с преобладанием имперских образцов (сопредельные зоны крупных династических центров). Однако так или иначе сохраняется некий пусть и несовершенный, но баланс. Итальянские республики обретают черты цезаристских синьорий, а якобы абсолютные монархии успешно встраивают сословное, корпоративное и территориальное представительство. Порой баланс удастся закрепить – во многом благодаря вниманию достаточно образованных властителей к обобщениям деятелей макиавеллистского толка. Порой властители полагаются на собственные интуиции и впадают в крайности, провоцируя проблемы и кризисы.

Собственно, имперский компонент активно используется при строительстве качественно новых политических образований – колониальных империй, где материнский полис (μητρόπολις) заменяется метрополией территориального государства-состояния, создающего заморские фактории, а затем и осваивающего прилегающие территории. Равным образом имперские схемы использу-

ются при консолидации претендующих на абсолютизм монархий для контроля и колонизации внутренних периферий.

Как бы то ни было, очень ценный опыт трансферов римского наследия осуществили создатели двух крупных политических образований за пределами роккановской концептуальной карты Европы – Соединенных Штатов Америки и Российской империи [Ильин, Барсукова, 2019].

Российский трансфер крайне интересен своей своеобразностью («особенная статья»), которая делает его своего рода контрольным примером («великий урок миру... урок для отдаленных потомств»). Макиавеллистское воздействие оставило Россию в стороне. О европейских политических авторах и интерпретаторах римского наследия едва кто и вспоминал. Практически никого не переводили, разве что Пуфендорфа, да и того, похоже, случайно. А уж политики, за исключением Василия Голицина, как и сам Петр, с римской историей были знакомы понаслышке из третьих рук. Неудивительно, что имперско-республиканский комплекс Рима дошел до людей, направлявших государственное строительство Московского царства, а потом и Российской империи, на формативных этапах в крайне усеченном и поверхностном виде. В результате они руководствовались собственными интуициями и самыми общими стереотипами о победах, торжестве и величии Римской империи. Даже такой важный акт, как провозглашение России империей, в значительной мере мотивировался имиджевыми соображениями и лишь косвенно отражал реальную империализацию отечественной политической системы.

Вместе с тем российские государственные мужи, и в первую очередь сам Петр, искали образцы не только в трактовках Писания или в обычаях Немецкой слободы, но в ближней и дальней истории. А образцы государственного строительства были крайне нужны. Вызов заключался в том, чтобы войти в уже сложившееся сообщество европейских государств не как неловкий варвар, а как претендент на присвоение империя в Даниловой череде четырех царств. Это было тем более важно, что в собственном цивилизационном контексте нужно было переизобрести эсхатологический Филофеев миф о встрече конца света в очищенном православии московского Третьего Рима – последнего вопреки Даниилу.

В этой ситуации лично Петр, сознательно или бессознательно, подражает римским императорам и Цезарю как первому из

них. Однако есть и другие фигуры, которые служат образцами. И первый среди них Константин. Оба властителя создают столицы на дальних пределах империи. Константин реконструирует Византий, превращая его в квинтэссенцию средиземноморской цивилизованности, а затем, в 330 г., провозглашает его столицей под названием Новый Рим. Вскоре город де-факто переименован в Константинополь. Петр создает Петербург на крайних балтийских пределах как повторение создания Нового Рима (Константинополя) и также делает его квинтэссенцией тогдашней европейскости по образцам Венеции и Амстердама.

Еще одна параллель: казнь Константином своего сына Криспа, а Петром – Алексея.

Помимо внешних параллелей сходны петровские и Константиновы стили личной концентрации власти. Формальная теократия подкрепляется сосредоточением всей церковной и светской власти в одном лице и личности императора. Строго говоря, и Петр, и реальный, а не мифологизированный христианскими теологами Константин, – чистые прагматики предельной концентрации власти в своих руках, империя, пронизывающего всю конструкцию и консолидирующего сам принцип вчинения порядка во всей его полноте и непосредственности.

В российской рецепции имперско-республиканский комплекс редуцируется до крайних пределов личной автократии, но при формальном сохранении некоторых республиканских симулякров, например сената. Важнейшая политическая установка заключается в имперском распространении новоизобретаемых порядков по образцу *Pax Romana*. Важным добавлением становится патримониализм и господство вотчинных порядков во всех сферах и на всех уровнях. В конечном счете происходит соединение строя царства образца ранних Романовых с западными абсолютистскими порядками и византинизма с сильной персоналистской окраской в духе Юстиниана и даже, скорее, Василия Вулгароктона.

Американский трансфер выстраивается совершенно иначе, можно сказать, контрастным образом. Еще в колониальный период активно используется имперско-республиканский комплекс, причем его ранняя классическая версия. В основе лежит баланс трех форматов властвования (монархического, аристократического и демократического), но при акцентировании республиканского синтеза, во всяком случае в ходе государственного строительства колоний.

Очень важно, что трансфер римских образцов осуществляется вполне сознательно. Колонистов отличает высокий уровень самообразования и начитанности. В ходе самоопределения, переросшего в борьбу за независимость, отцы-основатели ясно провозглашали следование классическим образцам. По уровню своей компетентности и знания римских источников и новоевропейских интерпретаций римского наследия Бенджамин Франклин, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон, Александр Гамильтон, Джон Джей и десятки ярких авторов федералистского и антифедералистского толка стоят намного выше среднего европейского уровня.

Принятие конституции и дальнейшее государственное строительство знаменуют установление баланса между утверждением республиканских начал снизу и имперских начал сверху.

Наполеоновский трансфер стал еще одним примером удачного республиканско-имперского синтеза. Лично Наполеон всячески культивировал цезаристский стиль воспроизводства имперско-республиканского комплекса, причем сразу с ориентацией на Цезаря и Октавиана Августа. Император осуществил переоткрытие римского права в виде гражданского кодекса. То же касается октавиановской по стилистике административной реформы. Один из ведущих наполеоноведов нынешней Франции очень удачно назвал Наполеона последним римлянином [Boudon, 2021].

Нельзя упускать из виду также использование Бонапартом каролингских образцов и акцент на преемство – пусть и очень отдаленное – между каролингской империей франков и наполеоновской империей французов.

Прочие вызовы и ответы. Краткое по необходимости перечисление отдельных примеров рецепции имперско-республиканского комплекса Рима подводит к признанию необходимости широких сравнительных исследований. В числе научных проблем – иноцивилизационное усвоение классического наследия. Для нас, да и не только для нас, очень значим советский и постсоветский опыт. Велика научная актуальность изучения нового европейского трансфера Европейским союзом. Возникает вопрос о том, насколько возможно и перспективно переоткрытие Христианской республики нынешним Европейским союзом. Возможности просто уникальные, но состояние европейских исследований и нынешняя стилистика политики Брюсселя заставляют усомниться в способности и политиков, и наших коллег справиться с задачей адекватного использования имперско-

республиканского комплекса – и в его классических формах, и при учете каролингской рецепции. Исследовательских вопросов множество. Остается надеяться, что настоящая статья привлечет к ним внимание.

M.V. Ilyin*

**Translatio imperii. Reproduction
of the classical imperial institutional heritage**

Abstract. The article discusses various options for the institutional construction of imperial structures, one way or another identified with the classical empire of Rome. The review covers the Roman tradition proper and the formation of successive versions of the imperial-republican complex. There are two ways of using institutional: direct and direct inheritance with predominantly vertical transfer of properties and indirect perception with predominantly horizontal transfer. The continuation of its modified existence of the Roman tradition in the form of the theocratic symphony of the Kingdom of the Romans (Βασιλεία ὁμαίων) in the eastern Mediterranean and Chrysalis (theocracy with a feudalized horizontal and hierarchical vertical) of the Christian Republic (Respublica Christiana) in Western Europe is considered. There are three attempts to restore the completeness of the imperial structure even within the framework of the Western European chrysalis: the successful Charlemagne, not quite successful in the form of the Holy Roman Empire, and the completely unsuccessful efforts of the Plantagenets to establish an empire in the west of the Christian Republic during the Hundred Years' War. Further variants of the already mediated reproduction of the classical Roman orders in the United Kingdom, and then in the United States, as well as in the First French Empire, are being analyzed. Other imperial projects focused on the Roman heritage are also touched upon. The experience of European integration and the EU's use of republican and imperial aspects of the Roman complex, the use of institutional models of the Christian Republic and the Carolingian Empire are discussed. Special attention is paid to the imperial component of the national political tradition. It is shown that in all the cases under consideration, the imperial component is combined with other orders from patrimonial and monarchical to modern (corporate, consociative, federal, etc.). The use of the Roman heritage is carried out in the form of direct reproduction, indirect restoration, partial copying, imitation and even simulation.

Keywords: empire; imperium; transformation; political form; imperial-republican complex of Rome; Greater Mediterranean; theocracy; chrysalis.

For citation: Ilyin M.V. Translatio imperii. Reproduction of the classical imperial institutional heritage. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 100–137. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.04>

* **Ilyin Mikhail**, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics; MGIMO University (Moscow, Russia), e-mail: mikhaililyin48@gmail.com

References

- Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. *Crisis, choice, and change. Historical studies of political development*. Boston: Little, Brown, and Company, 1973, 717 p.
- Arrighi G. *The long twentieth century: money, power, and the origins of our times*. London: Verso, 1994, 400 p.
- Benveniste E. *Dictionary of Indo-European social terms*. Moscow: Progress-University, 1995, 456 p. (In Russ.)
- Boudon J.-O. *Napoléon le dernier Romain*. Paris: Les Belles Lettres, 2021, 168 p.
- Deacon T. Human variability and the origin and evolution of language. *METHOD*. 2019, N 9, P. 363–366 (In Russ.)
- Deacon T.W. *Incomplete nature: How mind emerged from matter*. New York: WW Norton & Company, 2011, 624 p.
- Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund. – Issue. 11. – Moscow: Nauka, 1984. – 220 p. (In Russ.)
- Ilyin I.V. *Essays on chronopolitical theory. Problems and possibilities of typological analysis of evolutionary forms of political systems. Part one. The foundations of chronopolitics*. Moscow: MGIMO, 1995, 113 p. (In Russ.)
- Ilyin M., Barsukova A. Stein Rokkan's conceptual map of Europe. Development in space and time. *Mezhdunzrodyie process (International processes)*. 2019, N 4, P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1> (In Russ.)
- Ilyin M.V. *Words and meanings. An essay in interpreting key political concepts*. Moscow: ROSSPEN, 1997, 432 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. Alternative political forms in historical times and civilizational spaces (I). *Politeia*. 2014, N 4, P. 58–70. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-75-4-58-70> (In Russ.)
- Ilyin, M.V. Alternative political forms in historical times and civilizational spaces (II). *Politeia*. 2015, N 1, P. 82–102. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-82-102> (In Russ.)
- Ilyin, M.V. Family affinities of Leviathans. States in international systems. *Politeskaia nauka (Political science)*. 2016, N 4, P. 22–42.
- Kaspe S. Empty space: Democracy as a political form. *Politeia*. 2016, N 2, P. 6–32. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-81-2> (In Russ.)
- Kaspe S. More about the concept of political form: form and subject (Answer to Mikhail Ilyin). *Politeia*. 2015, N 2, P. 54–65. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-54-65> (In Russ.)
- Kaspe S. On notion of political form. *Politeia*. 2012, N 4, P. 5–28. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-5-28> (In Russ.)
- Kornev T.A. Transfers in biology, linguistics and social sciences: divergence and convergence. // *METHOD*. – 2021. – Issue. 11. – P. 213–229. <http://www.doi.org/10.31249/metodannual/2021.11.10> (In Russ.)
- Kuzenkov P.V. The evolution of Empire: from the ancient world to modern times. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 80–99. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.03>

- Lehmbruch G. Quasi-consociationalism in German Politics. Negotiated Democracy and the Legacy of the Westphalian Peace // *Acta Politica*. – 2002. – Vol. 37. – №. 1/2. – P. 175–194.
- Mattingly G. *Renaissance diplomacy*. Baltimore (Maryland): Houghton Mifflin, 1955, 284 p.
- Okunev I. Yu. The Stanford model of development crisis. *Polis. Political studies*. 2009, N 3, P. 136–144. (In Russ.)
- Ostapenko G.I. The main scientific achievements of Terence Deacon. *METHOD*. 2019, N 9, P. 353–362. (In Russ.)
- Pocock J.G.A. *The Machiavellian moment: Florentine political thought and the Atlantic republican tradition*. Princeton: Princeton university press, 1975, 606 p.
- Polybius. The Histories in forty books. Vol. 2. – SPb.: Nauka (Science). 1995. – 424 p.
- Skinner Q. *The foundations of modern political thought: Volume I: The Renaissance, Volume II: The Age of Reformation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- Skinner Q. The State. In: Ball T., Farr J., Hanson R.L. (eds). *Political innovation and conceptual change*. Cambridge: Cambridge university press, 1989, P. 90–131.
- Spruyt H. *The sovereign state and its competitors: an analysis of systems change*. Princeton: Princeton university press, 1996, 288 p.

Литература на русском языке

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс – Универс, 1995. – 456 с.
- Дикон Т. Человеческая изменчивость и происхождение и эволюция языка // МЕТОД. – 2019. – Вып. 9. – С. 363–366.
- Ильин И.В. Очерки хронополитической теории. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. Часть первая. Основания хронополитики. – М.: МГИМО, 1995. – 113 с.
- Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997. – 432 с.
- Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // Полития. – 2014. – № 4. – P. 58–70. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2014-75-4-58-70>
- Ильин М.В. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // Полития. – 2015. – № 1. – P. 82–102. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-76-1-7-82-102>
- Ильин М.В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука. – 2016. – № 4. – P. 22–42.
- Ильин М., Барсукова А. Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // Международные процессы. – 2019. – № 4. – С. 6–21. – DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1>
- Каспэ С.И. О понятии политической формы // Полития. – 2012. – № 4. – P. 5–28. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2012-67-4-5-28>

- Каспэ С.И.* Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину) // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 54–65. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-54-65>
- Каспэ С.И.* Пустое место: демократия как политическая форма // *Полития*. – 2016. – № 2. – С. 6–32. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-81-2>
- Корнев Т.А.* Трансферы в биологии, лингвистике и социальных науках: дивергенция и конвергенция // *МЕТОД*. – 2021. – Вып. 11. – С. 213–229.
- Кузенков П.В.* Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени // *Политическая наука*. – 2022. – № 1. – С. 80–99. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.03>
- Окунев И.Ю.* Стэнфордская модель кризиса развития // *Полис. Политические исследования*. – 2009. – № 3. – С. 136–144.
- Остапенко Г.И.* Главные научные достижения Теренса Дикона // *МЕТОД*. – 2019. – Вып. 9. – С. 353–362.
- Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах. Т. 2. – СПб.: Наука, 1995. – 424 с.
- Этимологический словарь славянских языков.* Праславянский лексический фонд. – Вып. 11. – М.: Наука, 1984. – 220 с.

А.А. ХЛЕВОВ*

ВАРВАРСКИЙ ПОЛИТОГЕНЕЗ ПОСТРИМСКОЙ ЕВРОПЫ: МОДЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. Политическое настоящее Европейского континента в географическом его понимании в решающей степени определяется исторической ретроспективой и традициями, которые в основном берут свое начало от рубежа Античности и Средневековья. Складывание комплекса европейских этнорегиональных идентичностей в основной своей массе произошло во второй половине I тыс. н.э., а окончательно он оформился в Новое время. Именно поэтому стартовый этап «рождения Европы» теснейшим образом связан с проблемами постримского влияния, или прямой римской традиции, а также региональными особенностями самих варварских социальных организмов, которые порой были исключительно вариативны. Базовое разделение на западнороманскую и восточнороманскую модели раннего политогенеза (по Г.С. Лебедеву), без сомнения, нуждается в множественных уточнениях. В статье, с опорой на эвристический потенциал концепции С. Роккана и С. Липсета, прежде всего концептуальную карту Европы, экстраполируемую на более ранние эпохи, предпринята попытка детализации геополитической карты Темных веков и раннего Средневековья в целом, корреляции шести географических кластеров с процессами политогенеза в постримской Европе. В фокусе внимания оказывается роль имперского наследия в формировании ранних варварских королевств. Методологической основой анализа раннего политогенеза выступает концепция доминирования военного фактора в создании и трансформации социальных и политико-административных структур варварских

* **Хлевов Александр Алексеевич**, доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры «История» Института общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет; профессор кафедры истории и международных отношений, филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе (Севастополь, Россия), e-mail: hlevov@mail.ru

королевств и раннесредневековых государств (Ч. Тилли, Ф. Стентон, Ч.У. Холлистер, Ш. Пти-Дютайи и др.). Также отмечается, что «франкская модель», дополненная менее жизнеспособными ост-, вестготской и бургундской, отчетливо противостоит северо- и восточноевропейским моделям финала раннего Средневековья. Ключевое значение в статье придается определению границ регионов и качественных различий римского наследия внутри них, а также особенностям вавварских систем социально-политической самоорганизации. Основной задачей является уточнение и детализация картины «двух Европ», определенных линией римской границы и оказывающих решающее влияние на политические события современности и обозримого будущего.

Ключевые слова: ранний политогенез; постримская Европа; Римская империя; варварские государства; концептуальная карта Европы; Большое Средиземноморье; Северная Европа.

Для цитирования: Хлевов А.А. Варварский политогенез постримской Европы: модели и результаты // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 138–156. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.05>

Размышления о современной политической ситуации, ее сущности и перспективах со всей неизбежностью приводят аналитика к истокам и праформам. «Каждая культура есть осадок истории», – заметил К.К.М. Клакхон, имея в виду максимально расширенное, антропологическое понимание термина «культура» [Клакхон, 1998, с. 49]. Нет сомнения, что истоки большинства современных противоречий имеют глубокую историческую подоплеку. Определение ее истинной глубины, адекватная оценка реального воздействия прошедших исторических катаклизмов на современность – задача непростая, связанная, в частности, с верификацией и обоснованием методологических подходов.

Одной из концептуальных «развилок» является отношение к античному наследию в современности. Формально отвергнувшая ценности Античности, Европа через тысячу лет активно взялась за их возрождение на всех уровнях. Результатом стало то, что образ «реконструируемой Античности» (вне зависимости от степени его истинности) примерно на три столетия – до конца эпохи Просвещения – стал непререкаемым эталоном для подражания и рефлексии. Как роль античного наследия, так и степень его адаптации европейской культурой под сомнение не ставились. Особенно наглядно это проявилось в области политической мысли и политической практики – от эксплуатации античных идей о государственном устройстве в трудах мыслителей XV–XVIII вв. до конкретных

экспериментов с республиканскими моделями систем управления, которые всегда имели прямые античные коннотации.

Как известно, кризис разразился с утверждением в постнаполеоновской Европе моды на ценности, условно определяемые как «романтические». Этот процесс вышел далеко за рамки романтизма поэтов и живописцев, а также авторов жанра исторического романа (В. Скотт, А. Дюма, В. Гюго, Г. Сенкевич и пр.). Суть поворота была куда глобальнее, и заключалась в концептуальном сомнении в объеме и ценности античного наследия. Аутентичное «европейское» наследие, восходящее к варварской Европе, стало восприниматься как самодостаточное, самоценное, вполне удовлетворительно объясняющее особенности пути европейских наций. Здесь работали два механизма: некоторое разочарование в универсалиях античного общества и многочисленные впечатляющие открытия, свидетельствовавшие о яркости и самобытности культуры варварской «Старой Европы» – с одной стороны, а также концептуальное переосмысление механики преемственности между великими культурами – с другой.

Наиболее последовательную критику последней дал, без сомнения, О. Шпенглер – основываясь именно на прецеденте смены античной формации Средневековьем [Шпенглер, 1998]. Европейский мир, в глазах Шпенглера, технически не мог унаследовать что-либо существенное от позднеантичного мира, поскольку создавался обществами, имевшими концептуально иную культуру. Внешние формы и атрибуты Античности, если и использовались, то не влияли на сущностную основу средневекового мира. «Отсечение корней», столь радикально произведенное немецким мыслителем, имело серьезные гносеологические основания, однако и его, и нашими современниками воспринимается обычно как слишком решительный шаг. Как и столетие назад, речь идет о том, чтобы верно оценить удельный вес наследия античной цивилизации в отдельных сегментах культуры нового средневекового мира.

Политическое настоящее Европейского континента, в географическом его понимании, в решающей степени определяется исторической ретроспективой и традициями, которые берут свое начало именно от рубежа Античности и Средневековья. С методологической точки зрения представляется любопытной экстраполяция «модели размежеваний» Роккана – Липсета [Аллардт, Вален, 2006; Ильин, 1995; Ильин, 1996; Ильин, Барсукова, 2019; Ларсен,

1995; Политическая наука..., 2004; Eisenstadt, Rokkan, 1973; State Formation..., 1999] на более ранние периоды. Да, авторы этой концепции рассматривали преимущественно период Нового и Новейшего времени, однако единожды открытый механизм размежевания может быть осмыслен и в приложении к другим эпохам. В частности, разрыв с имперским образом жизни южной части континента и еще более травматичный разрыв с родовым прошлым – для северной, без сомнения, синхронизируются в единое размежевание, куда более реальное, чем континуитет между Античностью и феодализмом.

Поздне- и постимперское пространство IV–V вв. ни в какой мере не обладало теми политическими характеристиками, которые будут свойственны ему уже через четыре-пять столетий, в финале раннего Средневековья. Складывание комплекса европейских этнорегиональных идентичностей, политических и административных границ, культурных сообществ, в основной своей массе произошло во второй половине I тысячелетия н.э., а окончательно он оформился уже в Новое время. Именно в силу этих причин стартовый этап «рождения Европы» теснейшим образом связан с проблемами постримского влияния, или прямой римской традиции, а также региональными особенностями самих варварских социальных организмов, которые порой были исключительно вариативны.

Базовое разделение на западнороманскую и восточнороманскую модели раннего политогенеза (по Г.С. Лебедеву) [Лебедев, 1985, с. 6–13; Лебедев 2005, с. 30–32], без сомнения, нуждается в множественных уточнениях. Да, безусловно, граница, делящая политическое пространство континента на Запад и Восток, оставалась актуальной во все времена – как в позднем Риме, так и после его окончательного разделения и падения Западной империи.

С одной стороны, политическое влияние Запада на варварский мир к середине V в. фактически прекратилось. Впрочем, доставшиеся варварским лидерам, «имплантированные» в их квазигосударства элементы римской политической системы продолжали, так или иначе, свою жизнь на службе новым хозяевам. Однако подлинное политическое влияние, всегда связанное с наличием четко локализованного центра властных полномочий и инициатив, сошло на нет.

С другой стороны, политическое влияние Константинополя и Восточной империи, после некоторого спада в том же V в. (спада

весьма относительного – империя продолжала манипулировать варварскими вождями в широчайших пределах), лишь усилилось. Политическая «линия Юстиниана», прерываясь на время узурпаций, экономических кризисов и вторжений новых противников – таких, как арабы – продолжала выдерживаться и проводиться в жизнь, в сущности, до конца существования империи.

Сущность этого влияния по умолчанию была разной. Византийское наследие основывалось на фундаменте древневосточных политических систем, основными чертами которых были коллективизм и высокая степень распространенности групповых идентичностей, склонность к деспотическим моделям организации вертикали власти и высокая роль религиозно-сакрального фактора в политической жизни.

Запад, безусловно испытывавший на себе аналогичные влияния в период эллинизма и последующие века, тем не менее сохранил прослеживающиеся еще с Эгейского периода и Мinoйской цивилизации типические черты – общественную парцелляризацию и индивидуализм, а также скромную, если не сказать подчиненную, роль религиозного фактора в общественной жизни. С VIII–VI вв. к ним добавляются весьма успешные эксперименты с организацией политической власти на демократической основе, следы которых не были уничтожены даже в имперский период. Империя внутри себя продолжала оставаться республикой, несмотря ни на что. Следы этого прослеживаются даже в Юстиниановой империи.

Поэтому очень актуален разговор о двух весьма различных по своей сущности Средиземноморьях как источниках весьма разной формирующей инициативы для политического пространства постримской Европы. Однако эта система имела и иные границы, которые представляются не менее любопытными и действенными.

Напрашивается выделение наиболее значимой для европейского пространства и исключительно важной границы, проходящей по Рейну и Дунаю. В действительности римский лимес, в самом общем смысле этого термина, предельно четко отграничивал освоенное римлянами пространство от варварского мира, деля Европу в широтном направлении на два принципиально разных сообщества. Это деление во всех смыслах – этническом, культурно-ценностном, пищевом, языковом, вероисповедальном и прочих – продолжает сохраняться и сейчас [Хлевов, 1997, с. 125–130; Хлевов, 2002; Хлевов, 2006; Хлевов, 2008]. При этом очевидно, что политические

модели и ценности Северной и Южной Европы порой весьма значительно различаются между собой, тяготея к одному из двух предложенных вариантов. Однако ситуация середины I тысячелетия на самом деле была существенно сложнее.

Исключительно ценным и функциональным представляется в этом смысле наследие вышеупомянутого выдающегося норвежского политолога, социолога и историсофа С. Роккана. Его концепция трехчастного деления Европы, признававшая наличие имперской части, цивилизованной римлянами, варварской Европы, а также соединяющей их полосы римского лимеса – «транслятора цивилизации в варварство и варварства в цивилизацию» [Ильин, Барсукова, 2019, с. 9], своего рода плаценты, соединявшей эти два мира, отстоявших стадияльно друг от друга едва ли не на тысячелетия, – является удачной и работоспособной моделью. Последующее возникновение на месте этой полосы пояса городов в значительной степени объясняет интеграционные и цивилизационные процессы более поздней европейской истории.

Однако, как представляется, эта схема может быть детализирована, и вот почему. Очевидно, что пояс городов формируется как значимая часть европейской действительности достаточно поздно, в основном после X–XI вв. Вплоть до этого времени бывшие римские пограничные города, без преувеличения, «тонули» в море аграрной периферии. Наивно полагать, что натуральное хозяйство рейнско-дунайской зоны способно было прокормить сколько-нибудь существенный процент переориентированного на ремесло и торговлю населения до «бобовой революции» и прочих интенсификаций рубежа тысячелетий. Хотя, безусловно, жизнь в городах бывшего лимеса была относительно оживленной, они вряд ли могли затмить старые центры в Испании и Италии. Поэтому, не отрицая роли лимеса, мы должны вписать его в более широкий контекст.

Да, выделение варварской периферии, находившейся за лимесом и не испытавшей прямого римского воздействия, бесспорно и оправданно. Однако формирование феодальной системы проходило в совершенно различных условиях и внутри освоенного античной цивилизацией пространства. Совершенно очевидно, что оно четко подразделяется на две зоны. Первая из них была освоена греками и, позднее, римлянами – достаточно давно, в основном в период VII–II вв. до н.э. В результате Великой греческой колониза-

ции (дополненной финикийско-карфагенскими колониями) сформировалась та самая «кайма», пришитая к обширному плащу варварского мира, о которой рассуждал Цицерон [Кругликова, 2007, с. 7]¹. Уместно вспомнить и куда более ранние слова Сократа, приводимые Платоном: «Мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота» [Федон, 2007]. Таким образом, пространства вдоль берегов в Северном Средиземноморье оказались освоены греками до Южной Галлии (Массилия), а испанский участок к III в. до н.э. благополучно колонизировали карфагеняне. Очевидно, что в этой зоне политическое влияние античной цивилизации не достигало сколько-нибудь удаленных от моря пространств.

Свой – и, по сути, куда больший – вклад внесла римская колонизация. Римляне успешно включили в орбиту своего политического влияния Северную Италию (что характерно, на тот момент она воспринималась именно как Галлия – *Gallia Cisalpina*, а не как Италия). Узкую полосу приморских территорий Нарбоннской Галлии – по сути своей транспортный коридор с цепью корабельных стоянок – они освоили преимущественно в ходе Второй Пунической войны. А результатом этого конфликта к 201 г. до н.э. стало окончательное утверждение римского присутствия в Испании. При этом любопытно, что первоначальной и более глубокой романизации подверглись восточная и южная части Пиренейского полуострова. В глубинной же части Испании и на ее северо-западе – в западной части Тарраконской Испании и на севере Лузитании – романизация ощутимо запаздывала. Весьма далеки от романизации оказались и горные баски, выглядевшие пятном в море римских провинций Запада. Впрочем, такое же запаздывание ощущалось и на островах Западного Средиземноморья – Балеарах, Корсике, Сардинии, – где у большинства местного населения продолжали сохраняться по преимуществу варварские порядки.

Хотя это и не относится к Европе в географическом смысле, но относится к Большому Средиземноморью и «античному политикуму»: побережья Северной Африки, издавна колонизированные финикийцами и карфагенянами, именно в этот период (по итогам

¹ См. также: Цицерон М.Т. О государстве // Электронная библиотека «Гражданское общество в России». – С. 63. – Режим доступа: https://www.civisbook.ru/files/File/Zizeron_O_gosudarstve.pdf (дата посещения: 07.10.2021).

Второй и Третьей Пунических войн), к середине II в. до н.э., стали зоной римского политического влияния и начали подвергаться романизации во всех аспектах этого явления. И, если говорить о побережье Африки, стоит отметить появление в восточной части Большого Средиземноморья двух очагов греческого влияния – Навкратиса и Кирены, с VII в. до н.э. остававшихся единственными форпостами греческих политий в восточном мире. Если допустить говорить об «эллинизме до эллинизма», то именно эти города олицетворяют данный процесс в наиболее отчетливой форме. Но если эллинские города Восточного Средиземноморья возникали в первой фазе, фазе «старой Античности», то римская колонизация Западной Африки лежит уже на стыке выделяемых нами эпох, хотя и принадлежит скорее к первой: к рубежу эр провинция Африка была уже весьма глубоко романизированной зоной.

Обратим внимание, что территории в глубине Европейского континента еще на полтора столетия остались вне сферы прочного римского и, шире, античного влияния – вплоть до завоеваний Цезаря в 58–50 гг. до н.э. Именно тогда границы античного мира впервые достигли берегов Рейна, а столетием позже были раздвинуты за море, на Британские острова (при Гнее Юлии Агриколе в 50–70-х годах).

Заметим, что и Дунай был достигнут римлянами далеко не сразу. Так, провинция Мёзия завоевывалась и покорялась между 75 г. до н.э. и 46 г. н.э. Реция была присоединена между 15 г. до н.э. и 40-ми годами н.э.; одновременно началось и чуть раньше закончилось присоединение Норика; около 10 г. н.э. была образована провинция Паннония. Таким образом, достаточно обширные пространства, не входившие непосредственно в приморскую зону, были освоены античной цивилизацией весьма поздно – в сущности, только в I в. н.э. Даже при беглом взгляде на карту очевидно, что территориально они почти равны пространству «старой Античности».

Таким образом, политогенез на пространствах Европы протекал с этой точки зрения в трех широтных зонах, несколько смещенных диагонально на карте, поскольку свое влияние оказывали климатические и температурные, в первую очередь, условия, напрямую влиявшие на урожайность и жизнеобеспечивающие качества территорий. Проникновение античной цивилизации на

север в западной части континента было в силу этого куда более глубоким.

Из этого вытекает вполне очевидный вывод. Пространство постримской Европы, как в общеисторическом, так и в политическом смысле отчетливо делится на шесть зон. В меридиональном смысле их деление обеспечено разграничением Восток – Запад. В широтном же определяется тремя зонами условной «романизации», если точнее – совокупной античной преемственности. Таким образом, мы имеем перед собой исторически сформировавшиеся шесть кластеров постантичного и / или раннесредневекового политогенеза. Они образуются наложением этих зон друг на друга. Навивно было бы полагать, что эти шесть регионов имеют четкие очертания, привязанные к каким-либо политическим или административным границам – нам очевидна условность и историческая изменчивость любых границ. Кроме того, на очертания означенных кластеров оказывали комплексное влияние многочисленные факторы: экономика, интеллектуальное и психологическое наследие местных аборигенных народов, административные нюансы в рамках отдельных провинций, внутренняя политика империи, в том числе многочисленные политические неурядицы и кризисы I–IV вв. Самое важное то, что с момента обрушения лимеса и начала массового вторжения варваров в 405 г. (375 г. в этом смысле имел куда меньшее и локальное значение) перемещения племен в пределах этих кластеров раз за разом меняли ситуацию, корректируя взаимодействия варварской административной традиции с римским политическим наследием в рамках раннего политогенеза. Поэтому имеет место определенная корреляция динамики пределов этих шести кластеров политогенеза в процессе их формирования и созревания внутри империи и за ее границами с тем, что творилось в Европе после начала активной фазы Великого переселения народов.

Условная нумерация этих кластеров может облегчить дальнейшие рассуждения и выглядит следующим образом.

1. Старый античный Запад – Италия, Далмация, Цизальпина, Нарбонн, Испания и западное побережье Северной Африки.

2. Западная зона вторичной романизации – Галлия, земли до дельты Рейна включительно, римская Британия, Реция, Норик, Паннония.

3. Варварский Запад – Ирландия (Иберния), Шотландия (Каледония), Германия (в римском смысле этого слова). То есть ус-

ловные остатки нероманизованного кельтского мира и весь германский мир.

4. Старый античный Восток – Греция (Ахайя, Эпир, Македония в римском административно-политическом понимании), Малая Азия, Ближний Восток, острова Восточного Средиземноморья, Египет и Киренаика.

5. Зона северобалканской и черноморской эллинизации и романизации – Мёзия, Фракия, Дакия, западный, северный и восточный берега Черного моря и Меотида.

6. Варварский Восток – пространства Восточной Европы за Дунаем и далее на восток, мир зарождающихся славянских, иранских, балтских, финно-угорских и проникающих сюда тюркских племен.

Выделенные нами кластеры не являются игрой ума. Как выясняется, они раскрывают многие происходившие в раннем Средневековье события и процессы. Рассмотрим под этим углом историю варварских королевств.

Возвращаясь к методологии, отметим, что нам кажется исключительно плодотворным подход, обнаруживающий основную причину возникновения варварских королевств в комплексе военно-политических и военно-технических вызовов. Необходимость экипировки и содержания весьма затратных контингентов тяжелой кавалерии (которую обусловило наличие конной угрозы с Востока и общие сдвиги в военном деле) наложилась на крайне примитивную материальную и производственную базу и дефицит основных ресурсов (в особенности железа). Ответом стало формирование пирамидальных социальных структур, в которых земельный фонд с прикрепленным к нему низкостатусным населением являлся основой поддержания боеспособности статусных всадников. Эта идея звучала как у Ф. Энгельса и его последователей-марксистов [Разин, 1999, с. 11], так и в трудах историков критического направления в англо-американской и французской историографии (Ф. Стентон, Ч.У. Холлистер, Ш. Пти-Дютайи) [Пти-Дютайи, 1938; Гутнова, 1985, с. 449]. В области политологии данный концепт блестяще разработал Ч. Тилли, утверждавший, что «война создает государства». Его рассуждения о государстве как системе узаконенного насилия, о роли вооруженного покровительства и альтернативной угрожающей силы, о «законном» и «незаконном» принуждении развивают отдельные идеи Ф. Броделя и Л. Стоуна и приво-

дят их в лаконичную и стройную систему [Tilly, 1985; Тилли, 2009]. Разумеется, данная схема не абсолютно универсальна: вряд ли она способна объяснить возникновение первых речных цивилизаций. Однако применительно к постримской Европе она работает блестяще.

К числу наиболее ранних варварских королевств относятся государства ост- и вестготов. Оба племени, с первой половины II в. находившиеся в орбите сильнейшего античного влияния в Северном Причерноморье и Крыму (пятый кластер в нашей классификации), уже к началу своих завоеваний получили серьезный опыт взаимодействия с политической системой империи и вассальных ей Херсонеса и Боспора. Не случайно к моменту гуннского вторжения мы имеем дело с некой «державой Германариха». Было бы наивно видеть в этом племенном союзе нечто подлинно государственное, однако нет ни малейших сомнений в том, что в области политогенеза готы продвинулись вперед, возможно, куда больше остальных племен германцев. Еще большее воздействие оказали на них последующие три десятилетия обитания на Балканах в качестве римских федератов – по своей сути мягкая (поневоле) адаптация римлянами очередного варварского племени, сопровождавшаяся неизменной романизацией и христианизацией. Неудивительно, что к 418–419 гг., дате формальной уступки императором Гонорием земель Аквитании вестготам, последние были в достаточной степени пропитаны римской политической традицией, чтобы по крайней мере грамотно использовать навыки римской административной прослойки в управлении государственным механизмом. Однако вынужденное переселение вестготов, выдвинутых франками, в Испанию, сыграло им несомненно на руку. Вестготское королевство утвердилось в том самом первом кластере давнего и глубокого цивилизационного наследия и ранней романизации. Им достались густонаселенные области с населением, привычным к государственной традиции куда больше, чем покорившие их вестготы, окончившие лишь «первые классы» политической традиции. В результате вестготское королевство, с одной стороны, стало весьма успешным образцом варварского государства, просуществовав формально ровно 300 лет. С другой стороны, первая же серьезная попытка Юстиниана в VI в. вернуть земли Испании под имперский скипетр встретила достаточно позитивный отзыв со стороны местных жителей, более привычных к политическому существованию в

империи, чем к объективно неуклюжим управленческим решениям готских королей. Результатом этого и стало кратковременное возвращение восточной и юго-восточной прибрежной части Пиренейского полуострова под власть Византии. Как известно, основным фактором, погубившим вестготов в ходе арабского вторжения, было самоубийственное с точки зрения внутренней политики, исключительно долгое поддержание этнокультурной сегрегации между местным населением и готской верхушкой. В то же время вышеупомянутый северо-западный участок полуострова, наиболее слабо романизированный, оказался занят свевами – племенем, куда более далеким от римского опыта. Закономерным следствием сочетания минимально романизированного населения с минимально же романизированными завоевателями стало незначительное участие Свевского королевства в европейской политике и его относительно быстрое поглощение вестготами.

Королевство остготов само по себе возникло как плод одновременно внешне- и внутривосточной интриги императора Зенона и Восточной империи против узурпатора Одоакра и контролируемой им Италии. Поэтому остготы в еще большей степени соприкоснулись с политической системой Рима и, в дополнение, оказались в самом ядре первого кластера, унаследовав Апеннинский полуостров и балканские провинции Западной империи. Неудивительно поэтому, что влияние римских институтов на политику остготского двора было наивысшим по сравнению с другими варварскими королевствами. По сути, мы имеем дело с попыткой готского ренессанса, пусть внешним, но целенаправленным копированием римской традиции правящей верхушкой. А падение королевства Теодориха-Тейи, несмотря на отчаянное сопротивление остготов, имеет внутри себя тот же механизм соглашательства и симпатии бывших римских граждан к «подлинному» имперскому наследию, олицетворявшемуся Юстинианом.

Нечто среднее представляла собой политическая история вандало-аланского королевства. Ни вандалы, ни аланы не располагали возможностью длительного контакта с римским миром, однако унаследовали земли в Северной Африке, уверенно относимые к первому кластеру. В результате столь кардинального расхождения политических навыков и менталитета пришлых и аборигенных этнокультурных групп внешне достаточно сильное и агрессивное варварское государство рухнуло в ходе единственной византийской

военной кампании, а население с большей или меньшей радостью воссоединилось с привычным ему политическим пространством.

В противовес приведенным примерам, королевство бургундов, организованное на землях преимущественно второго кластера, получило в наследство поверхностно романизованное население. Сами бургунды в силу удаленного расселения (Скандинавия – Борнхольм – Померания и Мекленбург, граница третьего и шестого кластеров) были весьма далеки от римской политической традиции. Следствием этого стала непрочность и слабая жизнеспособность этого королевства, разгромленного сначала гуннами, а затем – уже окончательно – франками.

«Франкская модель» наиболее интересна. Франки, как и готы, с начала III в. были вовлечены в орбиту римской политики и взаимодействовали с римскими институтами. Однако они расселились преимущественно на землях второго кластера, романизованных относительно поздно, хотя и глубоко. Войны с готами и бургундами расширили эту территорию, добавив земель как второго, так и первого кластеров. Однако фактор географического расположения и исключительной прозорливости франкских правителей (в первую очередь Хлодвиг) обеспечил этому королевству особую судьбу – как известно, франкам единственным удалось сохранить свою государственность в водовороте переселений и раннесредневекового немирья. Основными факторами выживаемости стали два политических решения – ранняя отмена сегрегации (курс на ассимиляцию франков и галло-римлян) и ясная ориентация на ортодоксальный католицизм.

В V–VI вв. на землях второго кластера сложилась Гептархия – конгломерат малых королевств англов, саксов и ютов. Как и у бургундов, поверхностная романизация местного субстрата дополнялась особенностями политической культуры германских переселенцев. Выживаемость этих государств до конца VIII в. определялась абсолютной примитивностью их противников – скоттов, ирландцев и валлийцев. У этих племен – классических представителей третьего кластера – процессы политогенеза, не отягощенные римской традицией, так никогда и не были завершены. Последующая экспансия скандинавов была конфликтом либо внутри третьего кластера (с кельтами), либо с мало что могущими противопоставить в плане политического ноу-хау англосаксонскими королевствами.

вами, успешно растерявшими остатки римского наследия в общественной жизни.

Королевство лангобардов, возникшее поздно и на границе первого и второго кластеров, унаследовало фактически разрушенную римскую систему управления, прошедшую через жернова вторжений варваров, византийской реставрации и общего хозяйственного упадка. К VII в. политическая инициатива римского типа была представлена здесь лишь фоновым влиянием Византии, сохранявшей владения в Италии, т.е. носила внешний характер. Сами лангобарды, по понятным причинам, в области политогенеза отставали и их относительный успех определялся в основном исключительной мощностью римского наследия даже в деградировавшем состоянии. Впрочем, падение этого государства было предельно закономерным.

Весьма показательны судьбы алеманнов, тюрингов и баваров, сделавших робкий шаг по пути государствообразования внутри третьего кластера или на границе такового с шестым. Не имея ни собственной, ни римской политической традиции в активе, они не продвинулись дальше племенных псевдокоролевств и вскоре были подмяты франками. Саксы, разделившие их судьбу, не успели сделать даже первых шагов на пути политогенеза.

Увы, менее показателен в смысле преемственности политогенез у славян, хотя источники в данном случае весьма скудны. Так, государство Само (620–650-е годы), возникшее на границе фактически всех шести кластеров, формировалось спустя два века после угасания Запада и в период явного ослабления влияния Византии. Его непрочность оказалась следствием, по сути, попытки создания государства из нежизнеспособных элементов.

Столь же эфемерным и гибридным, хотя и более жизнеспособным организмом оказалась Карантания, также находившаяся на границе нескольких кластеров и также возникшая в период упадка даже отголосков римской государственной традиции.

Болгарское царство, продукт гибридизации славянских и тюркских племенных групп в пятом кластере, оказалось жизнеспособным в силу его длительного следования в русле византийской политики – во всяком случае, в раннее Средневековье.

Сребские ранние политии долго существовали в рамках четвертого и пятого кластеров, однако, по сути дела, внутри Византии,

только к IX в. обретая подлинную политическую инициативу и суверенность.

Обратим внимание, что у сербов, как и у чехов, поляков, восточных славян, а также у скандинавских племен Северной Европы, активизация политогенеза произошла достаточно синхронно в середине – конце IX в. Это, безусловно, не случайно. К тому времени следы римского политического влияния исчезли фактически во всех кластерах, кроме Византии. Однако наступило новое время – время синхронной активизации империи франков под руководством Карла Великого и Византии, постепенно оправлявшейся от кризиса иконоборчества и выходявшей на новый (как оказалось – последний) виток своего расцвета. В сущности, это время можно рассматривать уже как отдельный период. Период новоимперский, имеющий с прежним Римом связь достаточно декоративную и скорее умозрительную. Влияние Римской империи, аккумулировавшей политическую традицию Античности и доведшей ее до совершенства, сошло на нет. Новые акторы международной политики исходили из своих возможностей и амбиций, используя классическую традицию скорее как оправдание и способ легитимизации собственных властных интересов.

В силу этого рассматривать политогенез в четвертом и шестом кластерах после IX в. как развитие римского наследия в общем и целом некорректно. Мы можем говорить лишь об опосредованном римском влиянии на эти процессы. Важно и то, что этот регион требует отдельного и пристального анализа, а это проблематично в заданном объеме статьи. Например, в части воздействия на процессы политогенеза на Европейском Севере и в Восточной Европе такого важного политического инструмента, как церковная организация, имеет место безусловное перекрестное влияние западной и восточной традиций. В этом смысле уместно говорить об изменении границ выделенных нами кластеров и их смещении в конце раннего Средневековья.

Подведем итоги. На постримском пространстве отчетливо выделяются шесть кластеров переживания политической имперской традиции. Их модуляторами выступают как влияние Востока и Запада Большого Средиземноморья, так и этапы постепенного широтного освоения античной цивилизацией европейских пространств. Каждый из четырех южных кластеров выступал как вполне обособленная зона формирования внутренней римской или греческой политической парадигмы, основанной на степени и глу-

бине романизации / эллинизации, длительности знакомства с республиканским / имперским комплексом социальных ценностей, традициями субстратного населения. Два северных кластера отличались лишь длительностью этногенеза (кельты, германцы и финно-угры – раньше, балты и славяне несколько позже) и вовлеченностью в западно- или восточноримские связи посредством в основном престижных импортов. В результате с началом обрушения контура империи политогенез в каждом из образовавшихся в V–VII вв. варварских государств имел четкую привязку к особенностям того кластера, на территории которого он осуществлялся.

Как представляется, данная конструкция придает логическую стройность и определенные (едва ли не математически просчитываемые) характеристики всем государствообразовательным процессам постимперской Европы периода Темных веков и в целом раннего Средневековья.

A.A. Khlevov*

Barbarian politogenesis of postroman Europe: models and results

Abstract. The political present of the Europe in its geographical understanding is to a decisive extent determined by the historical retrospective and traditions, which mainly originate from the border of antiquity and the Middle Ages. The formation of the complex of European ethnic and regional identities, for the most part, took place in the second half of the 1 st millennium AD. e., and finally it took shape in modern times. That is why the initial stage of the “birth of Europe” is closely related to the problems of post-Roman influence or direct Roman tradition, as well as the regional characteristics of the barbarian social organisms themselves, which at times were extremely variable. The basic division into Western Romanesque and Eastern Romanesque models of early political genesis (according to G.S. Lebedev) undoubtedly needs multiple clarifications. Based on the explanatory and heuristic potential of the concept of S. Rokkan and S. Lipset, primarily the conceptual map of Europe, extrapolated to earlier eras, the article attempts to detail the geopolitical map of the Dark Ages and the early Middle Ages in general, the correlation of the six geographical clusters identified with the processes politogenesis in post-Roman Europe. The focus is on the role of the imperial legacy (unique in each cluster) in the formation of the early barbarian kingdoms and their destinies. The methodological basis for the analysis of early political genesis is the concept of the dominance of the military factor in the creation and transformation of social and political-administrative structures of barbarian kingdoms and early medieval states

* **Khlevov Aleksander**, Sevastopol State University; Lomonosov Moscow State University in Sevastopol (Sevastopol, Russia), e-mail: khlevov@mail.ru

(C. Tilly, F. Stanton, C.W. Hollister, C. Petit-Dyutailly, etc.). It is also noted that the “Frankish model”, supplemented by the less viable Eastgothic, Visigothic and Burgundian, clearly opposes the North and East European models of the early Middle Ages finale. The key importance in the article is given to the definition of the boundaries of the regions and the qualitative differences of the Roman heritage within them, as well as to the peculiarities of the barbarian systems of socio-political self-organization. The main task is to clarify and detail the picture of “two Europes”, defined by the line of the Roman border and having a decisive influence on the political events of our time and the foreseeable future.

Keywords: early political genesis; post-Roman Europe; Roman Empire; barbarian states; Conceptual Map of Europe; the Greater Mediterranean; Northern Europe.

For citation: Khlevov A.A. Barbarian politogenesis of postroman Europe: models and results. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 138–156. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.05>

References

- Allardt E., Valen G. Stein Rokkan: An essay on intellectual biography. In: *Political science: the scientific heritage of Stein Rokkan*. Moscow: INION RAN, 2006, P. 16–45. (In Russ.)
- Eisenstadt S.N., Rokkan S. *Building states and nations*. Beverly Hills: Sage publications, 1973, Vol. 2. P. 20–48
- Gutnova E.V. *Historiography of the history of the Middle Ages*. Moscow: Higher. School, 198, 495 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. *Essays on chronopolitical typology. Problems and possibilities of typological analysis of evolutionary forms of political systems*. Moscow: MGIMO, 1995, 140 p. (In Russ.)
- Ilyin M.V. Chronopolitical dimension: beyond everyday life and history. *Polis. Political studies*. 1996, N 1, P. 55–77. (In Russ.)
- Ilyin M.V., Barsukova A.V. Stein Rokkan's conceptual map of Europe. *International trends*. 2019, Vol. 17, N 4, P. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1> (In Russ.)
- Khlevov A.A. Baltic civilization and European unity of the early Middle Ages. In: Lebedev G.S. (ed.). *Divinets Staroladozhsky. Interdisciplinary research*. Saint Petersburg: Publishing house of SPbSU, 1997, P. 125–130. (In Russ.)
- Khlevov A.A. *Historical and cultural phenomenon of Northern Europe I-VIII centuries*: diss. to apply for an Doctor of Philosophy: 24.00.01. St. Petersburg State University, Saint Petersburg, 2002, 468 p. (In Russ.)
- Khlevov A.A. *A short course in the history of the Middle Ages*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg State University, Publishing house of the Russian Christian Academy for the Humanities, 2006, 259 p. (In Russ.)
- Khlevov A.A. *A brief history of the Middle Ages. Era, states, battles, people*. Saint Petersburg: Amphora, 2008, 365 p. (In Russ.)
- Kluckhohn C.K.M. *Mirror for man: The relation of anthropology to modern life*. Saint Petersburg: Eurasia, 1998, 352 p. (In Russ.)

- Kruglikova I.T. *Anapa 2500 years old*. Anapa: Il'Tan, 2007, 94 p. (In Russ.)
- Larsen S.U. The modelling of Europe in S.Rokkan's logic. *Polic. Political studies*. 1995, N 1, P. 39. (In Russ.)
- Lebedev G.S. *The Viking age in Northern Europe*. Leningrad: Publishing house of Leningrad university, 1985, 286 p. (In Russ.)
- Lebedev G.S. *The Viking age in Northern Europe and Russia*. Saint Petersburg: Eurasia, 2005, 640 p. (In Russ.)
- Political Science. Socio-political delimitation and consolidation of party systems*. Moscow: ISSS RAS 2004, N 4, 243 p. (In Russ.)
- Petit-Dutaillay C. *Feudal monarchy in France and England X-XIII centuries*. Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1938, 410 p. (In Russ.)
- Phaedo. In: Plato. *Collected works in four volumes*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University: "Publishing house of Oleg Abyshko", 2007, Vol. 2, P. 11–96. (In Russ.)
- Razin E.A. *History of military art, in 3 volumes: Volume 2. History of military art of the 6th-16th centuries*. Saint Petersburg: LLC "Polygon Publishing House", 1999, 655 p. (In Russ.)
- Rokkan S. Center-peripheral polarity. In: *Political science: scientific heritage of Stein Rokkan*. Moscow: INION RAN, 2006 a, P. 80–109. (In Russ.)
- Rokkan S. Cities, states and nations: a spatial model for studying differences in development. In: *Political science: the scientific heritage of Stein Rokkan*. tr. Moscow: INION RAN, 2006 b, P. 49–79. (In Russ.)
- Rokkan S. Methods and models in a comparative study of the formation of nations. In: *Political science: scientific heritage of Stein Rokkan*. Moscow: INION RAN, 2006 c, P. 110–143. (In Russ.)
- Spengler O. *The decline of the West (In two vol.)*. Moscow: Thought, 1998. (In Russ.)
- State formation, nation-building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan*. Oxford: Oxford university press, 1999, 422 p.
- Tilly Ch. *Coercion, capital and European states*. A.D. 990–1992. Moscow: Publishing House "Territory of the Future", 2009, 328 p. (In Russ.)
- Tilly Ch. War making and state making as organized crime. In: Evans P., Rueschmeyer D., Skocpol T. (eds). *Bringing the state back in*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, P. 169–191.

Литература на русском языке

- Аллардт Э., Вален Г. Стейн Роккан: очерк интеллектуальной биографии // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: Сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006. – С. 16–45.
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. – М.: Высш. шк., 1985. – 495 с.
- Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. Проблемы и возможности типологического анализа эволюционных форм политических систем. – М.: МГИМО, 1995. – 140 с.

- Ильин М.В. Хронополитическое измерение: за пределами Повседневности и Истории // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 1. – С. 55–77.
- Ильин М.В., Барсукова А.В. Концептуальная карта Европы Стейна Роккана. Развертывание в пространстве и времени // Международные процессы. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 6–21. – DOI: <https://doi.org/10.17994/it.2019.17.4.59.1>
- Клакхон К.К.М. Зеркало для человека. Введение в антропологию. – СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.
- Кругликова И.Т. Анапа 2500 лет. – Анапа: ИльТан, 2007. – 94 с.
- Ларсен С.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. Политические исследования. – 1995. – № 1. – С. 39.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. – СПб.: Евразия, 2005. – 640 с.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 286 с.
- Политическая наука. Социально-политические размежевания и консолидация партийных систем. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – № 4. – 243 р.
- Пти-Дютайи Ш. Феодалная монархия во Франции и Англии X–XIII вв. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 410 с.
- Разин Е.А. История военного искусства: в 3 т. Т. 2. История военного искусства VI–XVI вв. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999. – 655 с.
- Роккан С. Центр-периферийная полярность // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006 а. – С. 80–109.
- Роккан С. Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006 б. – С. 49–79.
- Роккан С. Методы и модели в сравнительном исследовании формирования наций // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана: сб. науч. тр. – М.: ИНИОН РАН, 2006 с. – С. 110–143.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. – 328 с.
- Федон // Платон. Собрание сочинений в четырех томах / общая редакция А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та: «Изд-во Олега Абышко», 2007. – Т. 2. – С. 11–96.
- Хлевов А.А. Балтийская цивилизация и европейское единство раннего средневековья // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования / отв. ред. Г.С. Лебедев. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 125–130.
- Хлевов А.А. Историко-культурный феномен Северной Европы I–VIII вв.: дис. ... д. филос. н. – СПб., 2002. – 468 с.
- Хлевов А.А. Краткий курс истории средних веков. – СПб.: Изд-во СПбГУ, Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2006. – 259 с.
- Хлевов А.А. Краткая история средних веков. Эпоха, государства, сражения, люди. – СПб.: Амфора, 2008. – 365 с.
- Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. – М.: Мысль, 1998.

ИДЕИ И ПРАКТИКА

Е.М. ХАРИТОНОВА*

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕМЫ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Аннотация. Статья посвящена новым тенденциям в современной политической жизни Великобритании, обусловленным заметным повышением интереса к теме Британской империи и переосмыслением ее опыта в самых разных направлениях. Среди них – отношения Великобритании с ЕС в преддверии и после Брекзита; идеологическое наполнение и планирование британской внешней политики в новых условиях; исторические оценки и их восприятие обществом. Автор предлагает анализ этих тенденций, рассматривая научные публикации на указанную тему, речи значимых политических фигур и экспертов, стратегические документы правительства и материалы СМИ.

Отмечается, что наиболее ярко такие тенденции проявляются в полемике относительно выхода Великобритании из ЕС. Противники Брекзита обвиняют оппонентов в «имперской ностальгии», в то время как его сторонники предпринимали попытки представить Евросоюз в качестве новой формы империи. Поиск ориентиров для внешней политики страны после выхода из ЕС приводит к попыткам выстраивать более тесное сотрудничество со странами, объединенными с Британией общей историей, языком и культурой, и, в свою очередь, вызывает упреки в желании восстановить Британскую империю. Одновременно с этим очередной виток интереса к теме расизма и угнетения народов на глобальном и

* Харитоновна Елена Марковна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН (Москва, Россия), e-mail: ekharit@imemo.ru

национальном уровнях возвращает в публичное поле дискуссии о разрушительном наследии колониализма и приводит к новым явлениям в британской политической и общественной жизни. В результате тема империи оказывается еще одной линией раскола в британском обществе, а обсуждение имперского наследия приобретает в современной политической риторике новые характеристики.

Ключевые слова: Великобритания; Брекзит; империя; историческая память; идентичность; ностальгия; англосфера.

Для цитирования: Харитонов Е.М. Переосмысление темы империи в современной политической риторике в Великобритании // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 157–176. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.06>

Переосмысление опыта Британской империи, поиск новой национальной идентичности, вопросы позиционирования Великобритании в мире во второй половине XX и в первые десятилетия XXI в. – постоянные темы британских научных и общественных дискуссий. Знаменитая фраза бывшего госсекретаря США Дина Ачесона о том, что «Британия утратила империю, но до сих пор не нашла [новой] роли [в мире]», сказанная в 1962 г., до сих пор регулярно цитируется в научных публикациях (см., например: [McCourt, 2011; Donnelly, 2019; Кавешников, 2018] и в СМИ¹), не теряя своей актуальности.

Во второй половине 2010-х – начале 2020-х годов наметилось сразу несколько новых тенденций, которые нашли отражение в риторике политических и общественных деятелей, в комментариях и работах экспертного и научного сообщества, в заголовках и статьях СМИ, в опросах общественного мнения. Крупнейшим событием в новейшей истории страны стал ее выход из Европейского союза (Брекзит), который можно рассматривать и как выражение текущих процессов в британском обществе, и как отправную точку для новых дискуссий относительно роли и перспектив страны на международной арене. Наряду с Брекзитом и другие глобальные и страновые тенденции стали причиной повышенного внимания к историческому прошлому Великобритании, пересмотру оценок этого прошлого и личностей известных политических деятелей, новых инициатив в сфере политики памяти. Наконец,

¹ См., напр.: *Kempe F.* Op-ed: Boris Johnson has a pragmatic yet extraordinary plan for Britain's global role after Brexit // CNBC. – 2021. – 21.03. – Mode of access: <https://www.cnbc.com/2021/03/21/op-ed-boris-johnson-has-an-extraordinary-plan-for-britains-global-role.html> (accessed: 24.08.2021).

вывод британских войск из Афганистана летом 2020 г. также повлиял на риторику политических и общественных деятелей и СМИ и напомнил о неудачах Британии в данном регионе.

Продолжаются поиски нового места Великобритании в мире после Брекзита. Ресурсы «мягкой силы», в том числе доставшиеся в наследство от империи: международный статус английского языка; образовательные, культурные и научные связи; отношения со странами англосферы и другие – остаются значимыми факторами для британской внешней политики и экономики [см. подробнее: Харитонов, Прохоренко, 2018].

При рассмотрении британской внешней и внутренней политики последних лет сложно обойтись без анализа вопросов, связанных с идентичностью, историей, памятью, символами и нарративами о прошлом. По словам известного российского исследователя идентичности И.С. Семененко, «история и память становятся не просто инструментами политической борьбы, они формируют повестку дня и ориентиры политического развития» [Семененко, 2018, с. 73], что легко можно проследить в дебатах относительно Брекзита и других острых вопросов. Можно также говорить о «смещении акцентов с проблем распределительной (экономической) справедливости на вопросы, связанные с символической (культурной) несправедливостью» [Символическая политика..., 2017, с. 7] и о повышении роли символической политики.

Дихотомия «мы» – «другие» получает новые варианты интерпретаций. Среди них – возможность думать о европейцах как о «значимом другом» и новое (или слегка забытое старое) наполнение понятия «мы», в которое может быть включено представление о жителях англосаксонских стран. Другой ее вариант – продвигаемое представление о «них» как о преимущественно белых наследниках и выгодоприобретателях империи, мечтающих о ее восстановлении, в ущерб пострадавшим от колониальной политики народам, включая не только этнические меньшинства, но и жителей Шотландии. Все эти интерпретации, отсылающие к теме империи и, чаще всего, противоречащие друг другу, одновременно сосуществуют и оказывают влияние на риторику политических лидеров и на британских граждан, усиливая раскол между и без того поляризованными после Брекзита частями общества.

Тема империи в дискуссиях относительно Брекзита

Великобритания стала первой и пока единственной страной, которая покинула Европейский союз. Хотя особое положение этого государства в интеграционном объединении и острота европейского вопроса в британском политическом процессе отмечались исследователями на протяжении многих лет, результаты референдума тем не менее оказались неожиданными для большинства политиков и экспертов. Брекзит стал «идеальной темой» и «увлекательным кейсом» для понимания политических процессов, происходящих в стране [Oliver, 2018], и «вскрыл старые проблемы, которые казались решенными или снятыми с повестки дня историй» [Мчедлова, Казаринова, 2020].

Некоторые критики напрямую связывают принятое на референдуме решение с ностальгией британцев по имперскому прошлому. Безусловно, факторов, которые привели к Брекзиту, множество, и воспринимать его исключительно с такой точки зрения было бы крайним упрощением. Тем не менее кампания за выход из ЕС во многом опиралась на эмоциональные и иррациональные доводы, в частности, апеллирующие к истории¹. Обсуждение ключевых проблем (в том числе экономической и социальной политики, контроля над иммиграцией и суверенитета страны) подавалось под лозунгом «вернем себе контроль» (take back control), при этом цифры и факты использовались произвольно и далеко не всегда корректно. Решение о выходе было принято даже несмотря на публикацию многочисленных докладов и подсчетов, предсказывающих экономические потери от выхода из ЕС (которые сторонники Брекзита называли запугиванием), неверную оценку избирателями масштабов иммиграции в Британию и доли иммигрантов из европейских стран, превратные представления о финансовых обязательствах обеих сторон в рамках объединения и т.п. В целом же кампания в поддержку Брекзита в гораздо большей степени опиралась на эмоции, символы, образы и даже мифы, чем кампания сторонников продолжения членства в ЕС. Самоидентификация граждан в качестве «англичанина», «шотландца», «британца»,

¹ См., напр., подборку видеороликов кампании в поддержку Брекзита: Brexit: 10 most interesting ads by the «vote leave» campaign // YouTube. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=hC8qO1nyYoM> (дата посещения: 10.08.2021).

«больше англичанина, чем британца» и т.п. согласно опросам общественного мнения, была значимым фактором во время голосования (см., например: [Еремина, 2017]).

Важное значение в дебатах о выходе из ЕС занимает *тема ностальгии по империи и, в более широком смысле, по прошлому и былому величию*. В различных публикациях в СМИ и выступлениях политических деятелей Брекзит был представлен именно как проявление имперской ностальгии. Так, колумнист Washington Post писал об «имперских иллюзиях» Британии¹ и о том, что страна «цепляется за имперскую ностальгию»²; автор New York Times – о «последнем глотке империи» для Англии³, а занимающийся вопросами идентичности профессор Манчестерского университета Г. Янг в колонке для газеты Guardian отметил, что Брекзит стал результатом «имперских фантазий Британии»⁴. Исследователи темы «англоностальгии» Э. Кампанелла и М. Дассу [Campanella, Dassù, 2019 a] подчеркивают, что голосование за выход из ЕС было иррациональным и эмоциональным, вызванным желанием повернуть время вспять – «одним словом, основанным на ностальгии» [Campanella, Dassù, 2019 b]. Эти же авторы говорят об аналогичных тенденциях в глобальном масштабе, считая Брекзит некоей квинтэссенцией ностальгического национализма и сравнивая его с настроениями в США, Германии и России⁵. В докладе аналитического центра «Демос» отмечена заметная роль ностальгической риторики в кампании вокруг референдума, в частности, внимание к образам Второй мировой войны, империи и

¹ *Tharoor I.* Brexit and Britain's delusions of empire // The Washington Post. 2017. – 31.03. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/03/31/brexit-and-britains-delusions-of-empire> (accessed: 10.08.2021).

² *Tharoor I.* Britain clings to imperial nostalgia as Brexit looms. // The Washington Post. – 2019. – 04.01. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/world/2019/01/04/britain-clings-imperial-nostalgia-brexit-looms> (accessed: 10.08.2021).

³ *Judah B.* England's last gasp of empire // The New York Times. – 2016. – 13.07. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/07/13/opinion/englands-last-gasp-of-empire.html> (accessed: 10.09.2021).

⁴ *Young G.* Britain's imperial fantasies have given us Brexit // The Guardian. – 2018. – 03.02. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/03/imperial-fantasies-brexit-theresa-may> (accessed: 23.08.2021).

⁵ *Campanella E. Dassu M.* The age of nostalgia // Foreign Policy. – 2019. – 14.05. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2019/05/14/the-age-of-nostalgia/> (accessed: 23.08.2021).

«восстановлению» суверенитета Британии [Gaston, Hilhorst, 2018, p. 16]. Старший преподаватель Университета Биркбек Н. Эль-Энани считает выход из ЕС следствием романтизации имперского прошлого и того, что тема империи так и не была переосмыслена¹.

Однако с такой интерпретацией Брекзита не согласен исследователь Университета Королевы Марии Р. Саундерз. По его мнению, идея о «возвращении к империи» принадлежит отнюдь не сторонникам, а **противникам** Брекзита [Saunders, 2020]. Действительно, говоря о достижениях прошлого, «брекзитеры» были достаточно осторожны и старались избегать прямых упоминаний Британской империи. В то же время эта тема активно использовалась политиками из Шотландской национальной партии (ШНП), которая выступала за сохранение членства в ЕС и проведение нового референдума о независимости Шотландии. Так, лидер ШНП Никола Стерджен в 2017 г. говорила о тори, которые «занимаются самообманом относительно восстановления империи»², а глава фракции ШНП в Палате общин Иан Блэкфорд в 2019 г. заявил, что «одержимость» идеей покинуть Европу определяется «идеологическим стремлением вернуться в дни империи»³. В таком контексте сюжет с восстановлением империи скорее звучит как обвинение, призванное, в частности, напугать другие народы (аналогично тому, как российские власти зачастую обвиняются в попытке восстановить СССР⁴).

¹ dunin-wasowicz r. Brexit is not only an expression of nostalgia for empire, it is also the fruit of empire // LSE blogs. – 2017. – 11.05. – Mode of access: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2017/05/11/brexit-is-not-only-an-expression-of-nostalgia-for-empire-it-is-also-the-fruit-of-empire/> (accessed: 22.08.2021); *El-Enany N.* Europe's colonial embrace and the Brexit nostalgia for empire are two sides of the same coin // LSE blogs. – 2020. – 29.04. – Mode of access: <https://blogs.lse.ac.uk/brexit/2020/04/29/europes-colonial-embrace-and-brexit-as-nostalgia-for-empire-are-part-of-the-same-story> (accessed: 24.08.2021).

² Nicola Sturgeon's address to SNP Spring Conference // SNP. – 2017. – 18.03. – Mode of access: <https://www.snp.org/nicola-sturgeon-s-address-to-snp-spring-conference-2017> (accessed: 21.06.2021).

³ Ian Blackford's address to conference // SNP. – 2019. – 28.04. – Mode of access: <https://www.snp.org/ian-blackfords-address-to-conference> (accessed: 21.06.2021).

⁴ См., напр.: *Jones C.* Brexiteers and Putin have a lot in common, both pine for empire // Irish Times. – 2018. – 18.03. – Mode of access: <https://www.irishtimes.com/business/economy/brexiteers-and-putin-have-a-lot-in-common-both-pine-for-empire-1.3431659> (accessed: 21.06.2021).

Интересный оттенок тема ностальгии приобретает в совокупности с еще одним значимым нарративом кампании за выход из ЕС: представлением Евросоюза как новой *формы империи*, а стран-членов – ее колоний. В качестве примера можно привести речь о преимуществах выхода из ЕС влиятельнейшего политика Консервативной партии и одного из наиболее ярких сторонников Брекзита Майкла Гоува¹, который ссылается, в свою очередь, на выступление 2007 г. Ж.М. Баррозу, на тот момент председателя Европейской комиссии, назвавшего Евросоюз «неимперской империей»². Это же высказывание Баррозу подчеркивается и в одном из видеороликов в поддержку Брекзита, упомянутых выше³. В кампании за выход из ЕС эта тема увязывается с идеей восстановления суверенитета и лозунгом о «возвращении контроля».

Как отмечают авторы из Франкфуртского и Мюнхенского университетов, такой нарратив не уникален для Британии: популисты в других странах, в том числе во Франции, Италии, Нидерландах, склонны говорить о Брюсселе как об угнетателе [Koegler, Malreddy, Tronicke, 2020]. Тем не менее именно в Британии тема превращения бывшей крупнейшей империи в колонию особенно чувствительна для многих граждан.

Постановка вопроса о Брекзите как о воображаемом освобождении от власти империи в лице европейской бюрократии совершенно по-другому воспринимается жителями Шотландии и Северной Ирландии, отнюдь не находя отклика в их сердцах. Если в Лондоне можно ставить вопрос о борьбе за независимость от Брюсселя, то в Эдинбурге или Белфасте речь может идти скорее о независимости от Лондона. Журналист ирландской Irish Times⁴ крайне негативно отзывался о подобных высказываниях полити-

¹ Gove M. The facts of life say leave: why Britain and Europe will be better off after we vote leave // Political speech archive. – 2016. – 19.04. Mode of access: <https://www.ukpol.co.uk/wp-content/uploads/2016/05/gove.pdf> (accessed: 21.06.2021).

² Barroso hails the European “empire” // Telegraph. – 2017. – 11.07. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/1557143/Barroso-hails-the-European-empire.html> (accessed: 21.06.2021).

³ Brexit: 10 most interesting ads by the «vote leave» campaign // YouTube. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=hC8qO1nyYoM> (accessed: 10.08.2021).

⁴ Газета публикует новости и мнения и о Республике Ирландия и о Северной Ирландии, и в настоящее время не позиционирует себя ни как юнионистская, ни как националистическая.

ков, подчеркивая, что сравнения современной Британии с колонией, борющейся за свое освобождение, категорически неприемлемы¹.

Еще одна тема, характерная для британских политических дискуссий, – идея о *лидерстве или исключительности* Британии. Подразумевается, что у Британии свои особые историческая роль и миссия, что она не может быть одним из равноправных членов объединения и должна либо играть в Евросоюзе ведущую роль, либо быть на особом положении (последнее в целом соответствует реальной истории отношений этого государства с ЕС). По словам специалиста по европейской интеграции Н.Ю. Кавешникова, Великобритания хотела не просто «быть в Европе», она хотела управлять Европой [Кавешников, 2018]. Эта идея была заметна и в преддверии референдума, когда на тот момент премьер-министр Д. Кэмерон пытался договориться с ЕС об особом статусе Великобритании с тем, чтобы страна все же осталась в объединении. Э. Гленкросс из Университета Стирлинга полагает, что британский евроскептицизм неотделим от идеи исключительности [Glencross, 2014]. Р. Саундерз также подчеркивает, что данная идея отнюдь не нова, и вспоминает реакцию британских СМИ на планы вступления в Европейское экономическое сообщество: так, в 1971 г. Daily Mail писала, что «Британия поведет Европу», а британский таблоид The Sun сообщал читателям о неповторимой возможности для «нации, которая потеряла империю, обрести континент»². Однако Саундерз использует этот аргумент для того, чтобы подчеркнуть значимость имперского наследия не только для евроскептиков, но и для еврооптимистов: по его мнению, идея о том, что Британия должна «вести» Европейский союз, активно обсуждавшаяся в 2016 г., так же сильно обусловлена имперским наследием, как и идея выйти из объединения.

Таким образом, при более тщательном анализе использование темы империи в дебатах о Брексите оказывается более сложным, чем представляется на первый взгляд. Безусловно, представления об исключительной роли Британии и ее правах на лидерство

¹ McGreevy R. Nostalgia for empire is implicit in British exceptionalism // Irish Times. – 2019. – 09.07. – Mode of access: <https://www.irishtimes.com/opinion/nostalgia-for-empire-is-implicit-in-british-exceptionalism-1.3951210> (accessed: 21.08.2021).

² Цит. по: Saunders R. The myth of Brexit as imperial nostalgia // Prospect. – 2019. – 07.01. – Mode of access: <https://www.prospectmagazine.co.uk/world/the-myth-of-brexit-as-imperial-nostalgia> (accessed: 21.07.2021).

в связи с выдающимся имперским и более недавним прошлым оказывает значимое воздействие на политическую риторику и самовосприятие британцев. Однако интерпретация этой темы существенно варьируется: образ империи может использоваться для того, чтобы укорить оппонентов в оторванности от реальности; подчеркнуть противоречия между различными частями Соединенного Королевства и сыграть на чувствах части жителей Шотландии или Северной Ирландии; упрекнуть Евросоюз в попытке построить новую империю; обвинить сторонников Брекзита с их антииммигрантскими настроениями в основанном на имперском наследии расизме; повлиять на партнеров Великобритании в других странах.

Если же говорить о позитивно окрашенных отсылках к имперскому прошлому сторонников выхода из ЕС, то они оказываются более завуалированными и осторожными. Речь идет об историческом лидерстве Британии в тех или иных сферах (например, научных и технических прорывах, культурных достижениях, политическом устройстве и т.п.), без упоминания собственно темы империи. Тем не менее тема империи стала в контексте Брекзита гораздо более заметной в политической риторике. Еще 15–20 лет назад, когда в повестке дня доминировала тема мультикультурной и современной Британии, сложно было представить настолько интенсивное обсуждение имперского наследия в позитивном или негативном ключе.

Новые тенденции во внешней политике

Выход из Евросоюза повлек за собой новую полемику относительно взаимодействия Великобритании с остальными странами и регионами мира. В противовес мрачным прогнозам противников Брекзита о том, что страна стремится к изоляционизму и в конечном счете превратится из «Великой Британии» в «маленькую Англию», его сторонники предлагали оптимистичную картину независимой Британии, строящей партнерские связи с близкими по духу союзниками во всех концах земного шара.

Переосмысление опыта империи можно проследить на нескольких важных темах. В первую очередь, правительство ищет возможности для того, чтобы компенсировать ослабление связей с

ЕС усилением взаимодействия с другими партнерами. Одна из инициатив – идея о «Глобальной Британии»¹ [см. подробнее, например: Годованюк, 2020], которую Н.К. Капитонова, авторитетный российский специалист по истории и внешней политике Великобритании, характеризует как «неоимперский проект» [Капитонова, 2020]. Возобновились дискуссии многолетней давности о выборе между ЕС и Содружеством (в прошлом – Британским содружеством наций). Если вернуться к затронутым выше темам об исключительности, лидерстве и воображаемым отношениям между империями и колониями, можно заметить, что в основе таких дискуссий, хотя и в скрытой форме, продолжают оставаться представления о предполагаемой естественной для Британии лидерской роли в Содружестве в противовес подчинению чужой воле в рамках Евросоюза. Такое представление противоречит попыткам дистанцироваться от истории Содружества и представить его как новую форму равноправного многостороннего объединения.

С 2016 г. упоминания возможных вариантов партнерства с англоговорящими странами или же укрепления связей со странами Содружества становятся все более частыми. Возникли новые попытки продвижения идеи «англосферы» как потенциальной опоры для усиления британской внешней политики. Здесь речь идет еще об одном подходе к политике идентичности – попытке провести разделение «мы» – «другие» по принципу языковой, культурной и исторической общности и близости политического устройства. Истоки такой близости относятся к колониальному прошлому Британии, однако сегодня эта тема преподносится в другом ключе. Один из сторонников этой идеи, консервативный историк Э. Робертс, считает, что «пришло время оживить англосферу»². Профессор Университета Оттавы С. Вучетич полагает, что впервые термин «англосфера» появился в 1995 г., а в 2007 г. он вошел в Оксфордский словарь английского языка. Исследователь отмечает,

¹ Global Britain in a competitive age: the integrated review of security, defence, development and foreign policy // UK Government. – 2021. – March. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (accessed: 15.09.2021).

² Roberts A. It's Time to Revive the Anglosphere // Wall Street Journal. – 2020. – 08.08. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/its-time-to-revive-the-anglosphere-11596859260> (accessed: 21.08.2021).

что сторонники усиления взаимодействия между англосаксонскими странами отталкиваются от уже существующих инициатив в сфере безопасности, таких как разведывательный альянс «Пять глаз» (Five Eyes). По словам Вучетича, ни один аспект сегодняшнего феномена англосферы невозможно понять без внимания к теме империи [Vucetic, 2020].

Один из предлагаемых проектов в рамках этой тематики – взаимодействие в формате CANZUK. Под этой аббревиатурой скрывается предлагаемый торговый блок между Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Великобританией. По словам директора влиятельного аналитического центра Henry Jackson Society, активно продвигающего эту идею [см.: Seely, Rogers, 2019], такой альянс может стать вторым по мощи геополитическим союзом в мире после ЕС и, вполне возможно, четвертым по размеру экономическим объединением. Он подчеркивает, что три из четырех потенциальных участников принадлежат к группе 15 крупнейших экономик мира¹. В Палате общин была зарегистрирована небольшая, но состоящая из достаточно влиятельных политиков межпарламентская группа, цель которой – продвижение идеи CANZUK². Д. Белл из Кембриджского университета и упомянутый выше С. Вучетич считают, что аргументы и риторика сторонников такого союза удивительно напоминают аналогичные идеи энтузиастов империи поздней Викторианской и Эдвардианской эпох [Bell, Vucetic, 2019].

Профессор Кембриджского университета М. Кенни и директор Института исследований политики Университета Бата Н. Пирс считают, что тема англосферы оставалась на периферии кампании в поддержку выхода из ЕС, находясь в тени таких тем, как суверенитет, иммиграция и расходы на Национальную службу здравоохранения. Однако она позволяла создать привлекательную идеологическую рамку для осмысления роли Британии в мире и перспективах страны после Брексита и предлагала эмоциональный

¹ Martin N. CANZUK – Could it be Britain's new EU? // DW. – 2020. – 05.12. – Mode of access: <https://www.dw.com/en/canzuk-could-it-be-britains-new-eu/a-55810928> (accessed: 05.08.2021).

² Register of all-party parliamentary groups [as at 4 November 2020]. Canada, Australia, New Zealand and the UK (CANZUK) // UK Parliament. – Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/cm/cmallparty/201104/canada-australia-new-zealand-and-the-uk-canzuk.htm> (accessed: 24.09.2021).

образ в противовес, казалось бы, более убедительным экономическим, политическим и юридическим аргументам «ремейнеров» [Kenney, Pearce, 2018]. В очередной раз образ «глобальной» державы с опорой на традиционных и близких лингвистически и культурно партнеров вместо европейской «империи» оказывался более привлекательным, чем сухие экономические выкладки, согласно которым ЕС продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером Британии. На этот факт обращает внимание британский политический редактор *Financial Times* Дж. Блитц, который пишет, что несмотря на пользу укрепления связей с Содружеством, любой политик, считающий, что Великобритания может заменить сорокалетнюю историю отношений с ЕС на «ностальгические мечты по империи», должен подумать еще раз¹.

Примечательно, что, по сообщениям СМИ, внутри кабинета британского премьер-министра Б. Джонсона возникло полусерьезное выражение «Империя 2.0» для обозначения инициатив правительства по усилению сотрудничества со странами Содружества². Это название встретило резкую реакцию критиков Джонсона внутри страны и некоторых политиков в других государствах, в частности, важнейшего партнера Британии после Брекзита – Индии³.

Само же правительство и другие достаточно влиятельные политики и эксперты продолжают попытки представить британ-

¹ *Blitz J.* Post-Brexit delusions about Empire 2.0 // *Financial Times*. – 2017. – 07.03. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/bc29987e-034e-11e7-ace0-1ce02ef0def9> (accessed: 21.08.2021).

² *Farand C.* UK government post-Brexit plans to create Africa free-trade zone are being internally branded 'Empire 2.0' // *Independent*. – 2017. – 06.03. – Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/uk-government-africa-free-trade-zone-post-brexit-empire-2-liam-fox-international-commonwealth-a7613526.html> (accessed: 21.08.2021).

³ См., напр.: *Former Indian Minister: 'Empire 2.0 Will Go Down Like A Lead Balloon In India'* // *LBC*. – 2017. – 06.03. – Mode of access: <https://www.lbc.co.uk/radio/presenters/iain-dale/empire-20-will-go-down-like-a-lead-balloon-india> (accessed: 21.08.2021); *Ram V.* Britain's colonial amnesia // *The Hindu*. – 2017. – 11.03. – Mode of access: <https://www.thehindu.com/news/international/britains-colonial-amnesia/article17449140.ece> (accessed: 21.08.2021); *Olusoga D.* Empire 2.0 is dangerous nostalgia for something that never existed // *The Guardian*. – 2017. – 19.03. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/19/empire-20-is-dangerous-nostalgia-for-something-that-never-existed> (accessed: 21.08.2021).

ские проекты сотрудничества после Брекзита с традиционными партнерами, большинство из которых – бывшие британские колонии, в позитивном ключе, подчеркивая равноправие всех участников и опору на общие ценности, культуру, принципы политического устройства и, во многих случаях, английский язык.

Хотя и идею о «глобальной Британии», и вновь возникшую тему англосферы многие критики воспринимали как пустые фантазии, сегодня можно увидеть примеры конкретных практических шагов на этих направлениях. В июне 2021 г. Великобритания заключила первое после Брекзита соглашение о свободной торговле с Австралией, в основе которого, по словам Б. Джонсона, лежат «общие история и ценности»¹. В сентябре 2021 г. было объявлено о трехстороннем оборонном альянсе между Австралией, Великобританией и США AUKUS – по оценкам экспертов, крупнейшем событии в сфере безопасности².

В то же время ключевые для британской внешней политики и позиционирования страны в мире отношения с США подвергались в исследуемый период заметным испытаниям. Один из сюжетов, относящихся к переосмыслению опыта империи, связан с выводом войск из Афганистана летом 2021 г., который нанес сильнейший удар по глобальным амбициям политических элит страны и по самовосприятию британцев. В Великобритании событие было воспринято иначе, чем в Соединенных Штатах, и подняло множество вопросов, связанных с ролью страны в мире, особыми отношениями с США, расходами на содействие международному развитию и гуманитарную помощь и др. Свои особенности имеет и контекст, сопряженный с исторической памятью, – в противовес оптимистичным декларациям правящих элит о «глобальной Британии», ситуация в Афганистане актуализировала коллективную память о крупных внешнеполитических и военных провалах. Если в США катастрофическая ситуация в Кабуле сравнивалась с эвакуацией американских граждан из Сайгона в 1975 г., то для Британии очевидна отсылка к англо-афганским войнам XIX–XX вв., в

¹ UK agrees historic trade deal with Australia // UK Government. – 2021. – 15.06. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/news/uk-agrees-historic-trade-deal-with-australia> (accessed: 15.08.2021).

² UK, US and Australia launch new security partnership // UK Government. – 2021. – 15.09. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/news/uk-us-and-australia-launch-new-security-partnership> (accessed: 17.09.2021).

особенности – к сохранившемуся в истории под названием «катастрофа в Афганистане» отступлению британских войск из Кабула в 1842 г. Глава комитета по международным делам палаты общин назвал текущую ситуацию в Афганистане «самым большим бедствием во внешней политике страны со времен Суэцкого кризиса 1956 г.»¹.

Несмотря на связанные с Брекзитом экономические трудности и вызванные коронавирусной инфекцией локдауны, а также крайне неудачное окончание военной кампании в Афганистане, британское правительство продолжает поиски новых форм взаимодействия с традиционными и новыми партнерами. Инициатива AUKUS на данный момент является самым заметным примером реализации идей о более тесном партнерстве со странами англосферы, при этом она вызвала заметное недовольство Евросоюза и отдельных его членов, а также Китая. Попытки одновременно и оттолкнуться от наследия империи, и дистанцироваться от него, переводя фокус внимания на общие ценности, а не на конкретные исторические события, далеко не всегда находят понимание у оппозиции и политиков других стран. Тем не менее такая стратегия поддерживается частью экспертного сообщества и рядом достаточно влиятельных политиков.

Пересмотр исторического наследия

Наконец, стоит хотя бы кратко упомянуть и еще один ключевой аспект, связанный с переосмыслением опыта империи в современной Британии. Параллельно с новым всплеском ностальгии и ощущения «исключительности», основанным в том числе на блестящем прошлом и утраченном глобальном лидерстве, получили свое развитие и совсем другие процессы. Все чаще слышны голоса (в том числе со стороны влиятельных политических деятелей), призывающие переосмыслить опыт Британской империи, признать ее негативную роль в истории и преступления против

¹ *Tugendhat T.* Tom Tugendhat on Afghanistan: Six decades after Suez, we remain impotent in the face of US policy // *The Times*. – 2021. – 06.08. – Mode of access: <https://www.thetimes.co.uk/article/tom-tugendhat-on-afghanistan-six-decades-after-suez-we-remain-impotent-in-the-face-of-us-policy-v2j2mzpdtd> (accessed: 15.09.2021).

народов разных стран, изменить школьные учебные курсы по этой теме.

Например, на тот момент лидер Лейбористской партии Дж. Корбин призвал изучать в школах «историю черных» как часть британской истории и говорить о допущенной несправедливости и борьбе темнокожего населения за свои права, по-новому преподнося историю Британской империи¹, что было воспринято его оппонентами как проявление ненависти к собственной стране и стыда за нее². Предвыборный манифест Лейбористской партии в 2019 г. содержал обещание включить в национальные образовательные программы информацию об «исторической несправедливости, колониализме и роли Британской империи»³.

Публичные дискуссии на эту тему становятся все более заметными. Если до некоторых пор Британии удавалось по большей части избегать острых вопросов, связанных с пересмотром прошлого, и значительная часть населения, согласно опросам общественного мнения, оценивала роль Британской империи в мире в целом положительно, то в последние годы дискуссии приобрели более острый характер и зачастую выливались в открытые конфликты.

Наиболее ярким проявлением этих тенденций стали выступления и протесты в рамках движения Black lives matter, охватившие страну летом 2020 г. вслед за США. Среди прочего протестующие требовали сноса памятников историческим деятелям, связанным с колониальным прошлым страны, работорговлей или обвиняемым в расизме, и в ряде случаев переходили от слов к действиям⁴. Усилилась поляризация общества с точки зрения истори-

¹ 'Black history is British history' – Jeremy Corbyn says schools should teach Black British history, Empire and slavery // Labour Party. – 2018. – 11.10. – Mode of access: <https://labour.org.uk/press/black-history-british-history-jeremy-corbyn-says-schools-teach-black-british-history-empire-slavery> (accessed: 15.06.2021).

² Scarci A. He's ASHAMED! Corbyn sparks OUTRAGE as he calls for teaching of the empire's 'injustices' // Express. – 2018. – 11.10. Mode of access: <https://www.express.co.uk/news/politics/1030049/jeremy-corbyn-news-labour-latest-school-reform-bristol-speech> (accessed: 15.06.2021).

³ General election 2019: Labour plans to teach British Empire injustice in schools // BBC. – 2019. – 25.11. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/election-2019-50551765> (accessed: 15.06.2021).

⁴ См., напр.: Parveen N., Tait R., Sabbagh D., Dodd V. Tensions rise over race and heritage as more statues are attacked // The Guardian. – 2020. – 11.06. – Mode of

ческой памяти и символической политики: новые процессы затронули ключевые исторические фигуры и события, важнейшие символы (включая даже национальный флаг Англии¹), музеи и университеты. Даже мемориальный фонд Уинстона Черчилля оказался под влиянием новых настроений: он убрал с сайта изображения знаменитого премьер-министра и поменял название на «Фонд Черчилля», чем вызвал критику Б. Джонсона, питающего огромное уважение к своему выдающемуся предшественнику².

По словам парламентария от Консервативной партии Г. Бэйкона, речь идет об «атаке на Британию» – не в физическом плане, а в философском, идеологическом и историческом смысле³.

Для Великобритании, одной из отличительных особенностей которой до сих пор было следование традициям и воспроизведение ритуалов, обсуждение негативного наследия империи и попытки дистанцироваться от выдающихся деятелей и символов прошлого оказываются крайне болезненными. Отношение к имперскому наследию заметно отличается среди сторонников и противников Брекзита: так, по данным опроса исследовательской компании YouGov, проведенного в 2020 г., среди проголосовавших за выход из ЕС 50% считают империю тем, чем скорее можно гордиться; противоположного мнения придерживаются всего 20%. В то же время скорее стыдятся империи лишь 9% в первой группе респондентов и 30% – во второй⁴.

access: <https://www.theguardian.com/us-news/2020/jun/11/fears-of-violence-stop-london-racism-protest-as-statue-attacks-continue> (accessed: 24.06.2021).

¹ O'Neill B. Are England fans allowed to be proud of the St George's Cross? // The Spectator. – 2021. – 18.06. – Mode of access: <https://www.spectator.co.uk/article/are-england-fans-allowed-to-be-proud-of-the-st-george-s-cross-> (accessed: 27.08.2021).

² Boris Johnson accuses charity of airbrushing Winston Churchill // BBC. – 2021. – 10.09. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-58505194> (accessed: 12.09.2021).

³ Hansard. Public Landmarks Review. Volume 691: debated on Thursday 18 March 2021. // UK Parliament. – Mode of access: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2021-03-18/debates/A1F2FC16-A3FD-47E6-B234-93566B6C6E4B/PublicLandmarksReview> (accessed: 12.09.2021).

⁴ Smith M. How unique are British attitudes to empire? // YouGov. – 2020. – 11.03. – Mode of access: <https://yougov.co.uk/topics/international/articles-reports/2020/03/11/how-unique-are-british-attitudes-empire> (accessed: 02.08.2021).

Заключение

Референдум 2016 г. о членстве Великобритании в ЕС стал одновременно и выражением, и катализатором очередного пересмотра исторического прошлого и роли Великобритании в современном мире. Ожесточенные дебаты британских политиков, СМИ и общества вокруг выхода из ЕС и реакция на это решение со стороны политиков и прессы других стран актуализировали и вынесли на поверхность ранее скрытые или завуалированные символы и нарративы, усилив конфронтацию в обществе. Брекзит спровоцировал новые споры относительно роли Великобритании в мире, а также новые отсылки к опыту Британской империи. Правящая консервативная партия начала активный поиск идей и концепций для позиционирования страны на глобальной арене, в том числе с опорой на исторический опыт и взаимодействие со странами англосферы. Противники же выхода из ЕС напрямую обвиняли консерваторов в стремлении вернуться в «дни империи».

Начиная с 2015–2016 гг. можно наблюдать заметное повышение интереса к империи и ее наследию. Представлен весь спектр мнений и реакций: от осторожно позитивного отношения, когда достижения прошлого подаются в качестве опоры для дальнейшего успешного развития страны за пределами ЕС и для выстраивания отношений с культурно и лингвистически близкими партнерами и опорой на «мягкую силу», до резко негативного, проявляющегося в массовых протестах и призывах пересмотреть преподавание истории Британской империи, обвинениях в новом колониализме и высокомерном отношении к партнерам и бывшим колониям.

Тема империи оказывается крайне противоречивой в современной британской политической риторике. Она одновременно притягивает и отталкивает, вызывает ожесточенные споры и используется как обвинение в отношении оппонентов. Имперское наследие переосмысливается и в качестве ресурса для будущего, и как нечто, с чем необходимо решительно порвать. Попытки выработать однозначные оценки имперского прошлого и осудить преступления Британской империи наталкиваются на сопротивление значительной части общества. В сегодняшней политической жизни Великобритании эти споры становятся все более заметными и оказывают влияние на выбор траектории дальнейшего развития страны.

E.M. Kharitonova*
Reconsidering the theme of empire
in the United Kingdom's current political rhetoric

Abstract. The article looks at the new trends in the contemporary UK's political life. Recent years have reintroduced the discussions of the empire and its role for Britain in numerous directions. It is being reconsidered in relation to the UK and EU interaction in the context of Brexit; in connection to the ideological content and planning of the UK foreign policy under the new circumstances; and in terms of revising of the empire's historical legacy. The author analyses the recent developments examining the research papers on this topic, the speeches of important political figures and experts, the government's strategic documents and media publications.

The re-emergence of the empire rhetoric can be most prominently observed in the discussions around Brexit. Its opponents regularly accused the 'leave' side of imperial nostalgia, while the proponents of Brexit tried to portray the EU as a new form of empire itself. In the search of new ideas and points of reference for the future UK foreign policy, policy makers and experts turn to the countries and regions with historical ties, common language and cultural affinity with the UK and this, in turn, is met by criticism and can be seen as attempts to rebuild the British Empire.

At the same time, the new cycle of global movements aimed at combating racism and exposing the historical injustices on the global and national levels, leads to re-emergence of heated discussions about the destructive legacies of colonialism and is reflected in the new events in the British political and social life.

As a result, the perceptions of empire and its legacy contribute to the political and social divisions, and the discussion of empire acquires new characteristics.

Keywords: United Kingdom; Brexit; empire; memory; identity; nostalgia; anglosphere.

For citation: Kharitonova E.M. Reconsidering the theme of empire in the United Kingdom's current political rhetoric. *Political science (RU)*. 2021, N 1, P. 157–176. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.06>

References

- Bell D., Vucetic, S. Brexit, CANZUK, and the legacy of empire. *The British journal of politics and international relations*. 2019, Vol. 21, N 2, P. 367–382. DOI: <https://doi.org/10.1177/1369148118819070>
- Campanella E., Dassù M. *Anglo nostalgia: the politics of emotion in a fractured West*. Oxford: Oxford university press, 2019 a, 234 p.

* **Kharitonova Elena**, National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: ekharit@imemo.ru

- Campanella E., Dassù M. Brexit and Nostalgia. *Survival*. 2019 b, Vol. 61, N 3, P. 103–111. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2019.1614781>
- Donnelly S. Ireland in the imperial imagination: British nationalism and the Anglo-Irish Treaty. *Irish studies review*. 2019, Vol. 27, N 4, P. 493–511. DOI: <https://doi.org/10.1080/09670882.2019.1658404>
- Eremina N.V. The roots of Brexit: conflict of identities in the United Kingdom. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017, N 10(1), P. 87–105. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-87-105> (In Russ.)
- Gaston S., Hilhorst S. *Nostalgia as a cultural and political force in Britain, France and Germany*. DEMOS, 2018. Mode of access: <https://www.politico.eu/wp-content/uploads/2018/05/NostalgiaInEuropeReport.pdf> (accessed: 16.10.2021)
- Glencross A. British Euroscepticism as British exceptionalism: the forty-year ‘Neverendum’ on the relationship with Europe. *Studia diplomatica*. 2014, Vol. 67, N 4, P. 7–20.
- Godovanyuk K.A. *Global Britain» in the run-up to Brexit*. Moscow: Institute of Europe RAS, 2020, 160 p. (in Russ.)
- Kapitonova N.K. In search of a new role: neo-imperial and Global Britain Tory projects in the light of Brexit. *RFBR Journal*. 2020, N 1 (105), P. 24–27. (In Russ.)
- Kaveshnikov N. Ju. United Kingdom and European Union: a long history of divorce. Part 2. Awkward partner. *Contemporary Europe*. 2018, N 6, P. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope620181829> (In Russ.)
- Kenny M., Pearce N. *Shadows of empire: The Anglosphere in British politics*. Oxford: Polity, 2018, 224 p.
- Kharitonova E., Prokhotenko I. The former empires soft power: comparing experience of the United Kingdom and Spain. *World economy and international relations*. 2018, Vol. 62, N 3, P. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-39-49> (In Russ.)
- Koegler C., Malreddy P.L., Tronicke M. The colonial remains of Brexit: Empire nostalgia and narcissistic nationalism. *Journal of postcolonial writing*. 2020, Vol. 56, N 5, P. 585–592. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449855.2020.1818440>
- Malinova O. et al. (eds). *Symbolic politics. Issue 5: Identity politics*. Moscow: INION, 2017, 356 p. (In Russ.)
- Mchedlova M., Kazarinova D. The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*. 2020, N 4, P. 13–35. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- McCourt D.M. Rethinking Britain’s role in the world for a new decade: the limits of discursive therapy and the promise of field theory. *The British journal of politics and international relations*. 2011, Vol. 13, N 2, P. 145–164. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-856x.2010.00429.x>
- Oliver T. *Understanding Brexit: a concise introduction*. Bristol: Policy press, 2018, 268 p.
- Saunders R. Brexit and empire: ‘Global Britain’ and the myth of imperial nostalgia. *The journal of imperial and commonwealth history*. 2020, Vol. 48, N 6, P. 1140–1174. DOI: <https://doi.org/10.1080/03086534.2020.1848403>

- Seely B., Rogers J. *Global Britain: a twenty-first century vision*. The Henry Jackson Society, 2019. Mode of access: <https://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2019/02/HJS-Global-Britain-%C2%AD-A-Twenty-first-Century-Vision-Report-A4-web.pdf> (accessed: 21.08.2021)
- Semenenko I. History on the frontline of identity politics. *World economy and international relations*. 2018, Vol. 62, N 11, P. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76> (In Russ.)
- Vucetic S. The Anglosphere beyond security. In: Wellings B., Mycock A. (eds). *The Anglosphere: continuity, dissonance and location*. Oxford: Oxford university press for the British Academy, 2020, P. 77–91.

Литература на русском языке

- Годованюк К.А. «Глобальная Британия» в преддверии Брекзита. – М.: Ин-т Европы РАН, 2020. – 160 с.
- Еремина Н.В. Корни Брекзита: конфликт идентичностей в Соединенном Королевстве // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2017. – № 10(1). – С. 87–105. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-1-87-105>
- Кавешников Н.Ю. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнер // Современная Европа. – 2018. – № 6. – С. 18–29. – DOI: <http://www.doi.org/10.15211/soveurope620181829>
- Капитонова Н.К. Британия в поисках новой роли: неоимперский и глобальный проекты тори в свете Брекзита // Вестник РФФИ. – 2020. – № 1 (105). – С. 24–27.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01>
- Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 11. – С. 65–76. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
- Символическая политика: Вып. 5: Политика идентичности. Сборник научных трудов / ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред. и др. – М.: ИНИОН, 2017. – Вып. 5: Политика идентичности. – 356 с.
- Харитонов Е.М., Прохоренко И.Л. «Мягкая сила» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 39–49. – DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-3-39-49>

А.Р. САФИНА *

ИНКОРПОРАЦИЯ КУРДСКОГО МЕНЬШИНСТВА В ИРАКСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ИМПЕРСКОЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния имперского институционального наследия на инкорпорацию этноконфессиональных меньшинств в национальное государство. В качестве релевантного кейса для анализа выбран Иракский Курдистан. Проверяется гипотеза о том, что в постосманских обществах преобладающее влияние на политический процесс оказывают неформальные правила и практики, которые в случае совместимости их целей с новыми формальными институтами могут способствовать образованию устойчивой политико-институциональной структуры. В этом контексте проводится анализ курдских политических практик под имперским управлением, выявляются особенности инкорпорирования курдского сегмента в государство Ирак, проводится оценка результативности консоциативных механизмов, введенных в политическую систему страны в период демократизации после международного вмешательства в 2003 г. Применение таких методологических подходов, как неoinституционализм и исторический институционализм, позволяет определить институциональную специфику курдской проблемы в Ираке и оценить эффективность курдской автономии. Делается вывод, что исторические неформальные институты курдского сообщества сохранили свою функциональность и преимущественно замещают формальные. В этих условиях иракская система распределения власти между этноконфессиональными сегментами и неформальных договоренностей между элитами оценивается как оптимальное решение, снижающее транзакционные издержки во взаимодействиях центра и периферии.

* Сафина Айсылу Рустемовна, аспирант кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: safina.aysylu.95@gmail.com

© Сафина А.Р., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.01.07

Ключевые слова: османское наследие; формальные институты; неформальные практики; курдские племена; консоциативные элементы; постимперское пространство.

Для цитирования: Сафина А.Р. Инкорпорация курдского меньшинства в иракское государство и имперское институциональное наследие // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 177–190. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.07>

Инкорпорация этноконфессиональных меньшинств остается серьезным вызовом для гетерогенных ближневосточных государств, формирование которых началось после распада Османской империи. Этот процесс включает в себя вопросы идентичности, структуры и легитимности власти, политического участия и распределения благ, а также консолидации границ. Курдская проблема – одна из наиболее важных составляющих этого вызова: идея собственного государства для разделенного курдского народа по-прежнему жива.

Подъему «нового сектарианизма» на Ближнем Востоке дала толчок международная операция в Ираке (2003), положившая конец правлению Саддама Хусейна [Управление региональными конфликтами..., 2021, с. 224]. Одним из ее результатов стало появление в стране неполной консоциации с широкой автономией курдов. «Арабская весна», как и наступление ИГ (ИЛ)¹ в условиях вакуума власти, вывели борьбу курдов за свою государственность на новый уровень. В 2016 г. было объявлено о создании Федерации Северной Сирии; в 2017 г. проведен референдум о независимости Иракского Курдистана и курдских земель за его пределами.

В настоящий момент, когда военно-политическая ситуация в Ираке относительно нормализовалась и были проведены очередные парламентские выборы (октябрь 2021 г.), представляется уместным вернуться к оценке степени инкорпорации курдского сегмента в иракское государство и влияния на этот процесс имперского институционального наследия. Методологически исследование будет опираться на различные версии институционализма. Обращение к неинституциональному подходу продиктовано необходимостью анализа взаимодействия формальных и неформальных институтов и учета как правил, регулирующих поведение, так и самого поведения [Aoki, 2007; Greif, Laitin, 2004].

¹ Организация признана террористической и запрещена на территории России.

Применение исторического институционализма позволит выявить закономерности формирования курдских политических институтов. В качестве аналитического инструмента будут использованы теория консоционализма А. Лейпхарта, согласно которой институционализация этнических размежеваний и разделяющей идентичности укрепляет чувство безопасности всех этнических групп и ведет к устойчивой политической стабильности [Lijphart, 1975], а также типология взаимодействий формальных и неформальных институтов Г. Хелмке и С. Левитски [Helmke, Levitsky, 2004].

В статье проверяется гипотеза о том, что в постимперских обществах преобладающее влияние на политический процесс оказывают неформальные практики, которые в случае совместимости их целей с новыми формальными институтами могут способствовать образованию устойчивого политико-институционального устройства. В соответствии с поставленной задачей будет проведен анализ (а) курдских политических практик в условиях имперского управления; (б) инкорпорирования курдского сегмента в новое государство Ирак; (в) эффективности консоциативных практик в период демократизации иракской политической системы.

Режимы имперского управления и курдские политические практики

Вплоть до Первой мировой войны курдские сообщества находились под контролем Османской империи на западе и Сефевидской на востоке. В послевоенный период Курдистан был разделен между четырьмя национальными государствами (Турция, Сирия, Ирак, Иран), пришедшими на смену империям, и трансформировался в периферию в каждом из них. Характерной чертой курдской периферии было наличие племенных институтов, которые сохранились благодаря косвенным методам управления имперских центров.

Унификация или стандартизация управления огромным количеством разнообразных политических единиц, транслирующих центру различные культурные и политические коды, чревата для империй высокими издержками [Мелешкина, 2013]. Центр в Османской империи цементировал неформальные отношения внутри политической системы, в то же время порождая самостоятельность принятия решений в рамках провинций и автономных сообществ

[Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 146–148]. Благодаря институту посредников конфликты в политических единицах империи регулировались без участия центра в обмен на регулярную уплату налогов.

В Османской империи автономные сообщества имели как территориальный, так и нетерриториальный характер. В частности, огромную роль в инкорпорации религиозных меньшинств в империю сыграла система миллетов, благодаря которой часть властных полномочий была делегирована нетерриториальным религиозным сообществам в обмен на дополнительный имперский налог, что позволило правительству фактически отказаться от надзорной функции [Barkey, Gavrilis, 2016]. Курдским племенам, населявшим глубокую имперскую периферию, центр фактически предоставил территориальную автономию: они имели право наследования земельных угодий и привилегированный статус, защищая безопасность приграничной зоны.

Как отмечает М. ван Брюнссен, большое влияние на внутреннюю структуру курдских политических образований оказывали межплеменные конфликты и коалиции, которые во многом зависели от внешних факторов, степени вмешательства центра и доступности ресурсной базы [van Bruinessen, 2003]. Эти образования представляли собой элементы разного порядка – от крупных кочевых племен до малых имперских провинций, однако все курдские сообщества имели равный статус и большую степень автономии. Только в XIX в. политическая автономия курдов стала постепенно сокращаться в результате реформ системы управления [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 146–164]. Под влиянием политики централизации курдские племенные образования становились менее сложными по структуре и более однородными: провинции уступали место племенным конфедерациям, конфедерации – крупным племенам, крупные племена – более мелким [van Bruinessen, 2003].

Войдя с началом эпохи национально-государственного строительства на Ближнем Востоке в состав четырех государств¹, курды сохранили кланово-племенную идентичность, а также территориальные, религиозные и языковые особенности [Kyumars, Salavati, 2013], что заложило основу для будущих конфликтов [Ross, Mohammadpur, 2016].

¹ Ни одно из курдских движений за независимость или автономию не достигло успеха.

Инкорпорация племенных практик в иракском государстве

В процессе модернизации племенные институты курдских сообществ инкорпорировались в партийную систему национального государства. Принадлежность к политической партии была выгодна курдским племенным вождям: когда их партия побеждала, она имела возможность вознаградить своих сторонников различными способами, в том числе инвестициями в инфраструктуру и государственными контрактами. В свою очередь, союзы с племенными лидерами, контролирующими свои территории и население, были выгодны национальным партиям. Таким образом, конкуренция между политическими партиями переплеталась с племенными конфликтами и соперничеством [van Bruinessen, 2003].

Несмотря на внутренние разногласия, курды были вынуждены вступать в политический торг и принимать компромиссные политические стратегии. Ни одно племя не было достаточно большим, чтобы самостоятельно направить депутата в парламент, что делало необходимым создание коалиций с другими племенами или группами интересов. Таким образом, формирование национальных государств не только не привело к распаду племен, но предоставило структурные возможности для их поддержки [Adiyamanê, Dag, 2015].

Роль неформальных институтов в процессах постконфликтного урегулирования вызывает в научном сообществе много споров, так как основными регуляторами принято считать такие механизмы, как федеративное политико-территориальное устройство, автономия и другие механизмы консоциации (см.: [Метаморфозы разделенных обществ, 2020, с. 15–41]). В этом контексте представляется необходимым рассмотреть институционализацию курдской этничности в Ираке.

Ирак получил независимость в 1932 г. Первой политической партией иракских курдов стала Демократическая партия Курдистана (ДПК) (1946), которая провозгласила своей целью объединение курдского освободительного движения и борьбу с поддерживаемой Великобританией иракской монархией, выступив на стороне арабских националистов (баасистов). ДПК не требовала выхода курдов из иракского государства, выступая за автономию для Курдистана и демократическую республиканскую систему для Ирака. Ее сторонники так или иначе продвигали идею сосуществования арабского и курдского национализма. Идеологом и главным руководителем партии стал харизматический лидер курдского

освободительного движения Мустафа Барзани, который придал ей форму клиентелы с наследственной передачей поста руководителя. ДПК удерживала монополию на определение политической повестки в Курдистане вплоть до 1975 г., когда в результате военно-политического кризиса после поражения Сентябрьского восстания курдов Барзани был вынужден покинуть Ирак.

В период вакуума власти в Иракском Курдистане возникла новая партия – Патриотический союз Курдистана (ПСК) (1975), основанный левыми и националистическими силами во главе с Джалялем Талабани, который, как и Барзани, мог единолично принимать политические решения и распоряжаться партийными финансами [Nana, Abdullah, 2020, p. 759–760]. В учредительном манифесте партии декларировались такие задачи, как борьба с политической монополией ДПК и учреждение коалиционной системы самоуправления. ДПК и ПСК, будучи соперниками, объединились в борьбе против режима Саддама Хусейна в период ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Помимо дискриминации по этническому признаку, курды подвергались репрессиям, в том числе пыткам, против них применялось химическое оружие (операция «Анфаль» 1987 г.).

После победы сил международной коалиции в войне за освобождение оккупированного Ираком Кувейта (1991) в стране начались восстания курдов и шиитов, жестко подавленных Саддамом Хусейном. Гуманитарная катастрофа вызвала резолюцию СБ ООН от 5 апреля 1991 г., установившую так называемую «зону безопасности» севернее 36-й параллели¹. Из данной зоны под контролем сил ООН были выведены иракские правительственные войска, там была прекращена работа центральных органов власти, иракских спецслужб и полиции. Курды объявили эту территорию «Свободным Курдистаном»².

Эта резолюция стала важным шагом для создания курдского де-факто государства. В Иракском Курдистане были проведены учредительные выборы в парламент, на которых ДПК получила больше мест, чем ПСК, что вылилось в острый политический кон-

¹ Resolution 688 (1991) / adopted by the Security Council at its 2982 nd meeting, on 5 April 1991 // UN Digital Library. – Mode of access: <https://digitallibrary.un.org/record/110659> (accessed: 10.09.2021).

² Формально автономия была предоставлена региону в 1970 г.

фликт, переросший в четырехлетнюю гражданскую войну (1994–1998). Находясь в изгнании, ПСК сформировал собственное правительство в Сулеймании, в то время как ДПК сохраняла лидирующие позиции в Эрбиле [op. cit., p. 756].

В установлении мира между двумя курдскими кланами нельзя не отметить фактор международного вмешательства. Еще в период гражданской войны посредником во взаимоотношениях ДПК и ПСК стала американская администрация. В 1998 г. ей удалось примирить враждующие стороны в Вашингтоне, где Масуд Барзани и Джаляль Талабани подписали соглашение о мирном урегулировании конфликта. В результате в регионе возникли два квазигосударства: одно под властью ДПК (Эрбиль и Дохук) и второе под властью ПСК (Сулеймания и Гармиан). Они были разделены блокпостами, укомплектованными бойцами сил пешмерга, лояльными ДПК и ПСК [O'Driscoll, Baser, 2019].

Подводя промежуточные итоги, можно сказать, что как имперское институциональное наследие, так и территориальный и мажоритарный подход к решению этнополитических конфликтов в республиканском Ираке [Barkey, 1997] оказали значительное влияние на развитие Иракского Курдистана. Опыт автономного самоуправления и племенные институты, принявшие форму партий, позволили курдам вести упорную борьбу за независимость. В период пребывания у власти баасистов надежды курдов на союз с арабским национализмом и реальную автономию были перечеркнуты. Влияние формальной институциональной рамки на интеграцию курдского меньшинства после свержения баасистского режима будет рассмотрено ниже.

Иракский Курдистан в период демократизации

В результате международного вмешательства в 2003 г. и статус Иракского Курдистана, и политическая ситуация в нем изменились. В 2005 г. была принята новая конституция Ирака, которая ввела в политическую систему ряд консоциативных механизмов. В частности, она закрепила федеративное устройство страны [Дубессан, 2013] и автономию региона Иракский Курдистан¹, которая

¹ Иракский Курдистан (офиц. Регион Иракский Курдистан) включает в себя провинции Дохук, Эрбиль, Сулеймания и Халабджа (последняя провинция

предполагает собственное правительство, внутренние силы безопасности (пешмерга) и право управления и контроля над сектором добычи и переработки нефти и газа на его территории¹. В случае если центральное правительство принимает решения, которые затрагивают жизненно важные интересы региона, оно обязано получить согласие регионального правительства.

Более того, в Ираке была создана особая система курдского представительства, обеспечивавшая относительный баланс сил между двумя партиями: пост президента Иракского Курдистана был зарезервирован за представителем ДПК, пост президента Республики Ирак – за ПСК. Клань Барзани и Талабани вновь вынужденно объединились для борьбы с арабскими националистическими и исламистскими оппозиционными организациями, которые открыто выступали за централизацию власти на всех уровнях [Rogg, Rimscha, 2007]. После проведения региональных выборов (2005) и объединения двух курдских администраций (2006) де-юре было сформировано объединенное правительство автономии.

Согласно договоренностям, другие высшие посты в системе новой иракской власти – премьер-министра и спикера парламента – отошли, соответственно, представителям арабо-шиитской и арабо-суннитской общин.

Такая система неформальных институциональных правил, легшая в основу современной иракской политики, получила название «аль-мухасаса» (араб. – «распределение»). Она представляет собой систему этноконфессиональных квот, которая применяется правительством для распределения должностей с целью достижения «национального единства» и «национального партнерства». Неформально министерские посты распределяются по следующей формуле: арабы-шииты (54%), арабы-сунниты (24%), курды (18%) и остальные меньшинства (4%) [al-Shadeedi, van Veen, 2020, p. 10].

Эти меры, как и конституционное закрепление автономного статуса региона Курдистан, позволили стабилизировать отношения между федеральным центром и курдским сегментом, несмотря

была создана в 2014 г. на части территории Сулеймании); его власти претендуют также на территории провинций Киркук, Ниневия и Диала. Доля курдов в населении Ирака оценивается разными источниками в 15–21%.

¹ Конституция Республики Ирак. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=338> (дата посещения: 12.10.2021).

на длительный военно-политический кризис после свержения Саддама Хусейна.

Фактор формальных институтов в контексте интеграции курдского меньшинства

Референдум о независимости Иракского Курдистана в 2017 г. и последовавший жесткий политический ответ Багдада¹ вновь дестабилизировали ситуацию в регионе, в результате чего арабо-шиитские и курдские политические элиты не смогли объединиться в предвыборные коалиции и блоки в 2018 г. Характерными чертами партийной системы Ирака стали идеологическая поляризация, дробление на блоки и альянсы шиитского и суннитского толка и отсутствие консенсуса основных курдских партий (ДПК и ПСК) [al-Shadeedi, van Veen, 2020]. В условиях политической фрагментации основных сегментов принцип «аль-мухасаса» перестал работать; парламентские выборы 2018 г. пошатнули межконфессиональный и межэтнический компромисс в иракском обществе, что привело к гражданским протестам 2018–2019 гг.

На федеральных парламентских выборах 2018 г.² ДПК и ПСК получили соответственно 25 и 18 мест. Ожидалось, что им составит конкуренцию оппозиционные курдские партии: «Горран» («Движение за перемены»), отколовшийся в 2009 г. от ПСК, две исламские и две новые протестные партии, однако этого не произошло: все вместе они завоевали 15 мандатов³. Таким образом, ДПК и ПСК умело использовали свою традиционную электоральную базу и патронажные сети. Как и на предыдущих выборах, они победили в провинциях, находящихся под их контролем: ДПК получила большинство голосов в Эрбиле и Дохуке, а ПСК – в Сулеймании.

¹ Иракский Курдистан готов к диалогу с Багдадом для снятия санкций / ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4638583> (дата посещения: 25.09.2021).

² Работа над статьей была завершена до подведения итогов парламентских выборов 2021 г.

³ Mansour R., van den Toorn Ch. *The 2018 Iraqi federal elections: a population in transition?* LSE Middle East Centre Report, 2018. Mode of access: https://eprints.lse.ac.uk/89698/7/MEC_Iraqi-elections_Report_2018.pdf (accessed: 20.09.2021).

Результаты выборов в Парламент Курдистана также демонстрируют четкую электоральную регионализацию автономии. На выборах 2013 г. ДПК получила 38 мест, ПСК – 18 (уступив «Горран»), на последних выборах 2018 г. у ДПК – 45 мест, у ПСК – 21, у «Горран» – только 12, у других партий – 22^{1, 2}. Фактически в регионе сформировалась двухпартийная система, в рамках которой происходит артикуляция и агрегирование региональных интересов. На фоне экономических и политических потрясений в стране и регионе электоральное доминирование этих двух сил свидетельствует об устойчивости клановой системы и, соответственно, относительном балансе формальных и неформальных институтов.

На территории бывшей Османской империи Республика Ирак представляет собой уникальную по своей природе политико-институциональную модель с этноконфессиональным компонентом. Элементы консоциации позволяют обеспечить представительство курдов в федеральных органах власти. В соответствии с неформальными договоренностями, президентом страны также является курд.

Система правления региона Иракский Курдистан де-факто является президентско-парламентской, где президент (в соответствии с договоренностями, представитель ДПК) обладает очень широкими полномочиями, которые, однако, могут быть реализованы преимущественно в провинциях, контролируемых кланом Барзани. Две основные партии сохраняют и свои собственные системы безопасности и вооруженных сил.

Заключение

Проведенный институциональный анализ позволяет установить, что в случае инкорпорации курдского меньшинства в Ираке

¹ *Bogos K.* Analysis: looking back on the 2018 Kurdish elections. American univ. of Iraq Sulaimani, 2018. Mode of access: https://auis.edu.krd/iris/sites/default/files/Analysis_Looking%20Back%20on%20the%202018%20Kurdish%20Elections_March%202019.pdf (accessed: 22.09.2021).

² В Парламенте Курдистана 111 мест, из которых 11 зарезервировано за представителями меньшинств; выборы проводятся по пропорциональной системе с «полуоткрытыми списками», когда избиратель может проголосовать как за партийный список в целом, так и за отдельных кандидатов.

сочетание сохранившихся имперских институтов и практик (непрямое управление центра, автономность, самоуправление, самооборона, кланово-племенные идентичности, определяющие паттерны лояльности и солидарности) с современными институтами (территориальная автономия, легислатура, партии, выборы, референдум) способно стать основой системы управления многоэтническим обществом и удержать его от распада.

Возникшая после падения националистического авторитарного режима политическая система выстояла в тяжелейших условиях военно-политического кризиса: гражданской войны, борьбы с террористической угрозой и макрорегиональной дестабилизации (в отличие, например, от соседней Сирии). Консоциативные механизмы, заложенные в нее как положениями Конституции 2005 г. и федеральными законами об органах государственной власти, выборах, политико-территориальном устройстве, так и неформальными договоренностями о распределении постов и создании коалиций, позволили обеспечить пропорциональное участие этноконфессиональных сегментов в иракском политическом процессе, включая законодательную и исполнительную сферу. Устойчивости системы во многом способствовал и внешний фактор – присутствие в стране международных коалиционных сил и роль США в обеспечении взаимодействия политических элит этноконфессиональных сегментов [Мамедов, Сапронова, 2021] (сотрудничество элит А. Лейпхарт считал важнейшим условием эффективности консоциации).

Широкая автономия Иракского Курдистана, как и более ранняя институционализация кланового соперничества в форме партий, содействует поддержанию в регионе относительной стабильности, хотя раскол в курдских элитах сохраняется. Вместе с тем благодаря межклановому (или межпартийному) противостоянию федеральное правительство способно находить дополнительные рычаги влияния на политику автономии. В силу урбанизации и постепенного изменения социальной структуры в регионе возникли и новые, так называемые протестные, партии, главной из которых является «Горран». Появление таких партий, выступающих за повышение эффективности политики правительства и демократизацию на региональном и федеральном уровне, свидетельствует о начавшейся эрозии клановой партийной системы. Однако о ее изменении говорить преждевременно: систему продолжают

поддерживать как идея и история нативного курдского национализма, так и сохраняющиеся угрозы безопасности.

В целом рост эффективности формальных правил и практик при отсутствии конфликтующих целей между формальными и неформальными институтами должен стимулировать трансформацию неформальных институтов из «замещающих» в «дополняющие» [Helmke, Levitsky, 2004]. В случае Иракского Курдистана, принадлежавшего к глубокой имперской периферии, куда с трудом проникали управленческие импульсы центра, такая перспектива представляется отдаленной. Ее приближению могут содействовать повышение эффективности политики Багдада и появление позитивных общенациональных (страновых) ориентиров.

A.R. Safina*

**Incorporation of the Kurdish minority into the Iraqi state
and the Ottoman institutional legacy**

Abstract. The article focuses on the impact of the Ottoman institutional legacy on ethno-confessional minorities incorporation into the post-imperial national states. Iraqi Kurdistan was selected as a relevant case for analysis. The tested hypothesis is that informal rules and practices exercise a significant influence on the political process in post-imperial societies, which, in case of compatibility of goals between informal and new formal institutions, can contribute positively to the formation of a stable structure of government. In this context, the author analyzes the interaction between the Kurdish communities and the centre in the Ottoman period, identifies the specificities of the Kurdish segment incorporation into the newly formed state of Iraq, and weighs the performance of consociational mechanisms established in Iraq's political system after Saddam Hussein's ouster. The application of such methodological approaches as neo-institutionalism and historical institutionalism makes it possible to define the institutional parameters of the Kurdish minority incorporation into Iraq and, through this lens, to assess the political performance in the Iraqi Kurdistan Region. It is stated that the historical informal institutions of the Kurdish community remain functional and substitutive for the formal ones. At this point, the consociational pattern is assessed as the only possible solution that reduces transaction costs in the centre-periphery interaction.

Keywords: formal institutions; informal practices; Kurdish tribes; consociational elements; post-imperial societies.

* **Safina Aisyly**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: safina.aisylyu.95@gmail.com

For citation: Safina A.R. Incorporation of the Kurdish minority into the Iraqi state and the Ottoman institutional legacy. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 177–190. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.07>

References

- Adiyamanê Z., Dag R. Ottoman reforms and Kurdish reactions in the 19th century. *Nûbihar Akademî*. 2015, Vol. 1, N 2, P. 47–74.
- Aoki M. Endogenizing institutions and institutional changes. *Journal of institutional economics*. 2007, Vol. 3, N 1, P. 1–31. DOI: <https://doi.org/10.1017/S1744137406000531>
- Barkey K. Thinking about consequences of empire. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder; Oxford: Westview press, 1997, P. 99–114.
- Barkey K., Gavriliş G. The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy. *Ethnopolitics*. 2016, Vol. 15, N 1, P. 24–42. <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- van Bruinessen M. Kurds, states and tribes. In: Jabar F.A., Dawod H. (eds). *Tribes and power: nationalism and ethnicity in the Middle East*. London: Saqi, 2003, P. 165–183.
- Dubessan R.H. Legal status of subjects of federation in Republic of Iraq. *Tambov university review. Series humanities*. 2013, N 4 (120), P. 383–389. (In Russ.)
- Greif A., Laitin, D. A theory of endogenous institutional change. *American political science review*. 2004, Vol. 98, N 4, P. 633–652. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055404041395>
- Hama H.H., Abdullah F.H. Political parties and the political system in Iraqi Kurdistan. *Journal of Asian and African studies*. 2021, Vol. 56, N 4, P. 754–773. DOI: <https://doi.org/10.1177/0021909620941548>
- Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: a research agenda. *Perspectives on politics*. 2004, Vol. 2, N 4, P. 725–740. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592704040472>
- Kudryashova I.V., Kharitonova O.G. (eds). *Metamorphoses of divided societies*. Moscow: MGIMO-University, 2020, 284 p. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Kyumars S.E., Salavati S. Sorani Kurdish versus Kurmanji Kurdish: an empirical comparison. *Proceedings of the 51st annual meeting of the Association for computational linguistics*. 2013, Vol. 2: Short Papers, P. 300–305.
- Mamedov R. Sh., Sapronova M.A. Features of the political development of Iraq in 2003–2020: the formation of a new elite. *Nauchnyi dialog*. 2021, N 1, P. 357–370. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-357-370> (In Russ.)
- Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: peculiarities of state and nation-building. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 10–29. (In Russ.)

- Lijphart A. *The politics of accommodation: Pluralism and democracy in the Netherlands*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California press, 1968, 231 p.
- O'Driscoll D., Baser B. Independence referendums and nationalist rhetoric: the Kurdistan Region of Iraq. *Third world quarterly*. 2019, Vol. 40, N 11, P. 2016–2034. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1617631>
- Rogg I., Rimscha H. The Kurds as parties to and victims of conflicts in Iraq. *International review of the Red Cross*. 2007, Vol. 89, N 868, P. 823–842. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1816383108000143>
- Ross N., Mohammadpur A. Imagined or real: the intersection of tribalism and nationalism in the Kurdish Regional Government (KRG). *British journal of Middle Eastern studies*. 2016, Vol. 45, N 2, P. 194–211. DOI: <https://doi.org/10.1080/13530194.2016.1230490>
- al-Shadeedi H., van Veen E. Iraq's adolescent democracy. Where to go from here. In: *CRU report*. Hague: Netherlands Institute of international relations, 2020, P. 13–44.
- Shibanova O.N. (ed.). *Managing regional conflicts in the context of digitalization of modern society: methodology and implementation practices*. Kazan: Kazan univ. publishing house, 2021, 632 p.

Литература на русском языке

- Дубессан Р.Х. Статус субъектов федерации в Республике Ирак // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 4 (120). – С. 383–389.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>
- Мамедов Р.Ш., Сапронова М.А. Особенности политического развития Ирака в 2003–2020 годах: формирование новой элиты // Научный диалог. – 2021. – № 1. – С. 357–370. – DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-357-370>
- Мелешкина Е.Ю. Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 284 с.
- Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – 632 с.

А.Ю. ДОЛГОВ*

«ОНЛАЙН-ПАМЯТЬ» О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ: СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ АРЕНЫ СПОРОВ ОБ СССР¹

Аннотация. В статье рассматривается, как в социальных сетях вырабатывается «онлайн-память» о советском прошлом. Социальные сети описываются как арены, открытые и доступные многим акторам. Эти акторы действуют в более свободном дискурсивном поле, не ограничиваясь в своей активности доминирующими нарративами о прошлом. Отмечается, что социальные сети могут быть использованы гражданами как средства обсуждения общего прошлого и могут выступать в качестве противодействия дискурсу элиты.

Чтобы разобраться с тем, как устроено обсуждение советского прошлого в социальных сетях, был проведен качественный контент-анализ содержания трех записей (постов) в онлайн-группах и комментариев к ним. Цель состояла в том, чтобы рассмотреть основные темы и аргументы, а также особенности возникшего обсуждения. Были выбраны три популярные в России соцсети: «ВКонтакте», «Инстаграм» и «Фейсбук». Проанализированы три записи с максимально обобщающей тематикой, посвященной советскому прошлому.

Показано, что в ходе процесса конструирования новых смыслов и создания интерпретаций акторы «онлайн-памяти» опираются как на официальный

* Долгов Александр Юрьевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия); старший преподаватель Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: adolgov@inion.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00709.

дискурс политической элиты о советском прошлом и российском настоящем, так и на свои субъективные биографии и личный опыт. При этом социальные сети дают возможность для создания альтернативных нарративов и контрнарративов. Делается вывод об «абсорбирующих» свойствах памяти о советском прошлом, поскольку акторы способны встроить в нее любые актуальные события, в том числе пандемию COVID-19.

Ключевые слова: советское прошлое; онлайн-память; социальные медиа; социальные сети; нарративы.

Для цитирования: Долгов А.Ю. «Онлайн-память» о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 191–204. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.08>

Социальные исследования коллективной памяти нацелены на поиск и описание ее разнообразных репрезентаций. Эти репрезентации возникают в повседневном общении, в традиционных и новых медиа, в искусстве, в риторике государственных деятелей и во многих других сферах. Аренами, на которых все активнее разворачивается конструирование смыслов и нарративов о прошлом, сегодня становятся социальные сети. Это относится и к памяти о советском прошлом, которая остается предметом для серьезных споров.

Как отмечает Ч. Лиу, социальные сети охватывают широкий круг акторов, которые вносят свой вклад в осуществление различных мнемонических практик, способствуют привлечению коллективных ресурсов и агрегации альтернативных или контрнарративов прошлого, а также культивируют производство исторического знания как реконструируемого и возобновляемого процесса [Li, 2018, p. 1675]. Исследуя то, как историческое знание и социальная память производятся в социальных сетях и медиа в современном Китае, Ч. Лиу фокусируется на двух основных моментах. Во-первых, общая доступность социальных сетей усиливает мнемонические способности индивида, предоставляя ему низкий порог доступа к «технологиям памяти». В результате мнемонические практики в социальных сетях порождают «открытость, сотрудничество, агрегацию, активизацию деятельности и устойчивость» [ibid., p. 1689]. Во-вторых, споры по поводу исторических нарративов влекут за собой идеологическую напряженность между властями и гражданами [ibid.]. Таким образом, коллективная работа граждан по обработке воспоминаний о «трудных событиях» прошлого в социальных сетях вступает в противоречие с попытками

государства придать их забвению или предложить свое эксклюзивное объяснение.

В некоторых случаях, затрагивающих вопросы политики памяти, социальные сети рассматриваются исследователями в качестве контрпубличной сферы, выступающей против доминирующих медиа и политики в формировании нового исторического сознания [Birkner, Donk, 2020]. Тогда эти инструменты коммуникации могут быть использованы гражданским обществом как средства обсуждения общего прошлого и могут выступать в качестве противодействия дискурсу элиты [ibid.]. Возникает вопрос, как производство высказываний в социальных сетях противостоит, подчиняется и / или учитывает те доминирующие государственные нарративы, которые «спускаются» сверху. Безусловно, этот вопрос касается не только обсуждений и комментариев в социальных сетях, но и в целом того, в какой степени нарративы элиты об истории формируют способы мышления граждан о прошлом. Так, используя данные опроса городской молодежи, Ф. Кравачек показывает, что политический режим в России успешно определяет, какие события следует считать важными. Однако при этом сохраняются конфликты по поводу их интерпретации. Особенно это касается менее эмоционально заряженных символических аспектов и тех вопросов, к которым у респондентов есть личное отношение [Krawatzek, 2021]. Но формирование памяти тем не менее всегда опосредовано разными акторами. В частности, взгляды на прошлое производятся самыми разными медиа, которые работают параллельно, формируя и распространяя нарративы и создавая определенные места памяти в качестве общих точек отсчета [Pušnik, 2019, p. 437].

Мнемонические акторы стремятся продвигать «специфические интерпретации прошлого», задействуя имеющиеся у них ресурсы [Малинова, 2019, с. 104]. Государство не оставляет без внимания коммуникации в социальных сетях и новых медиа, выстраивая собственные стратегии политической борьбы с возникающей там оппозиционной повесткой дня. Например, в случае с «Твиттером» российские элиты нацелены на продвижение государственного дискурса и дискредитацию оппозиционных сил среди наиболее политически активных граждан [Dergacheva, Tous-Rovirosa, 2021, p. 134].

Интернет способствует быстрому и всеохватному распространению исторических нарративов большим числом агентов

«онлайн-памяти», а в онлайн-пространстве происходит усиление фрагментации памяти [Khlevnyuk, 2019]. В исследовании Д. Хлевнюк этот тезис является основным при анализе онлайн-групп сторонников Сталина. Автор в своем исследовании показывает, что, хотя сталинисты воспринимаются как однородная группа единомышленников, существует по крайней мере три типа онлайн-сталинизма, которые продвигают разные нарративы и имеют разные цели. Первый тип групп следует традиционному национальному образцу памяти: они сосредотачиваются на победе в войне и героическом образе Сталина [ibid., p. 323]. В постах во втором типе групп используется образовательный тон, а одна из тем, которая освещается значительно больше, чем в других группах, – тема чисток [ibid., p. 324]. В третьем типе групп Сталин представлен как теоретик социализма и коммунизма, а также лидер, реализовавший мудрые экономические решения [ibid., p. 328]. Как отмечает Д. Хлевнюк, существование нескольких типов онлайн-сталинизма показывает, что социальные сети не нуждаются во всеобъемлющем нарративе. Они могут удовлетворять специфические интересы и взгляды небольших групп интернет-пользователей. Таким образом, пространство работы с памятью в Интернете склонно к меньшей унификации и большей фрагментации [ibid., p. 329].

На первый взгляд, это создает значительные препятствия для навязывания того или иного нарратива, а значит, способствует снижению информационной монополии государства как самого крупного мнемонического актора, поддерживает усиление плюрализма и делиберации в обсуждении проблем истории. Тем не менее исследователи отмечают, что гибкий характер цифровой памяти не обязательно бросает вызов авторитарному правлению и даже может работать ему на пользу, позволяя нацеливаться на удовлетворение ожиданий различных слоев фрагментированного общества [Litvinenko, Zavadski, 2020].

Большое количество акторов, обсуждающих проблемные точки истории в фрагментированном онлайн-пространстве, порождает определенные правила коммуникации, нацеленные на поиск решений волнующих их социальных проблем. Обмен аргументами играет ключевую роль в делиберативном принятии решений [Wessler, 2015, p. 139]. Важными составляющими обмена аргументами являются: «взаимность и отзывчивость: участники должны

ссылаться на аргументы друг друга; обоснование: представленные аргументы должны быть основаны на прозрачном и понятном объяснении; рациональность и комплексность: комплексность аргументов зависит от того, каким образом контраргументы интегрированы в аргумент говорящего; вежливость и идеальное восприятие ролей: акторы должны уважать друг друга, что также подразумевает, что им следует избегать провокационных высказываний и перехода на личность» [Birkner, Donk, 2020, p. 374].

Чтобы разобраться с тем, как устроено обсуждение советского прошлого в социальных сетях, руководствуются ли участники дискуссий вышеперечисленными правилами, был проведен качественный контент-анализ содержания трех записей (постов) в онлайн-группах и комментариев к ним. Цель состояла в том, чтобы рассмотреть основные темы и аргументы, а также особенности возникшего обсуждения. Были выбраны три популярные в России соц-сети: «ВКонтакте», «Инстаграм» и «Фейсбук». В них по поиску слова «СССР» были найдены группы с максимальным числом подписчиков: «Мы из СССР», «СССР Паблик № 1» и «Вспоминая СССР». Это группы обобщающей тематики – они посвящены советскому прошлому в целом: воспоминаниям о повседневной жизни, историческим событиям, ностальгии, обсуждению политических лидеров и т.п. Узкоспециализированные тематические группы (например, посвященные советскому искусству, советской науке и т.п.) не рассматривались. Краткая информация о выбранных группах дана в таблице.

В таких группах основная часть записей посвящена повседневной жизни в СССР, воспоминаниям о войне, достижениях СССР, советских военных героях, спортсменах, актерах, музыкантах, политиках. Большая часть медиаконтента в них – изображения, на которых запечатлены предметы советского быта, советская символика, советские традиции. Также публикуются фрагменты советских фильмов и музыкальных клипов. Некоторые записи неоднократно повторяются или републикуются в немного измененном виде. Из трех выбранных групп «Мы из СССР» («ВКонтакте») выделяется своим явным критическим настроением по отношению к существующему политическому режиму и социально-экономическому положению страны. Остальные две группы преимущественно носят более «мягкий», ностальгический характер.

Таблица

**Общая информация о выбранных
для анализа группах в социальных сетях**

«Мы из СССР» («ВКонтакте») Режим доступа: https://vk.com/my_iz_ccsr Более 984 тыс. подписчиков	В описании указано: «Подпишитесь, если родились в СССР». На заглавной фоновой картинке написано «СССР – вспомним лучшее». На ней изображены И.В. Сталин, Ю.А. Гагарин, два пионера с горнами – все в медицинских масках; в центре картинки – орден Отечественной войны; на втором плане видны взлет космической ракеты, советский флаг и Спасская башня Кремля. Записи в группе публикуются администратором.
«СССР Паблик № 1» («Инстаграм») Режим доступа: https://www.instagram.com/cccp.history/ Более 805 тыс. подписчиков	В описании указаны ключевые слова: «Ностальгия по СССР, советские filmy и песни, док. фото и видеокaдpы». На фото профиля изображен государственный знак качества СССР. Записи в группе публикуются администратором.
«Вспоминая СССР» («Фейсбук») Режим доступа: https://www.facebook.com/groups/178734642573116 Более 152 тыс. подписчиков	Общедоступная открытая группа. В описании сказано, что в группе «публикуются материалы, связанные с историей СССР, о жизни, людях, товарах и искусстве». На заглавной фоновой картинке изображена ладонь, с которой стекают механические часы, что, по всей видимости, является отсылкой к известной картине С. Дали «Постоянство памяти» (1934). Записи публикуются участниками группы после премодерации администратора.

Для отбора анализируемых случаев были просмотрены записи в этих группах, опубликованные в течение октября 2021 г. Материалы в группах публикуются довольно часто, а их тематика периодически повторяется, поэтому временной отрезок в один месяц был оптимальным для того, чтобы собрать необходимые эмпирические данные и сделать обобщения по ним. Критериями отбора были следующие пункты. Во-первых, запись должна носить максимально общий характер и затрагивать сразу несколько тем, касающихся советского прошлого (то есть, например, пост с изображением елочных игрушек и подписью «А у вас были такие?» не соответствует этому критерию). Во-вторых, под записью должно

быть как можно больше комментариев (в нашем случае – больше 100), поскольку это показывает дискуссионность поднятой темы и дает возможность проследить основные аргументации участников. В итоге были подобраны три записи, анализ которых представлен ниже.

1. *Запись в группе «Мы из СССР»¹ («ВКонтакте»), 26.10.2021. 110 тыс. просмотров, 4330 «лайков», 300 репостов, 610 комментариев.*

Сверху записи размещена фотография, на которой запечатлена стоящая спиной пожилая женщина на митинге с самодельным плакатом на плече со словами: «Бывали хуже времена, но не было подлей!» Снизу под фото подпись: «Народ становится похожим на своих правителей и это давно известный и доказанный факт. При Сталине у нас был по-настоящему героический народ. При Брежнев у нас был очень добрый и дружный народ. Но такого подлого и никчемного трусливого народа как сейчас у нас не было никогда»². Под этим высказыванием отдельно размещена еще одна подпись: «Так и есть».

Значительную часть комментариев под этим постом составляют взаимные оскорбления, агрессивные высказывания, провокационные выпады в адрес собеседников. Например, множество ругательных комментариев последовало после следующего высказывания одного из участников: «При Ленине и Сталине были подлые времена». Часть комментаторов просто соглашалась со сказанным в основной записи словами: «Согласен»; «В точку» и т.д., другие еще больше радикализировали сказанное: «А теперь еще и вымерший народ будет, после вакцинации...» Кто-то воспринял запись как «оскорбление россиян». Еще одна стратегия комментаторов – «примирительная», когда участник указывает на недопустимость абсолютизации приведенного в посте высказывания: «Не надо обобщать уважаемый!»; «Не надо всех под “одну гребенку” сгребать. Русский народ всегда был мудрым, не считая продажных. Они были во все времена». В целом несмотря на то что пост опубликован в группе, посвященной советскому прошлому и в записи присутствует отсылка к сравнению советских граждан и россий-

¹ Режим доступа: https://vk.com/wall-164836200_3968703 (дата посещения: 21.12.2021).

² Здесь и далее при цитировании записей и комментариев сохранены исходные орфография и пунктуация, если это не затрудняет понимание смысла высказывания.

ских, спор комментаторов был мало связан с исторической памятью и попытками найти объяснение волнующим их вопросам.

2. *Запись в группе «СССР Паблик № 1»¹ («Инстаграм»), 17.10.2021. 43,7 тыс. «лайков», 1816 комментариев.*

Сверху над фотографией размещена надпись: «А вы бы хотели вернуться в СССР?». На цветной фотографии запечатлены три молодые девушки с воздушными шарами. Девушки идут по тротуару вдоль дороги, по которой навстречу друг другу едут два трамвая, на заднем плане – жилые дома. На столбах вдоль дороги развешены красные флажки. Вероятно, фотография сделана 1 мая.

Большое количество комментариев к записи объясняется тем, что читателям задан вопрос, и тем, что на него можно ответить простыми «да» или «нет» (большинство комментариев сделаны именно в виде односложных одобрения или несогласия). Противники «возвращения в СССР» писали в основном о бедности, дефиците, железном занавесе, разрухе, очередях, пустых прилавках магазинов и т.п.

Комментарий, набравший больше всего «лайков» (600), по сути, обобщает большую часть остальных высказываний тех, кто желает вернуться в прошлое: «Как жаль, что нет у прошлого дверей... Так хочется, порой в него вернуться... Вещей – забытых, пальцами коснуться... Увидеть,.. вновь,.. живущими людей...». Здесь речь идет о желании встретиться с умершими близкими и получить возможность окунуться в советскую повседневность. Ниже перечислены две основные объясняющие модели желания вернуться в СССР и контраргументы других комментаторов к этим доводам.

Возвращение в советское прошлое из-за детских воспоминаний и как возможность воссоединения с близкими. Очень многие комментаторы, объясняя свое желание «вернуться в СССР», пишут о близких родственниках, которых уже нет с ними, но с которыми им очень хотелось бы повидаться: «Хотела бы... там мама молодая и все еще живы...»; «Очень хочется! Согласна со многими, там молодая мама счастливое, беззаботное детство!»; «Самое лучшее время, когда родители, дяди, бабушки и дедушки были живы, я, наверное, полжизни отдал бы, чтобы вернуться туда хотя бы на 1 день». Контраргументы других комментаторов исходили из кри-

¹ Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/CV1AM58MITG/> (дата посещения: 21.12.2021).

тики смешивания воспоминаний о детстве и молодости с уровнем благосостояния в СССР: «Не путайте тоску по своему детству, молодости с этим голодным и ущербным временем...»; «Все свободное время в СССР люди стояли в очередях и гонялись за дефицитом, выехать за границу практически, как полететь в космос, за жвачку могли душу отдать, на иностранцев смотрели, как на инопланетян <...> Хотеть в СССР, все равно что хотеть в детство, это единственное оправдание для тех, кто ностальгирует».

Возвращение в советское прошлое из-за тоски по советским практикам, повседневности, предметам быта и «особому духу» времени. Еще одна группа объяснений связана с желанием вновь воспользоваться какими-то предметами быта, поучаствовать в каких-либо социальных ситуациях вроде советских парадов, пионерских собраний и т.п.: «Там люди, там любовь, там патриотизм, там настоящее-человеческое, там была настоящая радость покупки, приобретению чего-либо...»; «В СССР начала 80-х да. В конце 80-х уже нет. Но там мое детство. Октябрята. Пионеры. Было что-то. Сейчас только мерзкий и отупляющий тикток»; «Жизнь была хорошая и люди добрые, а сейчас жизнь тугая и люди злые»; «С одной стороны да, потому что умели общаться без соцсетей, чаще встречались, а как играли во дворе!! <...>»; «БОЖЕ НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ ВЕРНУЛАСЬ БЫ В СССР... НИ О ЧЁМ НЕ ЖАЛЕЯ.... И ДЕТЕЙ БЫ СВОИХ ПРИХВАТИЛА БЫ... ПОДАЛЬШЕ ОТ БУЗОВЫХ, МОРГЕНХРЕНОВ, ГЕЕВ, ОТ ПРОДАЖНОЙ ВЛАСТИ, ТРАВЯЩЕЙ НАС ВСЯКИММ ВИРУСАМИ, ОТ ЭТОЙ ВСЕЙ ГЯЗИ И РАЗВРАТА!!!»

Отдельно можно выделить новый тип аргументации, связанный с тем, что, по мнению комментаторов, в СССР не было коронавируса и прививочных кампаний: «Хочу вернуться в прошлое, и жить в нем со своим ребенком. Где нет ковида, принудительной вакцинации <...>»; «Я бы хотела пожить в СССР. Хоть короны не было»; «Хотя это и не мое время, но хотела. Раньше не было такого дурдома. Особенно насчет прививок и цирка в стране».

Контраргументы к этой позиции связаны с личным опытом «плохой» советской жизни: «Нет. Мое советское детство в коммуналке с пьяными соседями. Мама медсестра с копеечной зарплатой не могла мне и школьную форму новую покупать»; «После того что теперь имеем вернуться в нищету и серость!!! Нет, нет, нет!!!»; «Похоже, что мы туда движемся. Готовьтесь к карательной психи-

атрии, срокам за инакомыслие и критику власти, блокировке интернета, цензуре, промыванию мозгов, уровню и т.д.».

Еще одна отдельная группа комментариев ставит под сомнение саму формулировку вопроса о возможности вернуться в прошлое. Они не высказываются «за» или «против» СССР, но призывают жить настоящим, а не прошлым, каким бы оно ни было: «Надо вперед двигаться, а не обратно оглядываться. Но хорошее не забывать и проецировать на будущее»; «Прошлое уже там, оно уже прошло. Живите сейчас и стройте <планы> на будущее».

3. *Запись в группе «Вспоминая СССР»¹ («Фейсбук»), 20.10.2021. 313 «лайков», 13 репостов, 133 комментария.*

Сверху над фотографией размещена надпись: «Иногда задумываюсь, а как бы мы жили сейчас, если бы СССР сохранился...» На черно-белой фотографии запечатлена группа разговаривающих людей, один человек держит на плече флажок с советским флагом. Рядом со взрослыми стоит ребенок с воздушным шаром. Вероятно, фотография сделана 7 ноября.

В комментариях под постом возник нетипичный спор вокруг фигуры Брежнева и его ответственности за «тотальную коррупцию». Хотя чаще можно встретить мнение о том, что при Брежневе СССР проживал свою «золотую эпоху», один из комментаторов указал: «Было очень много хорошего, но вот застой в СССР и тотальная коррупция в Азербайджане начались с Брежнева, но многие здесь боготворят этого врага СССР». Было озвучено еще более необычное высказывание в духе альтернативной истории, связавшее политическое устройство прошлого и настоящего: «Если бы Путин вступил в должность президента после Брежнева, то все было бы в шоколаде». Также звучали сравнения с Китаем (в позитивном ключе) и Северной Кореей (в негативном ключе). Позиция сторонников СССР в комментариях выражается в следующих высказываниях: «Прекрасно бы жили. Без нищих и олигархов. Без безработицы»; «Жили бы спокойно, без страха за завтрашний день»; «Без войны, ковида и всякой продажной нечисти!!!» Безосновательно вне хода обсуждения возникали и конспирологические версии, объясняющие распад СССР еврейским заговором. Критики СССР указывали: «Все были бы одинаковы, как куры в инкубаторе». К числу скептических

¹ Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/178734642573116/permalink/1326661137780455/> (дата посещения: 21.12.2021).

комментариев можно отнести: «Да никогда не жили нормально и никогда не будем. Такой мы народ и так нам и надо».

* * *

В материалах трех рассмотренных онлайн-групп Советский Союз представлен как важная часть национальной и персональной идентичности, индивидуального и коллективного опыта и переживаний участников. И если публикуемый контент в основном отражает положительные стороны жизни в Советском Союзе, то в комментариях обычно разворачиваются дискуссия и обмен мнениями (интернет-троллинг, провокации, оскорбления и конспирологию мы выносим за скобки). У групп есть и отличия: более агрессивная подача материала, как это видно в случае с рассмотренной записью в сообществе «Мы из СССР» («ВКонтакте»), в которой «нынешний народ» обвиняется в «подлости, никчемности и трусости», становится поводом для перехода на личности и взаимные оскорбления в комментариях, а не для обсуждения общей темы. Этот пример показывает, что обсуждение советского прошлого далеко не всегда соответствует выделенным выше правилам обмена аргументами, что, вероятно, зависит от специфики социальной сети, организаторов группы и ее аудитории. В случае, когда фреймирование через радикальные и провоцирующие высказывания не осуществляется, в комментариях, как правило, преобладают тональность ностальгических чувств, а также сравнения «светлого прошлого» с «мрачным настоящим». При этом критики и скептики идеализации советского прошлого тоже высказываются в комментариях, но делают это, приводя свою контраргументацию и делаясь личным опытом.

Специфика работы с коллективной памятью в социальных сетях связана с отсутствием разделяемого всеми или преобладающего нарратива, объясняющего все события советской и новейшей российской истории в едином ключе. Работу по созданию нарративов начинают выполнять многочисленные акторы онлайн-пространства. В ходе этого процесса конструирования новых смыслов и создания интерпретаций они опираются как на официальный дискурс политической элиты о советском прошлом и российском настоящем («если бы Путин пришел после Брежнева» как выражение идеи реставрации сильного государства), так и на свои субъективные биографии и личный опыт. При этом социальные

сети дают возможность для создания альтернативных и контрнарративов (например, высказывания о Брежневе как коррупционере или критика возврата к таким советским практикам в политике, как цензура). Онлайн-память о советском прошлом сильно фрагментирована, но это становится залогом производства многообразных высказываний о прошлом в условиях, когда для этого нет других площадок, а также отсутствует сложившийся язык описания «трудных вопросов» советской истории.

Еще один эффект, который наблюдается при работе с коллективной памятью в социальных сетях, состоит в том, что память о советском прошлом способна «поглотить» и встроить в себя практически любые происходящие в актуальном настоящем события. Это видно на примерах с упоминанием пандемии COVID-19. Советское прошлое даже в этом случае – случае непредвиденного столкновения с неизвестным вирусом – становится пространством для мнемонического эскапизма и идеализации. Люди находят в советском прошлом защиту от неопределенности, вызванной пандемией.

Нельзя не отметить и конфликтогенный потенциал обсуждения советского прошлого в социальных сетях. Фигуры Ленина и Сталина, репрессии 1930-х годов и распад государства в 1990-е годы продолжают вызывать горячие споры, в которых нет места для сотрудничества и совместного поиска решения проблемы, но есть оскорбления, угрозы и высокая степень агрессии. Многие темы, обсуждаемые в социальных сетях, продолжают оставаться не точками сборки для солидарности и коллективной идентичности, а, наоборот, источниками еще большей фрагментарности и разобщения.

A.Yu. Dolgov*

**Online memory of the Soviet past:
social networks as alternative arenas for debates about USSR¹**

Abstract. The article considers how social networks produce an online memory of the Soviet past. Social networks are described as arenas that are open and accessible to many actors. These actors operate in a freer discursive field, not limited in their activity by dominant narratives about the past. It has been noted that social media can be

* **Dolgov Alexander**, Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia); National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: adolgov@ion.ru

¹ The reported study was funded by RFBR, project number № 20-011-00709.

used by citizens as a means of discussing the shared past and can act as a counter to elite discourse.

In order to understand how the discussion of the Soviet past is structured in social media, a qualitative content analysis of three online group records and comments on them was conducted. The goal was to examine the main themes and arguments, as well as the characteristics of the discussion that emerged. Three popular social networks in Russia were chosen: Vkontakte, Instagram and Facebook. Three records with the most generalizing topic, devoted to the Soviet past, were selected.

It was shown that during the process of constructing new meanings and creating interpretations, the actors of online memory rely both on the official discourse of the political elite about the Soviet past and the Russian present and on their subjective biographies and personal experiences. At the same time, social networks provide opportunities for the creation of alternative and counternarratives. The conclusion is made about the «absorptive» properties of the memory of the Soviet past, since actors are able to build into it any current events, including the Covid-19 pandemic.

Keywords: Soviet past; online memory; social media; social networks; narratives.

For citation: Dolgov A. Yu. Online memory of the Soviet past: social networks as alternative arenas for debates about USSR. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 191–204. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.08>

References

- Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory studies*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 367–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017750012>
- Dergacheva D., Tous-Rovirosa A. Government's echo. Twitter discussions around news topics in Russian networked authoritarianism. *Russian journal of communication*. 2021, Vol. 13, N 2, P. 117–139. DOI: <https://doi.org/10.1080/19409419.2021.1874790>
- Khlevnyuk D. Narrowcasting collective memory online: “liking” Stalin in Russian social media. *Media, culture & Society*. 2019, Vol. 41, N 3, P. 317–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443718799401>
- Krawatzek F. Which history matters? Surveying Russian youth and their understandings of the past. *Problems of post-communism*. 2021, Vol. 68, N 5, P. 402–414. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2020.1753081>
- Litvinenko A., Zavadski A. Memories on demand: Narratives about 1917 in Russia's online publics. *Europe-Asia studies*. 2020, Vol. 72, N 10, P. 1657–1677. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1791801>
- Liu J. Who speaks for the past? Social media, social memory, and the production of historical knowledge in contemporary China. *International journal of communication*. 2018, Vol. 12, P. 1675–1695.
- Malinova O. Yu. Who forms official historical narrative and how? (Analysis of Russian practices). *The journal of political theory, political philosophy and sociology of poli-*

- tics Politeia*. 2019, N 3, P. 103–126. DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126> (In Russ.)
- Pušnik M. Media memorial discourses and memory struggles in Slovenia: Transforming memories of the Second World War and Yugoslavia. *Memory studies*. 2019, Vol. 12, N 4, P. 433–450. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017720254>
- Wessler H. Deliberativeness in political communication. In: W. Donsbach (ed.). *The concise encyclopedia of communication*. Chichester: Wiley Blackwell, 2015, P. 139–140. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118789353.ch4>

Литература на русском языке

- Малинова О.Ю. Кто и как формирует официальный исторический нарратив: Анализ российских практик // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2019. – № 3. – С. 103–126. – DOI: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-103-126>

КОНТЕКСТ

Ф.О. ТРУНОВ*

ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ САХЕЛЬ: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ ФРГ

Аннотация. Часть пространств, входивших в состав империй (особенно колониальных), сталкивается с возникновением и распространением очагов нестабильности на своей территории. Эта проблема может оказаться отложенной, полномасштабно возникнув спустя длительное время после провозглашения независимости. В качестве примера приводится вооруженный конфликт (с 2012 г.) в Мали, обретшей независимость от Франции в 1960 г.

Заинтересованность постимперской политики, не способной самостоятельно преодолеть разноплановое кризисное состояние, создает предпосылки принятия внешними игроками роли гарантов ее безопасного и стабильного развития. Выделяются особенности данного процесса, для его характеристики предлагается использовать концепцию приливных и отливных «волн».

Опираясь на эту методику, в статье предпринята попытка исследовать стратегическое проникновение ФРГ в Мали и в целом страны G5 Sahel (также Буркина-Фасо, Мавритания, Нигер, Чад) как зону традиционного влияния Франции. Объясняется выбор именно ее бывших владений – постимперских пространств – как приоритетных направлений применения бундесвера не только в Африке, но и Азии. Выявляются особенности и «узкие места» сотрудничества Берлина и Парижа в Сахеле в увязке со стремлением первого к достижению стратегической автономии от второго. ФРГ использовала тактику «перекатов», т.е. применения ресурсов, включая военные, на тех участках, которым сама Франция не уделяла должного внимания. Демонстрируется вклад Германии в «волны»

* **Трунов Филипп Олегович**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Россия, Москва), e-mail: ltrunov@mail.ru

многостороннего стратегического проникновения в Мали в 2013–2015 гг. (до заключения межмалийских договоренностей), во второй половине 2010-х и в начале 2020-х годов в условиях двух силовых смен власти в стране.

Ключевые слова: постимперские пространства; стратегические позиции; Германия; «сахельская пятерка»; Мали; «волны» проникновения.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Постколониальный французский Сахель: стратегическое проникновение ФРГ // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 205–223. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.09>

Значительное количество действующих зон нестабильности появилось на территориях бывших колоний. Притом часть вооруженных конфликтов на них возникла спустя длительное время после обретения странами независимости. Так, например, наиболее мощное восстание туарегов в Мали, трансформировавшееся в наступление террористических группировок, произошло в 2012 г., а суверенитет официального Бамако был провозглашен еще в 1960 г.

Круг основных причин возникновения всплеск организованного насилия на постимперских пространствах достаточно четко определяется исследователями. Это, во-первых, «хрупкость» системы управления, особенно на центральном уровне [Tilly, 1997]. Данная проблема тесно связана с другими проявлениями слабости власти: неспособностью успешно решать острые проблемы социального и экономического развития, а также низкой боеготовностью сил безопасности. Во-вторых, это вопрос неурегулированности или «консолидации» части границ в широком смысле – не только в территориальном, но также политическом, этнокультурном, экономическом [Мелешкина, 2013, с. 17]. Так, официальные территориальные линии разделения часто не встречаются признания де-факто и (или) де-юре со стороны соседей, как и части этно- и племенных меньшинств внутри самой данной страны. Иллюстрация тому – длительное (с момента деколонизации стран Французского Сахеля) стремление туарегов, проживающих на территории Мали (прежде всего), Нигера и Мавритании, к образованию собственного государства на части их территорий [Klute, 2013].

По мере нарастания остроты данных проблем руководство государства, возникшего на постимперском пространстве, становится все более заинтересованным в поиске внешних акторов, способных оказать действенную помощь в сохранении и укреплении целостности страны в различных ее проявлениях. Логично, что

часто таким гарантом выступает бывшая метрополия. Вместе с тем применительно к колониальным империям (но отнюдь не традиционным) восстановление позиций экс-имперского центра, хотя отчасти и в новых формах, сталкивается с многочисленными трудностями. Это часто наблюдаемая деградация ресурсной базы бывшей метрополии, наличие негативного проявления исторической памяти у населения постимперского пространства, а также существенно изменившиеся (по сравнению со временем провозглашения независимости) внутренние реалии и наличие жесткой конкуренции со стороны других внешних игроков – в частности, «восходящих» держав. Притом обычно руководство постимперской территории (если оно действительно осознает государственные интересы) заинтересовано в диверсификации сил, оказывающих ему помощь.

Задача данной статьи – выявить формы и особенности участия ФРГ в обеспечении безопасного и стабильного развития стран постколониального Французского Сахеля на современном этапе. Германия представляет собой едва ли не единственный пример «поднимающейся» державы среди государств – членов Евро-Атлантического сообщества. Соответственно, ее ресурсная база, присутствие и влияние на мировой арене в целом демонстрируют тенденцию к росту, хотя ее правильнее было бы описать восходящей зигзагообразной линией с большой амплитудой колебаний.

Притом ФРГ намного легче обеспечивать стратегическое проникновение в регионы, выступавшие частью постимперского пространства партнеров по ЕС и НАТО. Показателен пример группы стран G5 Sahel (Буркина-Фасо, Мавритания, Мали, Нигер, Чад) традиционной французской зоны влияния, ставших одними из основных объектов приложения Германией военных усилий вне зоны ответственности НАТО. Так, по состоянию на июль 2021 г. в Мали использовалось свыше 50% (!) от общей численности германских солдат и офицеров, применяемых вне Евро-Атлантического сообщества¹.

¹ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. – 2021. – 05.07. – Mode of access: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 20.07.2021).

Действиям ФРГ в Мали, а также в странах G5 Sahel (в меньшей степени), в том числе по вопросам сотрудничества с Францией, уделялось достаточно пристальное внимание исследователей. Давалась оценка промежуточных результатов и перспектив сохранения миротворческой миссии ООН [Tull, 2017; 2019 b], «узких мест» борьбы с международным терроризмом [Kinzel, 2020] и реформированию сектора безопасности Мали [Сидоров, 2020; Tull, 2019 a]. Однако в разрезе принятия роли внешнего гаранта безопасности постимперских пространств, ранее бывших владениями Франции, действия Германии в Сахеле еще не нашли должного освещения. Методической основой статьи выступает предложенная автором концепция приливных и отливных «волн»; использованы методы ивент- и сравнительного анализа.

Концепция отливных и приливных «волн»

Постимперские пространства, располагавшиеся до провозглашения независимости на периферии, можно разделить на две большие группы: перешедшие к модели стабильного и безопасного развития и не сумевшие достичь этого результата, а потому вынужденно готовые к появлению внешнего (обычно многостороннего) стратегического присутствия на своей территории.

Трансформацию последнего уместно охарактеризовать, обратившись к географическому явлению отливов и приливов. Отправная точка *отлива* представляет собой обретение бывшим ранее на периферии постимперским пространством независимости. В дальнейшем экс-метрополия / центр обычно быстро сокращает свое присутствие; вместе с тем остаются те или иные реперные точки влияния (феномен «островков воды») на суше во время отлива).

Началом *прилива* следует признать возникновение кризиса или цикла кризисов (управления, социально-экономического, идентичности, особенно в сопровождении нарастающих всплесков организованного насилия), угрожающих сохранению самого института государства на постимперском пространстве. Это приводит к частичному восстановлению разнопланового присутствия бывшей метрополии / центра. Однако *прилив* ни в коей мере не следует рассматривать в данном случае в качестве зеркального отражения отлива. Во-первых, последний намного масштабнее

первого, т.е. речь идет лишь о частичном восстановлении позиций, притом в основном в иных формах. Де-юре сотрудничество, или взаимодействие сторон – бывшей метрополии и колонии – осуществляется на межгосударственной основе. Соответственно, экс-центр стремится занять или укрепить свое положение как старшего партнера государства, возникшего на постимперском пространстве. Во-вторых, если уход осуществляется в мононациональном качестве (метрополией / центром), то возвращение обычно происходит в многосторонних формах, т.е. с соучастием (или конкурирующим участием) других стран.

Рассматривая участие этих игроков в организации «волн» прилива, следует подчеркнуть, что бывшая метрополия / центр обычно играет ключевую роль в самой первой «волне», «гребнем» которой часто выступает объективно вынужденное силовое (боевое) применение войск для снижения остроты кризиса на постимперской территории – прежде всего с целью ослабления радикальных сил, особенно террористических. В свою очередь соучастники используют ресурсы для осуществления последующих «волн»; в них вклад бывшего центра / метрополии начинает снижаться в удельном, а иногда и в абсолютном отношениях. Партнёры могут обращаться к *тактике «перекатов»*¹: опираясь на результаты, достигнутые в ходе наступления первой «волны», государства-участники, перелетая через нее, начинают проникать в «лакуны» (сегменты), предшествующим движением в принципе не охваченные или получающие минимум внимания со стороны бывшего центра. Если в целом для достижения успеха эта тактика положительна, то для экс-метрополии возникает двойственное положение: «перекаты» содействуют ее успехам, но они же и лимитируют возможности восстановления ее позиций на постимперском пространстве.

К вопросу значимости постимперских пространств Франции во внешней политике ФРГ

В случае Франции партнерами, оказывавшими ей поддержку в Сахеле, являлись государства – члены ЕС и НАТО, а также Афри-

¹ Впервые данная тактика была разработана и применена в военной сфере в ходе «Брусиловского прорыва» (1916) на Восточном фронте.

канского союза (АС). Из числа первых наиболее активную помощь предоставляли Германия, Великобритания, Эстония, Швеция и Нидерланды [Hanish, 2015; Tull, 2019 b], притом наиболее масштабным по объему и числу треков был именно вклад ФРГ. Почему? И Франция, и Германия на различных этапах исторического развития проходили путь как традиционной (в частности, официальный Париж в эпоху Наполеона I), так и колониальной (официальный Берлин при Вильгельме II) империй. Однако преобладающим для Франции было существование как колониальной империи, а Германии – напротив, традиционной. Это положение обеспечивало различия в стратегиях и тактиках внешнеполитического поведения двух стран, включая современность, когда деколонизация была пройдена. Новизна ФРГ как военно-политического игрока в Африке, с одной стороны, являлась определенным недостатком, вынуждая искать партнеров. С другой стороны, существенным преимуществом, не лимитирующим активность негативным восприятием ее прошлого как колонизатора для большинства стран континента.

Случаен ли тот факт, что ФРГ сфокусировалась на зоне традиционного влияния Франции, а не других партнеров по НАТО (прежде всего, Великобритании)? Представляется, что нет. В 2000-е – начале 2020-х годов масштабное (с де-юре установленным «потолком»¹ от 1,2 тыс. военнослужащих²) применение бундесвера имело место на пяти географических направлениях: в Афганистане (в 2002–2014 гг. и, после резких сокращений, вновь в 2018–2021 гг.), Ливане (2006–2009), Аденском заливе (2008–2015), сирийско-иракском (2015–2018) и Мали (с 2018 г.). По состоянию на июль 2021 г. бундесвер продолжал использоваться на всех данных географических векторах (кроме афганского). Однако показатели масштаба использования германских войск демонстрировали нисходящую динамику³. Противоположная тенденция наблюдалась в Мали.

¹ «Потолок», устанавливаемый бундестагом, являлся предельно допустимым размером контингента. На практике почти во всех случаях его численность составляла не более 80–90% от максимально разрешенной.

² Отметка в 1,2 тыс. избрана, так как количественно (с учетом резервных, т.е. чаще всего де-факто вакантных мест) является эквивалентом батальонной тактической группы (БТГ). БТГ в военной сфере на современном этапе рассматривается базовым «кирпичом» при формировании группировок различного предназначения.

³ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. – 2021. – 05.07. – Mode of access:

Из пяти направлений три, а точнее, 2,5, т.е. ливанское, сирийское (но не иракское) и малийское, исторически входили в состав французской колониальной империи (в первых двух случаях – в качестве подмандатных территорий между двумя мировыми войнами). Причем именно в Ливане и Мали военное присутствие ФРГ, тесно связанное с укреплением политического влияния, оказалось наиболее прочным, будучи подкреплено возникновением достаточно разветвленных связей с руководством стран на пост-имперском пространстве.

Вне зоны ответственности НАТО ФРГ последовательно придерживалась концепции «стратегической сдержанности», отказываясь от силового использования бундесвера в существенных масштабах в принципе. Неся с собой ряд преимуществ (особенно имиджевого характера), эта тактика резко снижала возможности Германии в борьбе с незаконными вооруженными формированиями (НВФ), разгром которых, или как минимум нанесение им поражения, требовались для последующего выхода на траекторию стабильного развития. Тем самым в собственно военном плане ФРГ зависела от партнера (партнеров), несших на себе основную нагрузку непосредственно в боевых действиях с НВФ. В Афганистане таковыми были США, на сирийско-иракском и малийском направлениях – Франция. В Месопотамии ФРГ в декабре 2015 г. демонстративно сделала выбор между США и Пятой республикой в пользу последней; а в Мали боевая операция Serval (январь 2013 г. – июль 2014 г.) стала первой «волной», обеспечившей возможность старта деятельности ФРГ.

Официальный Париж оказывается наиболее предпочтительным партнером в выборе постимперских пространств, ранее входивших в число его владений, для принятия на них Германией роли внешнего гаранта безопасности. Это обусловлено высокой динамикой и промежуточными результатами двусторонних отношений: Франция (наряду с Нидерландами) входит не только де-юре, но и де-факто в число ближайших союзников ФРГ. Пятая республика на практике является в целом намного более предсказуемым и надежным для ФРГ партнером, чем США (особенно в период трампизма, результаты которого администрация Дж. Бай-

дена объективно вынуждена учитывать) и Великобритания (с учетом Брекзита). Данная черта объясняется в том числе растущей диспропорцией между в целом уменьшающимися возможностями Франции и растущими – Германии [Чернега, 2019, с. 165–169]. Это порождает заинтересованность Франции в помощи Германии в своих традиционных зонах влияния, но при условии передачи официальному Берлину части восстанавливаемых / сохраняемых позиций в них, что видно в случае G5 Sahel.

Особенности принятия ФРГ роли внешнего гаранта безопасности Мали в 2010-е годы

В условиях обрушения режима Джамахирии в 2011 г., ключевой причиной чего стало силовое вмешательство группы стран – участниц НАТО во главе с Францией и Великобританией (напротив, ФРГ отказалась от боевого использования бундсвера), туареги, ранее служившие в армии Ливии, с легким вооружением и транспортной техникой переместились на север Мали. Этот фактор, вкупе с «хрупкостью» системы управления данного государства, обеспечил победы повстанцев на севере Мали с весны 2012 г., провозгласивших независимое государство Азавад. Дальнейшие успехи восставших могли привести не только к обрушению института государства в Мали, но и к фактической перекройке границ всего пространства стран G5 Sahel. Причем наблюдалась стремительная радикализация сил антиправительственных комбатантов: «умеренные» туареги к осени 2012 г. были оттеснены, а ведущую роль стали играть террористические группировки «Ансар Ад-дин» и «Аль-Каида в Магрибе». Символами острейшего кризиса в Мали стали утрата контроля над более чем половиной территории, но и силовое смещение военными действующего президента¹, т.е. делегитимизация центральной власти.

В первой половине января 2013 г. Франция, совместно с еще сохранившими боеспособность правительственными войсками, начала боевую операцию Serval, что привело к поражению террористических группировок, очищению боевиками населенных

¹ Aktueller Begriff. Hintergründe des Militärputsches in Mali von Mai 2021. – Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste, 2021. – S. 1–2.

пунктов в северных провинциях Гао, Кидаль и Томбукту уже к весне 2013 г., однако отнюдь не к полному разгрому террористических образований. В случае ФРГ лишь в середине февраля 2013 г. Бундестаг санкционировал использование небольших (с «потолками» численности в 150 и 180 военнослужащих соответственно) контингентов бундесвера в миссиях: миротворческой AFISMA (к лету 2013 г. трансформировалась в MINUSMA) и военно-тренировочной EUTM Mali¹. До второй половины 2015 г. Германия исключительно осторожно подходила к использованию военного инструментария: он применялся лишь для логистической и медицинской поддержки французских войск, а также переобучения имевшихся и подготовки новых (на уровне от отдельно взятого бойца до батальонной тактической группы) кадров армии Мали, т.е. исключительно в тылу². Почему? Не имея стратегического опыта действий на пространстве Сахеля, официальный Берлин ожидал формального урегулирования конфликта в Мали: в июле – августе 2013 г. в южных и центральных провинциях страны прошли президентские выборы (победил И.-Б. Кейта). Следующим важнейшим шагом стало заключение 15 мая и 20 июня 2015 г. межмалийских – между представителями официального Бамако и «умеренных» туарегов – договоренностей о примирении, в основе которых лежал отказ от создания независимого Азавада в обмен на федерализацию Мали, т.е. предоставление более широких прав северным провинциям. Переговоры проходили в Алжире – не только соседу, но части постимперского пространства, где позиции Франции были сильны, притом посредниками (а фактически – модераторами) выступили не только французские, но и германские дипломаты³. Тем самым была как минимум де-юре, осуществлена внутренняя (в пределах Мали) легитимизация властей – как вновь избранных центральных, так и муниципальных с участием «умеренных» туарегов в Гао, Кидале и Томбукту.

¹ Antrag der Bundesregierung. Entsendung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Beteiligung an der EU-geführten militärischen Ausbildungsmission EUTM Mali. – Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/12367, 19.02.2013. – S. 2–4.

² Ibid.

³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.2016. – S. 5–6.

Тем самым открывалось широкое «окно возможностей» для интенсификации усилий Германии. Это обеспечивалось и тем, что уже в 2013–2015 гг. ФРГ стала активно использовать возможности «треугольника» АС – ООН – ЕС и одновременно отказалась от участия не только в операции Serval, но и в сменившей ее Barkhane (притом в последней приняла участие Великобритания), которые проводились Францией в национальном качестве. Чем объяснялось различие? Вероятно, желанием официального Берлина не слепо следовать в фарватере политики руководства Пятой республики, но обеспечить себе автономию, действуя исключительно в рамках многосторонних механизмов. Речь шла об оных либо с ведущим участием стран Африки (после трансформации миссии AFISMA в MINUSMA государства – члены АС продолжили с точки зрения численности миротворцев играть ключевую роль), либо в тесном согласии с ними: военно-тренировочная миссия ЕС готовила кадры сил безопасности самой Мали, стремясь к активному сотрудничеству с другими странами Сахеля. Вновь обученные инструкторами EUTM Mali части правительственных войск «в поле» координировали усилия с контингентами стран АС в MINUSMA.

Соответственно, уже к середине 2010-х годов ФРГ подготавливалась действовать по схеме «перекаатов». Используя результаты первых «волн» укрепления позиций внешних игроков в Мали с исключительным / определяющим участием Франции, Германия стала наращивать вклад в осуществление последующих, стремясь затронуть своей деятельностью новые сегменты. Достигая автономии от официального Парижа, Берлин более осторожно и тонко подходил к использованию военного инструментария, всячески стремясь избежать возможной критики в союзном с Францией неокOLONIALИЗМЕ.

Уже с 2013–2014 гг. ФРГ стала «рамочным государством» среди стран – участниц ЕС по числу инструкторов и объему усилий в рамках EUTM Mali. На фоне успешного старта имплементации межмалийских договоренностей мая – июня 2015 г. официальный Берлин принял решение о резком увеличении «потолка» своего контингента в составе MINUSMA (до 650 военнослужащих¹) и,

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der

главное, запуске наземной деятельности с ее осуществлением в наиболее конфликтогенных провинциях Гао и Кидаль [Hanish, 2015, р. 1–3]. В 2017–2018 гг. максимальная планка для германских военных была увеличена еще в 1,7 раза (до 1100 солдат и офицеров), а ассигнования выросли почти в 8 раз (до 268,8 млн евро)¹. Бундесвер принял на себя функции «рамочной нации» сразу в двух важных отношениях: охране и функционировании базы «Лагерь Кастро» в Гао – основном центре дислокации сил MINUSMA на севере Мали, а также осуществлении войсковой разведки. Для ее проведения ФРГ выделила группировку тактических беспилотных аппаратов (40 машин германского производства типа LUNA²). Отнюдь не занимая технологически ведущих позиций в данной сфере в мире, этой мерой Германия стремилась обеспечить мягкое «лидерство» среди стран АС, предоставивших контингенты в состав MINUSMA: количественно они составляли большинство «голубых касок», однако их техническое оснащение было недостаточным.

Продолжая координировать усилия с Францией, во второй половине 2010-х годов ФРГ установила прямой контакт на всех уровнях с руководством Мали, вплоть до высшего. Одновременно диалог поддерживался и с представителями «умеренных» туарегов, игравшими значимую роль в деятельности муниципальных органов власти на севере страны³. На субъектном (уровень провинций), как и общестрановом уровнях сотрудничество было разноплановым. Так, МИД ФРГ осуществлял мониторинг выполнения межмалийских договоренностей (2015). Результатом этого стало донесение А. Меркель до И.-Б. Кейты обеспокоенности медленным ходом предоставления расширенных прав северным районам

Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7206, 06.01.2016., S. 2–4.

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1098, 17.03.2018. – S. 2–6.

² Ibid.

³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmission EUTM Mali. – Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/8971, 03.04.2019. – S. 6–7.

страны¹. Усилия германских военных инструкторов по обучению батальонов армии Мали, в основном направляемых в Гао, Кидаль и Томбукту, сочетались не только с растущей миротворческой активностью бундесвера (в том числе обеспечением охраны участков во время избирательного процесса), но и активным участием Министерства экономического сотрудничества и развития в реализации программ обводнения полупустынных районов и в целом – подъеме сельского хозяйства². Президентские выборы в Мали в июле – августе 2018 г. (приведшие к переизбранию И.-Б. Кейты) были проведены – успешно, с соблюдением мер безопасности – уже на всей территории страны, что существенно повысило легитимность ее руководства³.

На фоне декларируемых успехов в Мали к началу 2020-х годов ФРГ интенсифицировала диалог с другими странами G5 Sahel, особенно в сфере безопасности: и в данном случае трехсторонняя кооперация (с Францией) сочеталась с растущим числом двусторонних (без официального Парижа) контактов. Так, с 2018 г. для нужд бундесвера стал использоваться аэропорт г. Ниамей. Обыгрывая ведущий вклад в деятельности EUTM Mali, ФРГ в 2019 г. предложила Буркина-Фасо и Нигеру свою техническую (обучение, оснащение) помощь в создании мобильных полицейских групп⁴. Они должны были принять повышенную нагрузку в борьбе с мелкими отрядами террористических группировок, неконтролируемым перемещением масс беженцев из глубинных районов Африки через эти страны (и Мали) далее к находящейся в состоянии конфликта «всех против всех» Ливии и через Средиземное море – в ЕС. Борьба с угрозами нестабильности выступала

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Republik Mali, Keita in Berlin. – 2019. – 08.02. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-republik-mali-keita-1578816> (accessed: 20.07.2021).

² Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. – S. 9–10.

³ Ibid., S. 6.

⁴ Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel beim Besuch in Niamey. – 2019. – 3.05. – Bundeskanzleramt. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-beim-besuch-in-niamey-1605452> (accessed: 20.07.2021).

важной объективной причиной растущей вовлеченности ФРГ в обеспечение безопасности стран G5 Sahel [Hanish, 2015]. Не менее значимой оставалась вторая причина, уже субъективная: обеспечение стратегического проникновения на это постимперское пространство. Символом успеха стало *прецедентное* дипломатическое турне А. Меркель по ряду стран региона (Буркина-Фасо, Нигер, Мали) в мае 2019 г.¹, что показывало рост позиций ФРГ в этой традиционной зоне влияния Франции.

Вместе, но параллельно?

Тактика Германии во французском Сахеле на рубеже десятилетий

Однако достигнутые при участии ФРГ успехи оказались непрочными. Как минимум с первой половины 2019 г. германская сторона стала выражать растущую обеспокоенность тем, как власти Мали использовали предоставляемую огромную внешнюю помощь. Наиболее острой проблемой стало восстановление террористических структур: большинство из них объединились под эгидой «Исламского государства»² в Большой Сахаре», пойдя на сращивание с силами организованной преступности. Притом основной очаг располагался уже не в северных провинциях, а на юге и юго-востоке – сопредельных с Буркина-Фасо территориях и его же приграничных районах, т.е. в части Мали, считавшейся до того наиболее спокойной³. Власти Мали допускали грубые ошибки в различных сферах, во внутривнутриполитической – неготовность наделять широкими полномочиями муниципальные власти в северных провинциях, содействуя тем самым восстановлению сепаратистских настроений⁴, в военной – применение переобученных

¹ Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel beim Besuch in Niamey. – 2019. – 3.05. – Bundeskanzleramt. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzlerin-merkel-beim-besuch-in-niamey-1605452> (accessed: 20.07.2021).

² Запрещенная в РФ террористическая организация.

³ Unterrichtung durch die Bundesregierung. Bericht der Bundesregierung zur Lage und zum deutschen Engagement in Mali/Sahel. Aktuelle Lage, Ziele und Handlungsfelder des deutschen Engagements. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/18080, 25.03.2020. – S. 12.

⁴ Ibid., S. 5–6.

миссией EUTM Mali батальонов мелкими подразделениями (на уровне не более роты) [Сидоров, 2019], что резко снижало их эффективность в борьбе с НВФ.

Германская сторона стремилась повысить результативность своих усилий, оказывая большее давление на власти в Бамако, одновременно стремясь обеспечить «эффект переплескивания», т.е. облегчить положение дел в Мали решением проблем безопасности в близлежащих странах. Помимо помощи в обучении полиции Буркина-Фасо и Нигере, это выражалось в масштабных поставках наземных и морских вооружений в Алжир, а также запуске «Берлинской конференции» по Ливии (январь 2020 г.), направленной на выработку условий прекращения «войны всех против всех». Притом в данном случае Германия играла роль старшего партнера Франции¹.

Пандемия COVID-19 привела к частичному «замиранию» мирополитических процессов: внимание государств, особенно в первую волну эпидемии (март – июнь 2020 г.), предельно перефокусировалось «вовнутрь». Так, из состава обеих заграничных миссий в Мали была выведена значительная часть контингентов в ФРГ [Major, Schulz, Vogel, 2020, S. 2–3]. Притом в апреле – мае 2020 г. Бундестаг в очередной раз пролонгировал на год мандаты бундесвера в составе миссий MINUSMA и EUTM Mali, в случае второй миссии формальный «потолок» был увеличен с 350 до 450 военнослужащих, а зона применения расширена с одной на все пять (!) стран G5 Sahel². Это свидетельствовало о стремлении ФРГ установить встроенный (через инструкторов, обучающихся новобранцев и переподготавливающих опытных бойцов и советников при штабах всех уровней) контроль над «военными машинами» региональных игроков, прочно утверждаясь на данном постимперском пространстве. Тот факт, что решение было принято в разгар пандемии, отчетливо свидетельствует о его плановом (как минимум с 2018 г.) характере. Продолжая отказываться от

¹ Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen. – 2020. – 19.01. – Mode of access: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (accessed: 20.07.2021).

² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali). – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19002, 06.05.2020. – S. 1–3.

присоединения к операции Barkhane, ФРГ, координируя усилия с Францией, последовательно сосредотачивала максимум усилий в рамках миссии EUTM Mali, где она уверенно играла роль «рамочной нации»¹.

В период пандемии произошло резкое усложнение ситуации в Мали. Недовольство широких кругов оппозиции результатами выборов в парламент 19 апреля 2020 г. переросло в «Движение 5 июня», требовавшее отставки И.-Б. Кейты. 18–19 августа 2020 г. военные захватили власть, арестовав президента (который в итоге распустил Национальное собрание) и правительство Мали, и создали Национальный комитет спасения (НКС). Ситуация в стране де-юре вернулась к 2012 г., означая полную делегитимизацию власти.

Какой оказалась линия ФРГ? Призывая к соблюдению законности – освобождению экс-руководства Мали и назначению даты новых выборов в парламент – официальный Берлин не отказался от контактов с переходными властями². Германия продолжила реализацию программ помощи сельскому хозяйству, особенно на севере Мали, сохраняя тесные контакты с муниципальными властями³. Показательно, что к сентябрю 2020 г. фактическая численность контингента MINUSMA вернулась на уровень периода до пандемии, а EUTM Mali – составлял порядка 80% от показателя декабря 2020 г. В апреле 2021 г. Бундестаг вновь пролонгировал мандаты в обеих миссиях, притом «потолок» контингента в составе военнотренировочной миссии ЕС был увеличен до рекордных 600 инструкторов (!)⁴, на деле, однако, не превышая 20% от этого числа (в случае MINUSMA – свыше 80% от предельного количества⁵).

¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union als Beitrag zur Ausbildung der malischen Streitkräfte (EUTM Mali). – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/19002, 06.05.2020. – S. 1–3.

² Auswärtiges Amt zu den jüngsten Entwicklungen in Mali. – 2020. – 08.10. – Mode of access: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2403726> (accessed: 20.07.2021).

³ Ibid.

⁴ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Militärmission der Europäischen Union EUTM Mali. – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/28804, 21.04.2021. – S. 1–2.

⁵ Anzahl der an internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista.de. – 2021. – 05.07. – Mode of access:

Тем самым ФРГ продолжала сохранять уровень присутствия, достигнутый в ходе предшествующих «волн» проникновения в Мали, одновременно подготавливая потенциал для его наращивания. Миссия EUTM Mali приобретала особое значение сразу в нескольких отношениях. Сохранение встроенного контроля над подготовкой правительственных войск (включая спецназ) обеспечивало стабильный неофициальный контакт с военными, де-факто руководящими переходными властями. Одновременно Германия могла рассчитывать на повышение эффективности борьбы с террористическими группировками, в том числе с использованием своей помощи Мали. Вместе с тем оставался открытым вопрос о степени влияния на малийских военных со стороны официального Берлина и Парижа.

В сентябре 2020 г. НКС согласился на 18-месячный переходный период с формальной передачей власти временному президенту Ба Ндау, сформировавшему кабинет. Будучи недовольными действиями новой администрации, военные 24 мая 2021 г. повторно осуществили силовое оттеснение гражданских представителей от управления страной, подчеркнув готовность провести парламентские выборы в оговоренный срок (февраль 2022 г.). Притом в Мали стало нарастать недовольство присутствием Франции, подогреваемое негативным восприятием исторической памяти. На этом фоне последовало эмоциональное заявление президента Э. Макрона о готовности прекратить операцию Barkhane, выведя французские войска из Мали¹. Осуществление этой меры, представляя «волну» отлива, означало критическое ослабление позиций Пятой республики на постимперской территории², создавая существенные трудности и для ФРГ. Критическим для нее стал бы вопрос боевого применения бундесвера: потребность в этом возникла в условиях свертывания миссии Barkhane, что стимулировало бы дальнейшую активизацию НВФ. Безусловно, ключевая нагрузка ложилась на самих малийских военных, но представляет-

<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (accessed: 20.07.2021).

¹ Францию обидели в Африке: там ждут Россию. – 2021. – 03.06. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210603/politika-1735330640.html> (дата посещения: 20.07.2021).

² France is one step closer to withdrawal from Mali. – 2021. – 15.12. – Режим доступа: <https://www.africanews.com/2021/12/15/france-is-one-step-closer-to-withdrawal-from-mali/> (дата посещения: 20.12.2021).

ся, что в одиночку они не способны справиться с этой задачей. Не отреагировав на заявление Э. Макрона, ФРГ продолжала сохранять уровень активности в Мали и странах G5 Sahel¹.

О чем это свидетельствовало: о стремлении сохранить присутствие здесь любой ценой, даже в случае ухода Франции, или было закамуфлированной формой подготовки к экстренной эвакуации? На фоне осуществления таковой из Афганистана в апреле – июне 2021 г. (вследствие итогового решения администрации Дж. Байдена выполнить договоренности с «Талибаном», выработанные при Д. Трампе), исключительных сложностей с созданием полноценного военного присутствия на Ближнем Востоке вывод бундсвера из Мали был бы равнозначен геостратегическому поражению. Готова ли к нему ФРГ, особенно в условиях окончания «эры» А. Меркель? Ответ отрицательный.

* * *

Опираясь на результаты первых «волн» восстановления позиций Франции в Сахеле, Германия, избрав в основном тактику «перекаатов», стремилась обеспечить полноценное политико-военное проникновение в Мали (особенно с 2015–2016 гг.) и страны G5 Sahel в целом (с 2018–2019 гг.). Степень автономности действий официального Берлина от Парижа существенно возросла, однако она недостаточна как минимум на *ближнесрочную* перспективу, чтобы взять на себя полноту ответственности как единственного основного внешнего гаранта безопасности этого постимперского пространства. Отсюда проистекает наиболее вероятная линия действий ФРГ, состоящая из трех тесно связанных компонент. Это, *во-первых*, стимулирование Франции к частичному сохранению имевшихся объемов сотрудничества, в чем официальный Париж, исходя из традиционного прочтения своих интересов, должен быть заинтересован. Возможности для этого создает уровень и разветвленность двустороннего сотрудничества в целом. *Во-вторых*, дальнейшая интенсификация использования «треугольника» ЕС – ООН – АС. *В-третьих*, наращивание объемов

¹ Aktueller Begriff. Hintergründe des Militärputsches in Mali von Mai 2021. – Deutscher Bundestag: Wissenschaftliche Dienste, 2021. – S. 1–2.

сотрудничества с другими (вне Мали) странами G5 Sahel, что будет стимулировать к сотрудничеству официальный Бамако, а также даст определенную «страховку» (посредством диверсификации) присутствия ФРГ в регионе. Одновременно две крайние составляющие могут обеспечивать дальнейший рост самостоятельности Германии по отношению к Франции в качестве внешнего игрока на территории G5 Sahel.

Ph.O. Trunov*

Postcolonial French Sahel: FRG strategic penetration

Abstract. Some of post-imperial spaces (especially former colonial ones) face with the emergence of hotbeds of instability on their territory. This problem may be delayed and has emerged long after the declaration of independence. One of the key examples is the armed conflict in Mali (since 2012) that was part of former French colonial empire.

If the state cannot independently overcome a diverse internal crisis, it will have interest in playing by external actors the roles of its secure and stable development guarantees. The article shows the features of this process, using the concept of tidal and ebb “waves”.

The author tries to explore German strategic penetration to Mali and G5 Sahe countries (also Burkina Faso, Mauritania, Niger, Tchad) as the traditional zone of French interests. The scientific paper issues why exactly the post-imperial spaces of former French colonial empire were the key directions of Bundeswehr usage not only in Africa but also in Asia. The features and “narrow places” of German-French cooperation in Sahel is presented. Berlin has been trying to achieve strategic autonomy from France in the region. Germany has used the “roll-over” tactic. It means the usage of the resources, including military, in areas that France itself did not pay due attention to. The article shows FRG’s contribution in multilateral strategic penetration into Mali in 2013–2015 (before the signing of inter-Malaysian agreements), during the second half of 2010-s and in the beginning of 2020-s where there were two military coups in the country. The paper concludes about the perspectives of strengthening of German line in «G5 Sahel» countries for the perspective.

Keywords: post-imperial spaces; strategic positions; Germany; “G5 Sahel”; Mali; “waves” of penetration.

For citation: Trunov Ph.O. Postcolonial French Sahel: FRG strategic penetration. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 205–223. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.09>

* **Philipp Trunov** Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: 1.trunov@mail.ru

References

- Hanish M. A new quality of engagement Germany's extended military operation in northern Mali. *Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Security Policy Working Paper*. 2015, N 8, 5 p.
- Kinzel W. Mali, der Terror im Sahel und Covid-19. *SWP-Aktuell*. 2020, N 27, 4 S. DOI: <http://doi.org/10.18449/2020A27>
- Klute G. *Tuareg-Aufstand in der Wüste. Ein Beitrag zur Anthropologie des Krieges und der Gewalt. Mit einem Geleitwort von Trutz von Trotha*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 2013, 696 s.
- Major C., Schulz R., Vogel D. Die neuartige Rolle der Bundeswehr im Corona-Krisenmanagement. *SWP-Aktuell*. 2020, N 51, 8 S. DOI: <https://doi.org/10.18449/2020A51>
- Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: features of the formation of states and nations. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 10–29. (In Russ.)
- Sidorov A.S. The African peace and security architecture and the Sahel conflict. *Russia and the contemporary world*. 2020, N 3, P. 175–190. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.03.11>
- Tchernega V.N. France and Germany: The dialectics of cooperation and competition. *Urgent problems of Europe*. 2019, N 4, P. 158–171. DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.09> (In Russ.)
- Tilly Ch. How empires end. In: Barkey K., von Hagen M. (eds). *After empire: multiethnic societies and nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder; Oxford: Westview press, 1997, P. 1–11.
- Tull D.M. Mali und G5: Ertüchtigung des Sicherheitssektors. *SWP-Aktuell*. 2017, N 76, 4 S.
- Tull D.M. Rebuilding Mali's army: the dissonant relationship between Mali and its international partners. *International affairs*. 2019 a, Vol. 95, N 2, P. 405–422. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iiz003>
- Tull D.M. UN Peacekeeping in Mali. *SWP-Aktuell*. 2019 b, N 23, 4 S. DOI: <http://doi.org/10.18449/2019A23>

Литература на русском языке

- Мелешикина Е.Ю. Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Сидоров А.С. Африканская архитектура мира и безопасности и конфликт в Сахеле // Россия и современный мир. – 2020. – № 3. – С. 175–190. – DOI: <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.03.11>
- Чернега В.Н. Франция и Германия: Дialeктика сотрудничества и соперничества // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4. – С. 158–171. – DOI: <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.09>

О.Г. ХАРИТОНОВА, И.В. КУДРЯШОВА*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ И РЕЖИМНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПЕНЕ ПОПУЛИСТСКОЙ ВОЛНЫ¹

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблематике популистских режимов, их соотношению с демократией и авторитаризмом и путям эволюции. С этой целью проводится критический анализ подходов к концептуализации популизма и предпринимается попытка систематизации выделенных концептов с помощью маневрирования на лестнице абстракции, а затем – радиальной категоризации, которая была осуществлена на основе минималистского определения популизма К. Мюдде. В результате выделены такие виды популизма, как идейный, персоналистский и харизматический, что позволяет адаптировать этот концепт к сравнительным исследованиям.

При оценке возможности классификации популистских режимов отмечено, что несмотря на активное использование этого словосочетания в научной литературе и публицистике, сам популистский режим очень редко концептуализируется как отдельный тип режима, и по большей части отождествляется с персоналистским режимом или рассматривается как подтип демократии. Развитие подхода Б.Г. Питерса и Дж. Пьера позволило прийти к выводу, что популизм является режимной модификацией, свойственной всем типам политических режимов; в первую очередь к ней предрасположены демократические и гибридные

* **Кудряшова Ирина Владимировна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru; **Харитоновна Оксана Геннадьевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: o.haritonova@inno.mgimo.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011–31622.

режимы. Соответственно, эволюция популистских режимов может происходить разнонаправленно.

Выдвинуто предположение, что возникновение популистских режимов (или, точнее, популистских модификаций) в политиях разного уровня политического развития означает, что подобные режимы появляются в ответ на содержательно разные общественно-политические вызовы. В первом случае они способствуют переопределению критериев эффективности правящих элит и демократического управления в целом, во втором – поддерживают общую рамку странового политического процесса за счет заполнения институциональных лакун.

Ключевые слова: популизм; концептуализация популизма; политический режим; популистский режим; популистская трансформация; деkonsолидация демократии.

Для цитирования: Харитонов О.Г., Кудряшова И.В. Политические режимы и режимные изменения в пене популистской волны // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 224–244. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>

Усиление популистского тренда отмечается во множестве отечественных и зарубежных исследований: ученые говорят о «новом популизме» [Володин, 2020], «новой популистской волне» [Martinico, 2021], «популистском возрождении» [Roberts, 2007, p. 3], «популистском моменте» (*populist moment*) [Mouffe, 2016 a] и даже «популистском духе времени» (*populist Zeitgeist*) [Mudde, 2004, p. 563]. По мнению И. Крастева, «популизм – новое состояние, при котором конфликт между правыми и левыми, реформаторами и консерваторами уступает место противостоянию между элитами, подозрительно относящимися к демократии, и возмущенной общественностью (*angry public*), враждебной либерализму» [Krastev, 2007, p. 63].

И в публицистике, и в научной литературе получило распространение словосочетание «популистский режим» (см., например: [Gárdos-Orosz, Szente, 2021; Acemoglu, Egorov, Sonin, 2013; Варенцова, 2014]), что свидетельствует о значимости проблематики таких режимов. Однако его использование носит во многом произвольный характер, а содержание остается скорее намеченным, чем концептуализированным. По-прежнему открыт вопрос о том, могут ли подобные режимы быть вписаны в известные режимные типологии – и если могут, то каким образом.

В настоящей статье предпринята попытка восполнить этот пробел. Чтобы разобраться, в чем состоит проблематика популистских режимов, как они соотносятся с демократией и авторитариз-

мом и как способны трансформироваться, мы (а) проведем критический анализ подходов к концептуализации популизма; (б) попробуем систематизировать предлагаемые концепты с помощью маневрирования на лестнице абстракции, а затем – радиальной категоризации; (в) рассмотрим возможность классификации популистских режимов и (г) оценим влияние популизма на режимные изменения.

Гипотеза исследования сформулирована нами следующим образом: популистский режим является не отдельным типом режима, а режимной модификацией, которая может иметь место в режимах любого типа; в наибольшей степени ее возникновению способствуют демократические и гибридные режимы. Исследование проведено на основе анализа научной литературы по проблематике популизма и типологизации политических режимов.

Подходы к концептуализации популизма

Попытка классификации популистских режимов предполагает анализ подходов к концептуализации и операционализации самого феномена популизма. В этом разделе мы будем опираться на исследование К. Мюдде и К. Ровиры Кальтвассера, которые выделяют три таких подхода: идеационный, политико-стратегический и социокультурный [Mudde, Rovira Kaltwasser, 2018].

Классическим в рамках идеационного подхода считается определение К. Мюдде, который понимает популизм как «ненасыщенную» (*thin-centered*) идеологию, разделяющую общество на две антагонистические однородные группы – «истинный народ» и «коррупцированную элиту», и основанную на том тезисе, что политика должна представлять собой выражение «общей воли» (*volonté general*) [Mudde, 2004, p. 543]. Такое определение позволяет включать в список наблюдений и правые, и левые идеологии в рамках любых политических режимов и одновременно «отделить популизм от его двух противоположностей – элитизма и плюрализма» [Mudde, Rovira Kaltwasser, 2018, p. 1672].

Некоторые авторы считают, что сложно концептуализировать популизм как отдельную идеологию из-за ее ненасыщенности (*thinness*). Другая причина размытости концепта – отсутствие общего исторического или генеалогического референта (кроме На-

родной партии («Популисты») в США) [Moffit, 2016, chapter 1]. Действительно, популизм часто представляет собой вторичную характеристику «насыщенных» идеологий [подробнее см.: Mudde, Rovira Kaltwasser, 2018], которая добавляется к основным идеологическим элементам с целью привлечения более широкого круга сторонников. Представители данного подхода изучают как «предложение» – популистский дискурс [Bonikowski, 2017] и популистский стиль [Moffitt, 2016], так и «спрос» на популистов – предпочтения избирателей [Akkerman, Zaslove, Spruyt, 2017].

Менее распространенный вариант концептуализации популизма представлен политико-стратегическим подходом. В частности, К. Вейланд определяет популизм как политическую стратегию персоналистского лидера, базирующуюся на прямой неинституционализированной поддержке последователей из разных слоев общества [Weyland, 2020, p. 391]. Согласно П. Кенни, популизм – это направляемая харизмой мобилизация масс с целью получения власти [Kenny, 2021]. При этом харизматическое лидерство понимается не как индивидуальное качество, а как коллективный процесс, в котором важны роли и лидера, и его сторонников. Такое лидерство отличается отсутствием посредника (формальной структуры или неформальных связей) в отношениях между ними, поэтому отличительной характеристикой популистской стратегии будет ее персоналистская сущность. Язык и стиль лидерского поведения расцениваются как побочный продукт популистской стратегии [ibid.]. Таким образом, из поля исследования выпадают популистские движения и режимы, не имеющие харизматичного лидера.

Несколько иную позицию занимает К. Мюдде, по мнению которого харизма и наличие прямой связи между лидером и народом не являются определяющими составляющими популизма [Mudde, 2004, p. 545]. Популизм и харизматичность – разные проявления лидерского поведения, которое может быть харизматичным по коммуникационному стилю и непопулистским по содержанию, и наоборот. Примеры двух современных харизматичных лидеров – популиста Д. Трампа и непопулиста А. Меркель – демонстрируют отсутствие внутренней связи между этими характеристиками [Wivel, Grøn, 2021, p. 378].

П. Кенни категоризирует персонализм через дихотомию «да – нет», одновременно признавая, что популизм является не катего-

риальной переменной, а дифференцированной: чем больше лидер зависим от харизматической связи с последователями, тем выше будет степень популизма, и наоборот, чем больше будет институционализирована поддержка и чем больше будет институциональных ограничителей власти лидера, тем эта степень будет ниже [подробнее см.: Kenny, 2021]. Таким образом, при условии наличия лидера-харизматика популизм будет совместим с любыми идеологиями, движениями, стилями лидерства и политическими режимами.

Главным недостатком политико-стратегического подхода является отсутствие консенсуса относительно концептуализации харизмы, которую часто операционализируют в политико-психологическом ключе – как коммуникативные качества лидера [Levine, Muenchen, Brooks, 2010]. Д. Руэда отмечает одностороннюю направленность данного подхода – исключительно на «предложение» без учета «спроса», что приводит к селективному рационализму, лидероцентризму и нормативной предвзятости. Это дает исследователю основания сделать вывод о предпочтительности идеационного и дискурсивного подходов к анализу популизма [подробнее см.: Rueda, 2021].

Представители социокультурного подхода рассматривают популизм как «народный стиль» политики, проявляющийся в «неправильном» поведении лидера, который выходит за пределы принятых культурных рамок, чтобы приблизиться к избирателям. По мнению П. Остигая, популисты «отдают предпочтение аутентичной (чистой) низшей культуре (*low culture*) народа перед неаутентичной (корруптированной) высшей культурой (*high culture*) элиты» [подробнее см.: Ostiguy, 2009]. В результате для речи популиста характерно использование ярких, жаргонных и политически некорректных выражений, невербальной коммуникации, и каждое выступление лидера представляет собой шоу, которое призвано создать эмоциональную связь между лидером и его последователями. Как считает Б. Моффит, «плохие манеры» популиста свидетельствуют о непочтительном отношении к политическим нормам, иерархии и традиции; они характерны для политических аутсайдеров [Moffitt, 2016].

К сильным сторонам этого подхода можно отнести то, что он привлекает во внимание не только дискурс, но также вкусы и манеру поведения популистских лидеров, к слабым – исключение

из анализа тех из них, чье поведение вполне соответствует культурным нормам. По мнению П. Кенни, авторы, определяющие популизм через риторические и стилистические проявления популистской стратегии, рассматривают надстройку, а не базис [Kennedy, 2021].

Как отмечает Б. Моффит, популистские лидеры являются неординарными личностями, осуществляющими президенциализацию и селебритизацию политики, что позволяет им устанавливать такой тип общественно-политического взаимодействия, как перформанс [Moffitt, 2016, chapter 4]. По нашему мнению, перформанс способствует мобилизации масс, но как коммуникативный акт он может быть свойственен режиму любого типа. Эксцентричность лидера, хотя и способствует продвижению популистских взглядов, не является ключевым атрибутом популизма.

Итак, во всех рассмотренных подходах популизм операционализируется в категориях «да – нет», но не «больше – меньше», поэтому в категорию популистов попадают разнородные по своим характеристикам и роли в политике акторы.

Стоит отметить концепцию С. Левицки и Дж. Локстона, которые сделали попытку объединить в одну категорию три атрибута популизма – антиистеблишмент, аутсайдерство и персонализм [Levitsky, Loxton, 2013, p. 110]. В их логике лидеры-популисты, во-первых, являются политическими аутсайдерами; во-вторых, выстраивают прямые связи с народом и разрушают связи институциональные; в-третьих, позиционируют себя в качестве представителей всего народа, противопоставляя себя коррумпированной элите¹.

С. Левицки и Дж. Локстон операционализируют популистское лидерство по следующим критериям: во-первых, присутствие в президентской кампании антисистемных и антиэлитарных призывов; во-вторых, положение аутсайдера, когда лидер приходит в политику в обход действующей партийной системы (исключение – Д. Трамп) и не имея политического опыта на национальном уровне в течение предыдущих десяти лет; в-третьих, создание лидером президентской партии или его доминирование в действующей партии. По их мнению, ключевой характеристикой популизма является

¹ С точки зрения К. Мюдде, популистские лидеры не всегда являются истинными аутсайдерами, поэтому он относит их к элитам-аутсайдерам, контрэлитам, которые связаны с правящими элитами, но не являются их частью [Mudde, 2004, p. 560].

ся идея антиистеблишмента (первый критерий), и при наличии только одной из двух других характеристик возникает усеченный подвид популизма, т.е. популизм с прилагательным. Так, политические аутсайдеры, отдаляющиеся от партии и делающие ставку на персонализм, воплощают индивидуализированный популизм (*maverick populism*), а политические аутсайдеры из низовых движений – движенческий популизм (*movement populism*) [Levitsky, Loxton, 2013, p. 110].

Как представляется, стратегия усечения концепта, ранее предложенная Дж. Кольером и С. Левицки, не работает в случае популизма, так как популизм с прилагательными (в отличие от выделенных ранее демократий или авторитаризмов с прилагательными) по своей сути остается популизмом, независимо от наличия или отсутствия вторичных атрибутов.

Популизм и сравнительный анализ: попытка адаптации

По нашему мнению, все рассмотренные подходы к концептуализации популизма представляют собой категоризацию на основе видового сходства (*family resemblance*). Нет ни одной характеристики популизма, которая была бы присуща всем подходам, поэтому в итоге под одну понятийную категорию подпадают явления с разными атрибутами. Соответственно, концепт не может стать более абстрактным, более общим после сокращения количества его атрибутов [Sartori, 1970]. Отмечая эту особенность популизма, некоторые исследователи называют его «пустым знаком» [Фишман, 2021].

В качестве решения проблемы при перемещении таких подвидов по лестнице абстракции Д. Кольер и Дж. Махон ранее предлагали либо конструировать идеальные типы, к которым будут частично приближаться специфические кейсы, либо признать (вслед за А. Пшеворским), что «в разных контекстах разные атрибуты являются определяющими характеристиками одной и той же категории» [Collier, Mahon, 1993, p. 847–848].

По нашему мнению, за идеальный тип популизма можно принять минималистское определение К. Мюнде (см. выше), делающее акцент на идеях антиистеблишмента и верховенства воли народа. Однако учитывая, что количество и качество атрибутов

популизма имеют свою контекстную специфику (зависят от политического режима, политической идеологии и типа лидерства), мы считаем, что классическая концептуализация через лестницу абстракции (предполагающая таксономическую иерархию категорий – от высших общих к низшим специфическим, при которой все атрибуты присутствуют в соответствующих кейсах на одном уровне анализа) не подходит для популизма.

Поэтому мы предлагаем сделать попытку радиальной категоризации и вычлениить центральные и периферийные признаки популизма. При радиальной категоризации выделяется центральная подкатегория, которая соответствует прототипу категории и должна разделяться всеми ее проявлениями [Collier, Mahon, 1993, p. 848]. Таким образом, мы рассматриваем «идею» как центральную (первичную) подкатегорию прототипа «популизм», необходимую и достаточную для концептуализации популизма. Два других атрибута популизма по отдельности не являются ни необходимыми, ни достаточными, однако при наслаивании на ключевую характеристику они добавляют популизму харизматическое и персоналистское измерение (табл. 1).

Таблица 1

Популизм как радиальная категория

	Категория	Атрибуты		
		Идея А	Персонализм Б	Стиль В
Первичная категория	Популизм			
Вторичная категория	Идейный / идеологический популизм	А		
	Персоналистский популизм	А	Б	
	Харизматический популизм	А		В

Очевидно, что введение вторичных категорий позволяет повысить растяжимость первичной категории за счет использования различных комбинаций элементов ее структуры. Популизм как радиальная категория может, по нашему мнению, быть адаптирован к проведению сравнительных исследований.

Популизм как модификация политического режима

Термин «популизм», как отмечалось выше, часто используется в политической науке, в том числе применительно к режимам,

но популистский режим очень редко концептуализируется как отдельный тип. В частности, происходит отождествление персоналистского и популистского режимов при изучении авторитаризма (Б. Геддес) или эрозирующей президентской демократии (М. Родес-Пурди и Р. Мадрид) [Rhodes-Purdy, Madrid, 2020], а также популистского и авторитарного стилей руководства – при изучении демократии (П. Норрис и Р. Инглхарт). Согласно Ш. Муфффу, популизм не является ни идеологией, ни политическим режимом и может быть совместим с любой демократической формой правления [Mouffe, 2016 a]. По мнению Н. Урбинати, «популизм не является политическим режимом, так как его стиль и риторика являются производными от демократии и основаны на представительстве, прямом волеизъявлении и плюрализме политического поля» [Urbinati, 2019, p. 111].

Большинство политологов рассматривают популизм в контексте демократии и демократической деконсолидации, выступающей результатом прихода к власти популистов. Многие авторы считают, что популизм не сочетается с недемократиями, так как стремится «поставить под сомнение существующий общественный порядок, действуя в интересах подавляющего большинства» [Mouffe, 2016 a]. Такая позиция объясняет попытки классифицировать популистские режимы как подтипы демократических. Например, Т. Паппас рассматривает три разновидности политических акторов в современных представительных демократиях: либеральные демократические, популистские (или демократические нелиберальные) и автократические (недемократические и нелиберальные). Нелиберальные акторы операционализируются следующим образом: признание только одного раскола в обществе (демократы – антидемократы), конфронтационная (*adversarial*) политика и мажоритаризм [Pappas, 2016, p. 14–15]. По его мнению, популизм – «главный враг современной демократии», так как результатом прихода популистов к власти является трансформация либеральных демократических режимов в нелиберальные демократии (Польша, Греция) и автократии (Турция, Венгрия) [op. cit., p. 16]. Однако исследователь рассматривает только демократические и гибридные режимы и изначально исключает из поля анализа авторитарные.

Два известных нам подхода к классификации популистских политических режимов включают демократические и авторитар-

ные режимы. Так, М. Канован выделяет семь подкатегорий популизма, в том числе популистскую диктатуру с лидером-харизматиком и демагогом (Х. Перон) и популистскую демократию с механизмом прямой демократии и подотчетности (например, инициатива, референдум и отзыв) [Canovan, 1982, p. 551]. В данной классификации они не объединены теоретической рамкой, так как их единственная общая черта – антиэлитарная риторика. В понимании Канован популизм является не концептом, а прилагательным, конкретизирующим концепт через дополнительную, несущностную характеристику.

Б.Г. Питерс и Дж. Пьер предприняли попытку классифицировать популистскую политику через взаимодействие двух переменных: типа режима (демократический – авторитарный) и локуса ее активности (элиты – массы), тем самым вписывая полученные четыре типа популизма в политический режим (см. табл. 2).

Таблица 2

Типология форм популизма в политических режимах

	Тип режима	
	Демократический	Авторитарный
Элитацентричный	Электоральный популистский патронат	Электоральный авторитаризм
Партисипаторный	Прямая демократия Делиберативная демократия Гражданский популизм	Консультативный авторитаризм

Источник: [Peters, Pierre, 2020, p. 931].

Преимуществом данной типологии является то, что она позволяет идентифицировать популизм в различных политических режимах, включая авторитарные. По словам авторов, «хотя популизм обычно рассматривается в рамках демократических режимов в качестве отката от демократии (*democratic “backsliding”*), авторитарные режимы могут использовать популистские механизмы для легитимации режима» [Peters, Pierre, 2020, p. 931].

Согласно этой типологии, в современных консолидированных демократиях можно наблюдать появление электорального популизма / популистского патроната (Д. Трамп, С. Берлускони, Б. Джонсон, Э. Макрон). При электоральном (соревновательном) авторитаризме авторитарные популистские лидеры приходят к власти, используя популистскую риторiku (У. Чавес, Н. Мадуро). Консультативный авторитаризм означает, что популистский лидер

допускает «консультации» с народом для оценки уровня поддержки, для сбора информации и легитимации режима (Си Цзиньпин) [Peters, Pierre, 2020].

Самым проблематичным типом популизма в данной матрице является прямая демократия / гражданский популизм, так как речь идет не о популистском политическом режиме как таковом, а о популистских механизмах в демократии (Швейцария). И, если можно согласиться с выделением среди демократий популистского патронального режима, то с электоральным авторитаризмом дело обстоит иначе: это наиболее размытый подтип авторитаризма, так как в него входят все «нарушители» демократических критериев (и не все из них обязательно будут популистами).

Популистские модификации представляют собой новое измерение политических режимов: они появляются не только в демократиях (Д. Трамп, Н. Моды, Ж. Болсонаро, Дж. Видодо), но и в гибридных (Р.Т. Эрдоган, В. Орбан) и авторитарных (А.-Ф. ас-Сиси) режимах. Как таковой популистский режим не вписывается ни в одну из существующих типологий политических режимов, так как он способен «наслаиваться» на любой политический режим. По сути, мы разделяем позицию М. Канован (см. выше) и рассматриваем популизм как дополнительную характеристику политического режима любого типа, однако в своей оценке ограничиваемся теми, где популисты находятся у власти.

При классификации недемократических режимов мы вслед за С. Хантингтоном исходим из того, что «чистые» типы таких режимов¹ выделить сложно и предлагаем определять их по преобладающему элементу.

Отдельно мы учитываем гибридные режимы («соревновательный авторитаризм» у С. Левицки и Л. Уэя или «электоральный авторитаризм» у А. Шедлера), которые сочетают авторитарные и демократические институты и практики и представляют, по мнению Л. Морлино, «оптическую иллюзию», так как могут одновременно классифицироваться как «демократии с прилагательными» и как «авторитаризмы с прилагательными». Одним из примеров подобной демократии с прилагательным является делегативная демократия (Г. О’Доннелл), в которой всенародно избранный пре-

¹ Все недемократические режимы представляют собой сочетания однопартийных, военных и персоналистских элементов.

зидент считает себя делегатом всего народа, ответственным только перед народом, что позволяет ему находиться над любыми институтами, которые могут его ограничить¹. По нашему мнению, гибридные режимы чаще всего приобретают популистское измерение.

В свете вышеизложенного представляется обоснованным выделить популистские демократические, популистские гибридные и популистские авторитарные режимы. Мы не приравниваем популизм к персонализму, так как персоналистский авторитарный режим может быть и непопулистским, что зависит от продвигаемого лидером идейно-политического курса. Наш подход к классификации популистских режимов (или политических режимов в популистской модификации) графически представлен на рисунке ниже.

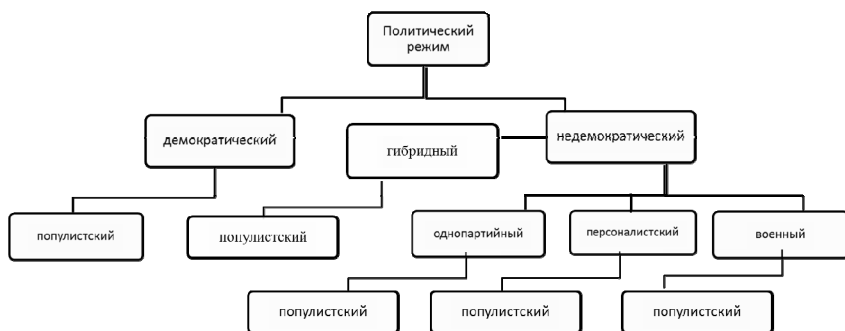

Рис. 1.
Популистские политические режимы

Популистские лидеры артикулируют свою персональную ответственность перед народом, поэтому часто начинают злоупотреблять властью, превышать определенные конституцией полномочия, менять конституцию или трактовать ее в свою пользу, подрывать коллективную законодательную власть, распуская парламенты или принимать решения, основываясь на волеизъявлении народа на

¹ С точки зрения Г. О’Донелла, делегативные демократии основываются на предпосылке, что победа на президентских выборах дает победителю право управлять по своему усмотрению, при этом он ограничен лишь обстоятельствами существующих властных отношений и определенным конституцией сроком пребывания у власти [O’Donnell, 1994].

референдуме. Наибольшую угрозу они могут представлять в странах со слабыми демократическими институтами и неконсолидированной партийной системой.

Эволюция популистских политических режимов

Возможны ли в условиях популистских режимов режимные изменения? Согласно Б. Бугаричу, популизм подрывает суть либеральной демократии, нарушая свободу СМИ и ущемляя гражданские и политические свободы, поэтому демократический популистский режим деградирует в сторону недемократического и авторитарного [Bugaric, 2019, p. 390]. По мнению Н. Урбинати, популизм противоречит принципам конституционной демократии, так как приводит к «трансмутации» демократических принципов большинства и самой воли народа, поскольку лидер олицетворяет противостояние одной части народа другой (подробнее см.: [Urbinati, 2019, p. 111]).

С. Левицки также считает, что популизм является главным «триггером» перехода демократии со слабыми институтами и партиями к соревновательному авторитаризму [Levitsky, Loxton, 2013, p. 109–110]. Именно слабость партийной системы способствует появлению персоналистских аутсайдеров, которые концентрируют власть вследствие отсутствия ограничителей в виде партийных структур. Однако этот процесс двусторонний: с одной стороны, слабые институты стимулируют появление популистов, с другой – популисты ослабляют все политические институты, как государственные, так и общественные.

Как замечает Ш. Муфф, популизм открывает дверь авторитарным решениям через ослабление либерально-демократических институтов, но он может привести и к укреплению демократических ценностей. Это зависит от типа популизма: в одном случае это будет правоавторитарный популизм, нацеленный на ограничение демократии, в другом – левый популизм, стремящийся к расширению и радикализации демократии путем борьбы за социальную справедливость [Mouffe, 2016 b].

Разнонаправленное влияние популизма на политические режимы отмечают Б.Г. Питерс и Дж. Пьер, которые утверждают, что популистские механизмы в авторитарных режимах могут стать

средством демократизации, но в демократических режимах представляют собой угрозу для демократии [Peters, Pierre, 2020, p. 931]. Б. Бугарич также говорит об оппозиционном демократическом популизме, сочетающем либеральные и демократические убеждения [Bugaric, 2019, p. 395].

Популистский демократический режим с лидером-харизматиком может эволюционировать в сторону деконсолидации демократии, так как под его влиянием происходят антидемократические изменения на трех уровнях демократической системы: поведенческом, ориентационном и институциональном (выделены Х. Линцем и А. Степаном).

На поведенческом уровне популистам чужды такие основы демократии, как консенсус, компромисс, толерантное отношение к оппозиционным взглядам и дух демократического соревнования. Они предпочитают прямые контакты с народом в форме референдумов, митингов и других видов плебисцитарной политики. Деконсолидация демократии на этом уровне включает появление моделей поведения, не соответствующих демократическим «правилам игры» (например, перевороты, автоперевороты, революции, введение чрезвычайных полномочий и др.) [Bonikowski, 2017, p. 185].

На ориентационном уровне (на уровне политической культуры) популизм подрывает доверие граждан к институтам представительной демократии, в том числе парламентам, партиям и группам интересов, и поощряет веру в сильных лидеров. Деконсолидация демократии на этом уровне проявляется тогда, когда население теряет веру в легитимность демократических институтов и процедур, перестает относиться к демократии как к лучшему способу управления и поддерживает антисистемные альтернативы, что способствует приходу к власти антидемократических сил. Как отмечают П. Норрис, Э. Гарнетт и М. Гремпинг, «популистская риторика стремится к разжиганию неудовлетворенности функционированием либеральной демократии, недоверия к политическим институтам и скептицизма относительно легитимности... избранных представителей, СМИ и судебной власти» [Norris, Garnett, Grömping, 2020, p. 109].

Деконсолидация демократии на институциональном уровне является следствием институциональных реформ (например, изменения конституции) и преобразования консолидированной партийной системы. В результате институциональный баланс смеща-

ется в пользу президента, на которого не распространяется демократический процесс вследствие широкой народной поддержки. В современных демократиях популисты часто являются демократическими аутсайдерами в том смысле, что они, как правило, приходят в политику «в обход национальной партийной системы» [Levitsky, Loxton, 2013, p. 110], создавая собственные политические партии (Э. Макрон) или перестраивая существующие (М. Ле Пен). Согласно Дж. Мюллеру, Н. Урбинати и другим исследователям, для популистского режима свойственно отрицание конституционализма и либерализма, в том числе ограничение воли большинства, защиты прав меньшинства, сдержек и противовесов при принятии решений. Как указывает К. Вейланд, персоналистское популистское лидерство в демократии находится в оппозиции к сдержкам и противовесам и подрывает справедливую соревновательность [Weyland, 2020, p. 391].

Таким образом, в основе популизма лежит отрицание представительной модели демократии в пользу прямой или партиципаторной, что разрушает механизмы горизонтальной подотчетности, необходимые для консолидированной демократии. Однако, по мнению К. Вейланда, популистские лидеры могут «задушить» (*suffocate*) демократию только при одновременном наличии двух факторов: во-первых, слабости демократических институтов, и во-вторых, острого неразрешимого кризиса или «невероятного процветания» (*extraordinary bonanzas*), которые смогут обеспечить популиста небывалой поддержкой [Weyland, 2020, p. 391]. Вместе с тем они окружают себя лоялистами, а не профессионалами, принимают смелые, но непродуманные решения, что может стать причиной нерегулярной потери власти [Weyland, 2021, p. 187].

Лидеры-популисты в своей риторике выступают за мажоритаризм как способ принятия решений, который в свою очередь является институциональным фактором становления демократии с прилагательными, или гибридных режимов. Главное отличие гибридных режимов от «настоящих» автократий – это готовность толерантно относиться к существованию (но не победе) оппозиционных партий, независимых СМИ и неправительственных организаций. Гибридный режим является результатом определенных сочетаний полупрозрачности, полусоревновательности, полупрепрессий. Такие характеристики делают эти режимы уязвимыми перед протестными действиями, восстаниями и другими формами

гражданского неповиновения и насилия, в том числе вооруженными конфликтами. Приход популистов к власти в гибридных режимах позволяет консервировать существующую систему, сглаживая ее внутренние противоречия за счет особенностей популистской философии и лидерства.

По мнению некоторых авторов, авторитарным режимам не нужен популизм, так как они могут опираться на другие легитимирующие режим дискурсы [Bonikowski, 2017, p. 190]. Мы же, как отмечалось выше, считаем, что популизм может быть сопряжен с любыми разновидностями авторитаризма, так как он позволяет авторитарным лидерам компенсировать слабость квазидемократических (или формальных политических) институтов. Такие популистские режимы возникают, как правило, в западных странах, поздно вставших на путь независимого государственного строительства. К ним можно отнести и многие государства постсоветского и постъюгославского пространства. Отсутствие укоренившейся демократической культуры, автономных политических институтов, верховенства закона и динамичного гражданского общества не просто способствуют взлету популизма – он становится объективно необходим для замещения разнообразных лакун национального политического процесса.

Из трех типов авторитарных режимов (см. рис. 1) персоналистский режим наиболее тесно связан с популизмом. Это объясняется тем, что персонализм предполагает контроль лидера над процессом принятия решений, связь партии власти с личностью лидера и рекрутирование элиты на основе персональной лояльности лидеру. По сути, лидер-«персоналист» не может не быть популистом.

Заключение

Размышляя над поставленными в статье вопросами, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, авторы всех известных подходов к определению популизма (идеационного, политико-стратегического и социокультурного) операционализируют его в категориях «да – нет», но не «больше – меньше», что приводит к появлению целого ряда «популизмов», не обладающих семейным сходством. Соответственно, выделение понятийной категории по-

пулизма с помощью маневрирования на лестнице абстракции не представляется возможным.

Учитывая это, мы предприняли попытку радиальной категоризации популизма, вычленив его центральные и периферийные признаки. На основе минималистского определения популизма К. Мюдде в качестве центральной, т.е. разделяемой всеми иными, подкатегории была выбрана «идея», раскрываемая в дискурсе антиистеблишмента и верховенства воли народа. Этот подход позволил выделить такие виды популизма, как идейный, персоналистский и харизматический, и тем самым адаптировать эту категорию к сравнительным исследованиям.

На следующем этапе был проведен анализ попыток концептуализации популистского режима. Нами отмечено, что несмотря на активное использование этого словосочетания в научной литературе и публицистике, сам он очень редко концептуализируется как отдельный тип режима, и по большей части отождествляется с персоналистским режимом или рассматривается как подтип демократии.

Эвристически значимой для исследования оказалась типология форм сопряжения популизма с демократическими и авторитарными режимами (Б.Г. Питерс и Дж. Пьер), которая позволила верифицировать гипотезу о том, что популизм является не отдельным типом режима, а модификацией различных его типов, включая гибридные. С нашей точки зрения, они чаще всего приобретают популистское измерение.

В своей оценке мы ограничились теми режимами, где популисты находятся у власти. На основе анализа режимных изменений в популистских средах мы отметили, что они могут иметь разнонаправленный характер – как к демократии, так и к ее деконсолидации. Происходящие изменения были рассмотрены на трех уровнях политической системы: поведенческом, ориентационном и институциональном.

По нашему мнению, возникновение популистских режимов (или, точнее, популистских модификаций) в политиях разного уровня политического развития (от консолидированных демократий до предмобилизационных авторитарных и демократических систем) означает, что подобные режимы появляются в ответ на содержательно разные общественно-политические вызовы. В первом случае они способствуют переопределению критериев эффективности правящих элит и демократического управления в целом,

во втором – поддерживают общую рамку странового политического процесса за счет заполнения институциональных лагун. Это направление исследований популистских режимов видится нам очень перспективным.

O.G. Kharitonova, I.V. Kudryashova*
**Political regimes and regime changes in the foam
of the populist wave¹**

Abstract. The article studies populist regimes, their relationship with authoritarianism and democracy and modes of their transformation. First, the approaches to conceptualizing populism are critically analyzed; second, the concepts are systematized through the maneuvering on the ladder of abstraction; third, the ways of classifying populist regimes are studied, and fourth, the influence of populism on political regime change is assessed. The authors made an attempt of radial categorization of populism having distinguished its central and peripheral features. On the basis of the minimalist definition of populism by C. Mudde “the idea” revealing itself in the antiestablishment and will of the people discourse, was taken as a central category. Such approach allowed to distinguish three species of populism including ideational, personalist and charismatic, thus making the categorization applicable for comparative research. The conceptualization of populist regimes was reviewed. It is noted that populist regime is rarely conceptualized as a separate type of political regime and is more often associated with personalist regime or as a sub-type of democratic regime. The further development of the B.G. Peters and J. Pierre’s approach led to conclude that populism is a regime modification, inherent in all types of political regimes. Democratic and hybrid regimes are more inclined to such regime modification, that is why the populist regimes evolve multidirectionally.

The study concludes that the establishment of populist regime in politics at different levels of political development – from consolidated democracies to premobilized authoritarian and democratic systems – leads to differentiation of functions. In the former cases populist regimes foster the redetermination of the effectiveness criteria for ruling elites and democratic governance in general, and in the latter – populist regimes support the general framework of the in-country political process by filling the institutional gaps.

* **Kharitonova Oxana**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: o.kharitonova@inno.mgimo.ru;
Kudryashova Irina, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

¹ The reported study was funded by the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) according to the research project № 21–011–31622.

Keywords: populism; conceptualization of populism; political regime; populist regime; populist transformation; deconsolidation of democracy.

For citation: Kharitonova O.G., Kudryashova I.V. Political regimes and regime changes in the foam of the populist wave. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 224–244. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.10>

References

- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. A political theory of populism. *The quarterly journal of economics*. 2013, Vol. 128, N 2, P. 771–805. DOI: <https://doi.org/10.1093/qje/qjs077>
- Akkerman A., Zaslove A., Spruyt B. ‘We the People’ or ‘We the Peoples’? A comparison of support for populist radical left and populist radical right parties in the Netherlands. *Swiss political science review*. 2017, Vol. 23, N 4, P. 377–403. DOI: <https://doi.org/10.1111/spsr.12275>
- Bonikowski B. Ethno-nationalist populism and the mobilization of collective resentment. *The British journal of sociology*. 2017, Vol. 68, N 1, P. 181–213. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12325>
- Bugaric B. The two faces of populism: Between authoritarian and democratic populism. *German law journal*. 2019, Vol. 20, P. 390–400. DOI: <https://doi.org/10.1017/glj.2019.20>
- Canovan M. Two strategies for the study of populism. *Political studies*. 1982, Vol. 30, N 4, P. 544–552. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.1982.tb00559.x>
- Collier D., Mahon J.E. Jr. Conceptual “stretching” revisited: adapting categories in comparative analysis. *The American political science review*. 1993, Vol. 87, N 4, P. 845–855. DOI: <https://doi.org/10.2307/2938818>
- Fishman L.G. ‘Empty signifier’: The concept of ‘populism’ in the contemporary mainstream political science. *Moscow University bulletin of world politics*. 2021, Vol. 13, N 2, P. 13–32. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32> (In Russ.)
- Gárdos-Orosz F., Szente Z. (eds). *Populist challenges to constitutional interpretation in Europe and beyond*. Abingdon, New York: Routledge, 2021, 346 p.
- Kenny P.D. The strategic approach to populism. In: Subedi D.B., Scott A., Brasted H., Von Strokirch K. (eds). *Routledge handbook of populism in the Asia Pacific*. 2021. London: Routledge. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/352573494_THE_STRATEGIC_APPROACH_TO_POPULISM (accessed 22.08.2021)
- Krastev I. Is East-Central Europe backsliding? “The strange death of the liberal consensus”. *Journal of democracy*. 2007, Vol. 18, N 4, P. 56–63. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.2007.0072>
- Levine K.J., Muenchen R.A., Brooks A.M. Measuring transformational and charismatic leadership: Why isn’t charisma measured? *Communication monographs*. 2010, Vol. 77, N 4, P. 576–591. DOI: <https://doi.org/10.1080/03637751.2010.499368>
- Levitsky S., Loxton J. Populism and competitive authoritarianism in the Andes. *Democratization*. 2013, Vol. 20, N 1, P. 107–136. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2013.738864>
- Martinico G. *Filtering populist claims to fight populism: The Italian case in a comparative perspective*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2021, 280 p.

- Moffitt B. *The global rise of populism: performance, political style, and representation*. Stanford: Stanford univ. press, 2016, 240 p.
- Mouffe C. *The populist moment*. 2016 a. November 21. Mode of access: <https://www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/populist-moment/> (accessed 10.08.2021)
- Mouffe C. *The populist challenge*. 2016 b. Dec. 2016. Mode of access: <https://www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/populist-challenge/> (accessed 12.08.2021)
- Mudde C. The populist Zeitgeist. *Government and opposition*. 2004, Vol. 39, N 4, P. 542–563. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Studying populism in comparative perspective: Reflections on the contemporary and future research agenda. *Comparative political studies*. 2018, Vol. 51, N 13, P. 1667–1693. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414018789490>
- Norris P., Garnett H.A., Grömping M. The paranoid style of American elections: explaining perceptions of electoral integrity in an age of populism. *Journal of elections, public opinion and parties*. 2020, Vol. 30, N 1, P. 105–125. DOI: <https://doi.org/10.1080/17457289.2019.1593181>
- O'Donnell G. Delegative democracy. *Journal of democracy*. 1994, Vol. 5, N 1, P. 55–69. DOI: <https://doi.org/10.1353/jod.1994.0010>
- Ostiguy P. *The high and the low in politics: a two-dimensional political space for comparative analysis and electoral studies*. Working paper N 360. July 2009. Mode of access: https://kellogg.nd.edu/sites/default/files/old_files/documents/360_0.pdf (accessed 2.08.2021)
- Pappas T.S. Modern populism: Research advances, conceptual and methodological pitfalls, and the minimal definition. In: *Oxford Research Encyclopedia of Politics*, 2016. DOI: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.17>
- Peters B.G., Pierre J. A typology of populism: understanding the different forms of populism and their implications. *Democratization*. 2020, Vol. 27, N 6, P. 928–946. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1751615>
- Rhodes-Purdy M., Madrid R.L. The perils of personalism. *Democratization*. 2020, Vol. 27, N 2, P. 321–339. DOI: <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1696310>
- Roberts K.M. Latin America's populist revival. *The SAIS review of international affairs*. 2007, Vol. 27, N 1, P. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.1353/sais.2007.0018>
- Rueda D. Is populism a political strategy? A critique of an enduring approach. *Political studies*. 2021, Vol. 69, N 2, P. 167–184. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032321720962355>
- Sartori G. Concept misformation in comparative politics. *American political science review*. 1970, Vol. 64, N 4, P. 1033–1053. DOI: <https://doi.org/10.2307/1958356>
- Urbinati N. Political theory of populism. *Annual review of political science*. 2019, Vol. 22, P. 111–127. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-050317-070753>
- Varentsova O.V. Three waves of populism in Latin America. *MGIMO review of international relations*. 2014, N 6 (39), P. 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160> (In Russ.)

- Volodin A.G. The phenomenon of “new populism”: the American dimension. *Outlines of global transformation: politics, economics, law*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 253–277. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-12> (In Russ.)
- Weyland K. Populism as a political strategy: an approach’s enduring – and increasing – advantages. *Political studies*. 2021, Vol. 69, N 2, P. 185–189. DOI: <https://doi.org/10.1177/00323217211002669>
- Weyland K. Populism’s threat to democracy. Comparative lessons for the United States. *Perspectives on populism*. 2020, Vol. 18, N 2, P. 389–406. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1537592719003955>
- Wivel A., Grøn C.H. Charismatic leadership in foreign policy. *International affairs*. 2021, Vol. 97, N 2, P. 365–383. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iaaa223>

Литература на русском языке

- Володин А.Г. Феномен «нового популизма»: американское измерение // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 253–277. – DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-4-12>
- Варенцова О.Б. Три волны популизма в Латинской Америке // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6 (39). – С. 153–160. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160>
- Фишман Л.Г. «Пустой знак»: концепт популизма в современном политологическом мейнстриме // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 13–32. – DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32>

ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

А.О. БЕЛЯКОВА*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ДЕРЖАВА В НЕОИМПЕРСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Аннотация. Статья посвящена анализу концептуальных оснований внешней политики Турецкой Республики на современном этапе. Основываясь на сопоставлении ряда эмпирических данных с перечнем теоретических индикаторов, разработанным Д. Нолте, автор причисляет Турцию к региональным державам и одновременно отмечает недостаточность объяснительного потенциала этого концепта для анализа современной внешней политики страны. В логике теории Х. Спрюйта об институциональной конкуренции и селекции политических форм выдвинута гипотеза о том, что современная мировая политическая динамика приводит к появлению политических образований нового типа – неоимперий. В статье сформулировано понятие неоимперскости как характеристики внешней политики и проведен сравнительный анализ «имперскости», «постимперскости» и «неоимперскости». Отмечено, что «постимперскость» отражает спонтанное, непроизвольное влияние имперского прошлого на последующее развитие ядра и периферии империи в рамках национального государства, в то время как «неоимперскость» предполагает намеренную адаптацию имперского опыта к современным реалиям с целью более эффективного участия в глобальной конкуренции. Анализ ряда значимых политических решений и действий Турции последнего периода позволяет сделать вывод о том, что внешняя политика страны приобрела неоимперский характер.

* **Белякова Арина Олеговна**, студентка магистерской программы «Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов» Факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: arinabeliakowa@yandex.ru

Ключевые слова: региональная держава; империя; неоимперия; неоимперскость; постимперия; постимперскость; внешняя политика Турции.

Для цитирования: Белякова А.О. Внешняя политика современной Турции: региональная держава в неоимперской перспективе // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 245–257. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.11>

Современная международно-политическая динамика характеризуется снижением влияния традиционно могущественных акторов и появлением новых центров силы. В частности, подобными центрами силы являются так называемые региональные державы. Наиболее весомый вклад в развитие этого концепта внес Д. Нолте. Он предложил перечень индикаторов, на основании которых можно сделать вывод о соответствии или несоответствии той или иной страны критериям региональной державы [Nolte, 2010]. Формат научной статьи не позволяет полностью осветить процесс сопоставления теоретических индикаторов с эмпирическими показателями, но автором было установлено, что Турецкая Республика отвечает почти всем критериям, предложенным Д. Нолте. В частности, она имеет четко артикулированные претензии на региональное лидерство, обладает значительными экономическими, военными, демографическими и идеологическими ресурсами для влияния в регионе, играет весомую роль в формировании региональной повестки в сфере безопасности, имеет прочные политические и культурные связи со странами региона благодаря совместному историческому прошлому и общности современных вызовов и проблем. По мнению ряда исследователей, стремление Турции к региональной гегемонии отчетливо проявилось во время «арабской весны» 2011 г. [Sucu et al., 2021].

Однако теоретическая рамка региональной державы позволяет составить представление о внешнеполитическом потенциале Турции, но не о концептуальной составляющей ее внешней политики. Стратегии региональных держав на международной арене весьма вариативны, что не всегда находит убедительное объяснение. Как представляется, эвристически ценный подход к обоснованию этой вариативности может быть найден в русле институциональной парадигмы и, в частности, теории Х. Спрюйта. В работе «Государство и его соперники» исследователь обосновывает тезис о том, что в истории случаются периоды интенсификации институциональной конкуренции, в ходе которых на международ-

ную арену выходят носители новых форм политической организации (и происходит их селекция) [Spruyt, 1996]. Непосредственным предметом его анализа было завершившееся победой суверенного государства институциональное соперничество в период Средневековья, но экстраполируя данный подход на современный этап мирового развития, логично предположить, что очередной виток глобальной конкуренции стимулирует переформатирование территориального государства, способствуя поиску и проявлению контуров новых политических форм.

Учитывая ресурсы Турции как региональной державы и роль Стамбула как имперского ядра, представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что эта страна способна трансформироваться в политику нового типа – неоимперию. Как отмечают И.В. Кудряшова и А.С. Козинцев, успешный переход от империи к государству-нации не означает утраты имперской идентичности и опыта, которые могут быть эффективно использованы в условиях изменений международной и внутривнутриполитической среды [Кудряшова, Козинцев, 2021].

Чтобы подтвердить выдвинутую гипотезу, в статье поставлены следующие задачи: проанализировать терминологический аппарат, используемый при анализе развития бывших имперских пространств; провести сравнительный анализ империй и неоимперий как форм политической организации; разграничить термины «постимперский» и «неоимперский»; выявить и объяснить конкретные проявления неоимперскости во внешней политике Турции на современном этапе.

О терминологии: империи, постимперии, неоимперии...

Влияние имперского наследия на последующее развитие бывшего имперского ядра и имперской периферии обычно изучается через призму того эффекта, который оно оказывает на институциональное строительство, конструирование национальной идентичности, перестройку экономических и торговых связей и т.п. Вышеописанный комплекс внутривнутриполитических проблем зачастую называют постимперским (или имперским) синдромом. Но, как отмечают Т.А. Алексеева и Б.И. Ананьев, постимперский синдром не только характеризует внутривнутриполитическое развитие

страны, но и предполагает определенную модель ее поведения на международной арене [Алексеева, Ананьев, 2017]. И.Д. Лошкарёв и Д.А. Пареньков выделяют три траектории постимперского внешнеполитического развития: воспроизводство политических практик империи в отсутствие империи, возврат к империи, а также направление, связанное со смещением имперских практик на более низкий уровень взаимодействия [Лошкарёв, Пареньков, 2017].

Зачастую для описания внешнеполитической стратегии государств используется тот же термин, что и при анализе внутриполитических проблем: постимперская. В связи с этим необходимо более подробно остановиться на вопросе терминологии. В научных работах, исследующих развитие бывших империй, содержатся следующие термины: постимперский синдром, постимперское развитие, «миф империи», имперское наследие, неоимпериализм, неформальные империи и, наиболее редко, неоимперскость [см., например: Алексеева, Ананьев 2017; Snyder, 2013; Barton, 2014; Федоренко, 2013].

Под постимперским синдромом понимают комплекс вызовов, характерных для развития обществ, входивших в состав распавшейся империи и находящихся в процессе национального строительства. Поэтому целесообразно ограничить использование этого термина, как и термина «постимперское развитие», сферой внутренней политики.

Имперское наследие – наиболее общее понятие, включающее в себя как положительные, так и отрицательные практики, образцы, институты, мифы, традиции, сохраняющиеся в обществе после распада империи. Это понятие чрезмерно широко для исследовательских целей.

Миф империи – понятие, введенное Дж. Снайдером и обозначающее использование мифологизированных представлений об имперском прошлом для оправдания экспансии, легитимации действий элиты и мобилизации населения [Snyder, 2013]. Оно характеризует инструменты влияния на собственное население и отсылает ко внутренней политике.

Под неоимпериализмом понимают политику метрополий в отношении бывших колоний, направленную на извлечение ресурсов.

Понятие неформальных империй, введенное Г. Бартоном, используется применительно к случаям, когда негосударственные акторы, базирующиеся в одной стране, обладают в другой стране

таким объемом ресурсов и потенциалом влияния, что могут оказывать косвенное или даже прямое воздействие на процесс принятия политических решений [Barton, 2014].

Что касается термина «неоимперскость», то на данный момент его консенсусное определение не сформулировано. Под неоимперскостью предлагается понимать совокупность специфических характеристик внешней политики стран – ядер распавшихся империй по освоению бывшего имперского пространства, т.е. по его структурированию в политических, экономических и социокультурных интересах бывшего ядра.

«Постимперскость» и «неоимперскость» различны по своему содержанию. Под первой по сложившейся практике понимаются вопросы внутренней политики, особенности государственного и национального строительства – предполагается, что имперское прошлое оказывает влияние на неимперское настоящее. Напротив, второе понятие применяется для характеристики внешней политики и подразумевает не спонтанное влияние имперского опыта, а намеренное «воскрешение» ряда имперских внешнеполитических практик, но уже в трансформированном виде.

Раскрытие сущностных характеристик неоимперскости требует ее сравнения с имперскостью как качественной характеристикой политий, относимых к империям. Понятие империи является сущностно оспариваемым, что затрудняет сопоставление, но, как отмечает Е.Ю. Мелешкина, сравнительный анализ развития имперских пространств невозможен без обращения к идеальным типам, без упрощений и допущений [Мелешкина, 2013].

Первичной характеристикой империи является экстерриториальность, стремление к постоянному расширению и освоению нового пространства. По выражению С.И. Каспэ, империя является «принципиально разомкнутой, интенционально безграничной» [Каспэ, 2007, с. 125]. Что касается колониальных империй, Г. Бартон предлагает рассматривать их как особый тип, поскольку логика этих империй заключалась в первую очередь в обращении капитала, а не в создании консолидированного территориального образования.

Неоимперия, напротив, не стремится к формальному закреплению на бывшем имперском пространстве, но проникает в него экономически, культурно, символически, политически. Как правило, она также непрерывна. Однако если империя в своих территориальных амбициях принципиально неограниченна, то неоимперская

политика ядра направлена в первую очередь на структурирование бывшей периферии.

По мнению Е.Ю. Мелешкиной, для империй больше, чем для других форм государственности, характерна центр-периферийная поляризованность [Мелешкина, 2013]. Центры осуществляли перераспределение ресурсов внутри империй, способствовали развитию периферии через привнесение институтов и опыта управления, обладали значительным политическим и экономическим влиянием.

Для неоимперской политики эти черты характерны в меньшей степени. После распада империй бывшие периферии проходят свой путь государственного строительства, и степень поляризации снижается. Тем не менее бывшее ядро империи при трансформации в неоимперию может становиться для соседних государств ориентиром с точки зрения политических практик, источником управленческого опыта, драйвером технологического развития.

Вхождение территорий в состав империи означало, что империя устанавливала над ними власть, могла осуществлять прямое силовое принуждение. Основой неоимперской политики является не власть, а влияние. Способность ядра принудить периферию к каким-либо действиям трансформируется в гипотетическую способность его влиять на политику соседних государств таким образом, чтобы склонить их к решениям, наиболее выгодным ему. Как точно подмечают А. Вендт и Д. Фридхайм, неоимперии представляют собой «структуры транснациональной политической власти, которые сочетают эгалитарный принцип юридического суверенитета с иерархическим принципом фактического контроля» [Wendt, Friedheim, 1995, p. 695]. Основанная на влиянии, неоимперская политика требует более тонких механизмов для своей реализации. Это не исключает применения силовых методов, но возможность их использования ограничена.

Конечно, способность имперского ядра к принуждению не означала того, что огромные имперские территории контролировались только угрозой насилия. Империя всегда была тесно сопряжена с идеей, мифом, распространяемыми на присоединенных территориях уже после их покорения. Неоимперская политика, утратив возможность к прямому принуждению, базируется на идее в гораздо большей степени, чем имперская. Невозможность открытого применения силы привела к необходимости развивать мягкую силу, которая, в соответствии с концепцией Дж. Ная,

предполагает способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности [Nye, 2004]. Неоимперская политика предполагает трансляцию вовне смыслов и ценностей, распространение определенной культурной традиции с целью повышения привлекательности ядра для сотрудничества и взаимодействия.

Еще одной характеристикой империи является наличие универсальной миссии. Н. Фергюсон выделяет борьбу за установление нового порядка в качестве ключевой черты империи [Ferguson, 2003]. В случае с классическими империями исполнение этой миссии было сопряжено с ведением войн, свержением правителей, формированием имперской администрации. Применение силовых методов неоимперией ограничено, но она, как и империя, должна обладать стратегическим видением.

Таким образом, неоимперской может быть названа политика в отношении бывших периферийных имперских территорий, проводимая обладающим значительной сравнительной мощью ядром бывшей империи. К ее характерным чертам относятся обладание стратегическим видением, направленность на повышение степени влияния ядра на политические, экономические и культурные процессы в странах периферии, опора на механизмы мягкой силы, а также обладание имперской идеей, коррелирующей с прежним имперским опытом.

Неоимперскость во внешней политике Турции

В последнее десятилетие многие действия Турции на международной арене (или имеющие международное измерение) несут в себе признаки неоимперскости. В качестве иллюстрации можно привести ряд примеров.

В сфере культуры таким примером является преобразование собора Святой Софии в мечеть. Этот шаг можно рассматривать как акт символической политики. С.П. Поцелуев отмечает, что основой символической политики является действие как символ, которое формирует некий ясный образец оценки [Поцелуев, 2012]. И действительно, собор находится в Стамбуле, бывшей столице империи, мегаполисе, который сохраняет многие признаки столичности. В разные исторические периоды собор был как главным

православным храмом и главной мечетью империи, так и символом светскости и межрелигиозного диалога. Последнее превращение собора в мечеть стало важным этапом легитимации ислама в официальном дискурсе, заявкой на лидерство в исламском мире и продемонстрировало уважение правящей элиты к имперской традиции и высокий уровень политической самостоятельности страны.

В экономической сфере о неоимперском характере турецкой политики свидетельствуют мегапроекты. Среди мегапроектов, уже реализованных или еще реализуемых на территории Турции, восемь имеют объем инвестиций от восьми до 22 млрд долларов. Среди них – крупнейший в мире международный аэропорт «Стамбул», две скоростные автотрассы, многофункциональный истребитель пятого поколения TF-X (JSF), а также создание основного боевого танка ALTAY и строительство двух АЭС: «Аккую» и «Синоп». Наиболее амбициозным проектом, который президент Турции Р.Т. Эрдоган охарактеризовал как «сумасшедший проект»¹, является искусственный судоходный канал «Стамбул».

Логика транспортных мегапроектов заключается в интенсификации потоков, проходящих через Турцию, усилении позиции страны как «мирового перекрестка»; одновременно мегапроекты повышают «связность» территории самой Турции, усиливают центральное положение Стамбула. И первое, и второе вполне укладывается в представление о неоимперии. Логика мегапроектов в оборонной сфере состоит в повышении самостоятельности военно-промышленного комплекса, а также в усилении роли страны как поставщика передовых технологий в регионе – роли, традиционной для ядра империи.

Многочисленные свидетельства неоимперского характера внешнеполитического курса Турции можно найти в военно-политической сфере. Как отмечает И.И. Иванова, «арабская весна» стала как фактором активизации внешней политики Турции, так и шансом для ее становления в качестве значимого регионального игрока [Иванова, 2019]. Серия протестов в арабских странах обострила ряд проблем, имеющих ключевое значение для националь-

¹ Erdoğan: “Kanal İstanbul benim çilgin projem, yakında ihaleye çıkacağız” // Официальный сайт новостного издания “KARAR”. – 2020. – 27 ноября. – Режим доступа: <https://www.karar.com/erdogan-kanal-istanbul-benim-cilgin-projem-yakinda-ihaleye-cikacagiz-1595464> (дата обращения: 10.09.2021).

ной безопасности страны, а именно – проблемы международного терроризма и курдского сепаратизма. В этом контексте стоит подробнее рассмотреть участие Турции в сирийском конфликте.

Для Турции проблема населенных курдами провинций всегда стояла остро. В рамках теории С. Роккана турецкий Курдистан можно рассматривать как периферию [Rokkan, Ugwin, 1983]. Задачей турецких властей по-прежнему остается подавление антиправительственной деятельности Рабочей партии Курдистана (РПК) и дальнейшая интеграция субрегиона в экономическую, культурную и политическую жизнь страны. С началом сирийского конфликта север Сирии, где преимущественно проживают сирийские курды и где расположены базы РПК, стал местом концентрации оппозиции режиму Б. Асада, что без вмешательства внешних игроков могло бы привести к новому витку курдского ирредентизма. Турции необходимо было не допустить наращивания сотрудничества между сирийскими курдами, сирийской оппозицией, другими радикальными группировками и турецкими курдами. Ключевым инструментом достижения этой цели она полагала создание патрулируемой буферной зоны у сирийско-турецкой границы. Ею было проведено три масштабных военных операции, в результате которых такая зона шириной десять километров была создана.

Участие Турции в сирийском конфликте на курдском направлении является показательным примером неоимперскости, поскольку оно направлено на упреждающее устранение стратегической угрозы национальной безопасности и территориальной целостности и характеризуется высокой инициативностью.

В политической сфере неоимперский характер внешней политики страны проявляется в стремлении занять лидерские позиции в исламском мире. Ее устремлениям способствуют такие структурные факторы, как кризис лидерства в арабском мире, недостаточная популярность конкурирующего саудовского неотрадиционалистского проекта, имеющийся многовековой опыт управления регионом.

Одним из инструментов достижения лидерства в мире суннитского ислама для Турции является защита интересов мусульманской уммы. В частности, об этом говорит политическая поддержка, оказываемая Турцией Палестине. Так, после обострения конфликта между Израилем и Палестиной в мае 2021 г. Р.Т. Эрдоган в одном из своих заявлений назвал Израиль «терро-

ристическим государством»¹. В свою очередь, министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу заявил, что «умма ожидает от нас (от Турции. – *Прим. авт.*) лидерства»². Демонстративная поддержка Палестины при очевидной прагматической выгоде нормализации отношений с Израилем позволяет рассматривать и этот внешнеполитический шаг как проявление неоимперскости.

Заключение

Анализ ряда внутри- и внешнеполитических действий Турции за последнее десятилетие позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, понятие региональной державы не всегда имеет достаточный объяснительный потенциал применительно к политике бывших имперских центров. Во-вторых, даже трансформация бывшего ядра империи в национальное государство не означает утраты им имперской идентичности и порождаемых ею ориентаций; имперский опыт может быть целесообразно адаптирован к актуальным реалиям и использован в качестве концептуальной направляющей внешней политики страны. В-третьих, внешняя политика Турции несет в себе новый способ организации региональных связей на постосманском пространстве и соединяет борьбу за безопасность с поиском ресурсов для глобальной конкуренции. Наконец, неоимперский потенциал Турции подтверждает принципиальную нестатичность форм политической организации и, соответственно, тезис Х. Спрюйта о том, что национальное государство является далеко не первой, не единственной и не универсальной политической формой [Spruyt, 1996].

¹ Turkey's Erdogan calls Israel "terror state" over Palestinian clashes at Al-Aqsa // Официальный сайт Reuters. 2021. – 8 мая. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-accuses-israel-terror-over-palestinian-clashes-al-aqsa-2021-05-08/> (дата обращения: 10.09.2021).

² Bakan Mevlüt Çavuşoğlu'ndan 'Filistin' mesajı: Türkiye gereken her adımı atmaya hazırdır // Официальный сайт газеты "Sabah" / Официальный сайт газеты "Sabah". – 2021. – 16 мая. – Режим доступа: <https://www.sabah.com.tr/dunya/2021/05/16/son-dakika-haberi-bakan-mevlut-cavusoglundan-filistin-mesaji-turkiye-gereken-her-adimi-atmaya-hazirdir> (дата обращения: 10.09.2021).

A.O. Beliakova*
**Contemporary Turkey's Foreign Policy:
Regional Power in Neoimperial Perspective**

Abstract. The article examines the conceptual foundations of Turkey's contemporary foreign policy. Based on comparing a range of empirical data with a list of theoretical indicators compiled by D. Nolte the author classifies Turkey as a regional power and at the same time highlights the concept's insufficient explanatory capacity for analyzing the country's contemporary foreign policy. The author forms a hypothesis consistent with H. Spruyt's theory of institutional competition between political forms and of their selection. The hypothesis states that the current political dynamics lead to the emergence of novel political entities – neoempires. To test it, the author defines 'neoempireness' as a feature of foreign policy and undertakes a comparative analysis of 'empireness', 'post-empireness' and 'neoempireness'. It is noted that the term 'post-empireness' reflects spontaneous, unintended influence of the imperial past on the subsequent development of the former empire's core and peripheries as independent national states, whereas 'neoempireness' implies deliberate adaptation of the imperial experience to the contemporary realities for the purpose of engaging in the global competition more efficiently. The analysis of a range of significant political decisions and actions recently taken by the Turkish government allows to make the conclusion that its foreign policy has assumed a neoimperial nature.

Keywords: regional power; empire; neoempire; neoempireness; post-empire; post-empireness; Turkey's foreign policy.

For citation: Beliakova A.O. Contemporary Turkey's Foreign Policy: Regional Power in Neoimperial Perspective. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 245–257. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.11>

References

- Alekseeva T.A., Ananyev B.I. The Empire phantoms and the world order. *Journal of law and administration*. 2017, N 4(45), P. 86–91. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-86-90> (In Russ.)
- Barton G.A. *Informal Empire and the rise of one world culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014, 263 p.
- Fedorenko S.P. Features of Empire understanding in the context of the Neo-Imperial state formation. *Philosophy of law*. 2013, N 6(61), P. 72–75. (In Russ.)
- Ferguson N. *Empire: how Britain made the modern world*. London: Allen Lane, 2003, 392 p.
- Ivanova I.I. *Evolution of Turkey's policy in the Middle East in XX–XXI centuries*. Moscow: Editor Vorob'yov A.V., 2019, 380 p. (In Russ.)

* **Beliakova Arina**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: arinabeliakowa@yandex.ru

- Kaspe S.I. *Centers and hierarchies: spatial metaphors of power and Western political form*. Moscow: Moscow school of political studies, 2007, 318 p. (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political Science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Loshkariov I.D., Paren'kov D.A. Post-imperial trajectories in world politics. *Journal of law and administration*. 2017, N 4(45), P. 91–97. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-91-96> (In Russ.)
- Meleshkina E.Y. Post-Imperial spaces: peculiarities of state and nation-building. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 10–29. (In Russ.)
- Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics. *Review of international studies*. 2010, Vol. 36, N 4, P. 881–901. DOI: <https://doi.org/10.1017/s026021051000135x>
- Nye J. *Soft power: the means to success in world politics*. New York: Public Affairs Group, 2004, 209 p.
- Potseluyev S.P. “Symbolic politics”: history of concept. *Symbolic politics*. 2012, N 1, P. 17–53. (In Russ.)
- Rokkan S., Urwin D.W. *Economy, territory, identity: politics of West European peripheries*. London: Sage publications, 1983, 228 p.
- Snyder J. *Myths of empire: domestic politics and international ambition*. London: Cornell university press, 2013, 559 p.
- Spruyt H. *The sovereign state and its competitors: an analysis of systems change*. Princeton: Princeton university press, 1996, 304 p.
- Sucu A.E., Safranchuk I., Nesmashnyi A., Iskandarov Q. Transformation of middle powers with the decline of world hegemony: the case of Turkey. *Strategic analysis*. 2021, P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.1080/09700161.2021.1950409>
- Wendt A., Friedheim D. Hierarchy under anarchy: Informal Empire and the East German State. *International organization*. 1995, Vol. 49, N 4, P. 689–721. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0020818300028484>

Литература на русском языке

- Алексеева Т.А., Ананьев Б.И. Имперские фантомы и миропорядок // Право и управление. XXI век. – 2017. – № 4(45). – С. 86–91. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-86-90>
- Иванова И.И. Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. – 380 с.
- Каспэ С.И. Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 318 с.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>

- Лошкарёв И.Д., Пареньков Д.А.* Постимперские траектории в мировой политике // Право и управление. XXI век. – 2017. – № 4(45). – С. 91–97. DOI: <https://doi.org/10.24833/2073-8420-2017-4-45-91-96>
- Мелешикина Е.Ю.* Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Поцелуев С.П.* «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. – 2012. – № 1. – С. 17–53.
- Федоренко С.П.* Особенности понимания империи в контексте процессов формирования неоимперской государственности // Философия права. – 2013. – № 6(61). – С. 72–75.

С.А. СЕЙИДЛИ*

**ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СУБЪЕКТНОСТИ СИРИЙСКИХ ТУРКОМАН
В РАМКЕ ПОСТИМПЕРСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования политической субъектности этноконфессиональных меньшинств в ходе сирийского вооруженного конфликта последних лет. Автора интересует, почему в стране, где этноконфессиональная структура населения существенно не изменялась в течение десятилетий, внезапно произошла интенсивная политизация общинных идентичностей. Тестируется гипотеза о том, что это произошло в результате длительного процесса ослабления государственной состоятельности и в территориальном, и в функциональном аспектах. В качестве кейса для исследования выбрано сообщество сирийских туркоман, третьей по численности этнокультурной группы Сирии. Основанием для выбора стало не только малое количество работ по этой теме, но и самоидентификация группы как части тюркского (османского) мира. В качестве аналитического инструмента использован «треугольник Брубейкера», который предполагает анализ национализма таких меньшинств во взаимосвязи с политической «национализующего государства» и «внешней родины».

Исследование включает в себя анализ (а) системы регулирования социокультурного плюрализма в Османской империи, (б) особенностей создания современного сирийского государства и (в) процесса политизации туркоманского сообщества в ходе гражданского конфликта. Сделан вывод, что на формирование его политической субъектности оказали влияние такие факторы, как нарушение «общественного договора» между правящей элитой и населением в период

* Сейидли Салех Агил оглы, аспирант кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: saleh6064@gmail.com

© Сейидли С.А., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.01.12

неолиберальных реформ, поддержка «внешней родины» – Турции, использовавшей потенциал племен для создания зоны безопасности, а также сохранившиеся у туркоман механизмы племенной солидарности и самоуправления, которые позволили им частично реализовать проект широкой культурной автономии на севере страны.

Ключевые слова: сирийские туркоманы; сирийский кризис; османские институты; арабское государство; арабский национализм; этноконфессиональные меньшинства; пантюркизм.

Для цитирования: Сейидли С.А. Формирование политической субъектности сирийских туркоман в рамке постимперского национального государства // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 258–276. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.12>

Рост этноконфессиональной нетерпимости на Арабском Востоке (так называемый новый сектарианизм¹) приобрел черты устойчивого тренда после падения режима Саддама Хусейна в Ираке (2003) и последовавших событий: распада центральной власти, дискриминации арабов-суннитов в ходе политики дебаасификации и подъема ИГ(ИЛ)². Этот процесс был ускорен «арабской весной» и ярче всего проявился в Сирии, где межобщинные конфликты, сопряженные с поддержкой внешних сил, продолжают до настоящего времени.

Между тем до 2000-х годов большинство арабских элит поддерживали инклюзивный националистический дискурс и избегали инструментализации общинных идентичностей [Byman, 2014, p. 79], опираясь на межрелигиозные коалиции среднего и низшего классов [Hinnebusch, 2020, p. 146]. В Сирии система устойчивых связей между центром и общинами поддерживалась также исторически сложившейся системой коммуникации между Дамаском и периферией (региональными и городскими элитами, главами общин) [Козинцев, 2018].

¹ К настоящему времени термин «новый сектарианизм» закрепился в научном дискурсе; например, С. Бельхадж и Л.Р. де Эльвира Карраскал понимают под ним политизацию коллективных идентичностей не только на этнической и религиозной, но и на клановой, племенной и / или семейной основе [Belhaj, de Elvira Carrascal, 2018, p. 330–331].

² Организация признана террористической и запрещена на территории России.

Почему же в Сирии, где этноконфессиональная структура населения существенно не изменялась в течение десятилетий, внезапно произошла столь масштабная и интенсивная политизация общинных идентичностей? Логично предположить, что она была вызвана не просто особо неблагоприятным течением обстоятельств, но стала результатом длительного процесса ослабления государственной состоятельности и в территориальном, и в функциональном аспектах. Проверка этого предположения требует обращения к генезису и более ранним этапам развития сирийского государства и будет основана на исследованиях, посвященных особенностям имперских пространств [Barkey, 2008; Barkey, Gavrilis, 2016; Karpas, 2001; Tilly, 1997; Мелешкина, 2013] и государственному строительству на Ближнем Востоке [Barkey, Hagen, 1997; Hinnebusch, 2011; Lust, 2011; Ближний Восток..., 2020; Кудряшова, Козинцев, 2021; Наумкин, 2019; Кузнецов, 2018].

В качестве конкретного случая политизации этноконфессиональных сообществ будут рассмотрены сирийские туркоманы, которые представляют интерес как часть не только сирийского общества, но и постосманского мира: большинство туркоманских политических и культурных организаций заявляют о глубоких исторических и культурных связях с Турцией¹. Для анализа формирования их политической субъектности будет использован «треугольник Брубейкера» [Brubaker, 2009], который предполагает анализ национализма «разделенных меньшинств» во взаимосвязи с политикой «национализирующего государства» (*nationalizing state*) и «внешней родины» (*external national homeland*).

Имперский фактор и государственное строительство

Рассматривая современные политические конфликты в арабских странах, исследователи часто упускают из виду османское прошлое, или оценивают его как период упадка. Однако империя включала в себя арабский мир (с некоторыми исключениями, как Марокко) в течение четырех веков и не могла не оставить отпечатка на его политико-культурных традициях. По мнению Н. Айюби,

¹ Suriye Türkleri / 21 yüzyıl Türkiye enstitüsü. – 2015. – 4 Aralık. – Mode of access: <https://21yyte.org/tr/suriye/suriye-turkleri-2> (accessed: 11.08.2021.)

образование государств на Арабском Востоке было результатом не столько внутреннего интегративного процесса (социально-культурной интеграции, постепенно движущейся к политической централизации, правовой стандартизации, равенству гражданских прав и суверенитету народа), сколько результатом навязанного извне процесса дезинтеграции империи [Ayubi, 2008, p. 66].

Разработка динамичной системы регулирования социокультурного плюрализма относится к безусловным достижениям Порты в сфере организации и администрирования. В системе управления арабскими провинциями Машрика¹ Османы опирались главным образом на городские суннитские элиты [op. cit., p. 109]. Признавая плюралистическую природу общества, они стремились подчинить меньшие сообщества (племенные, этнические или религиозные, будь то деревни, городские кварталы или гильдии / ордена) доминирующему суннитскому [Karpat, 1988, p. 39]. Центрам провинций делегировалось управление «негородским» местным населением в пределах административной единицы, и оно осуществлялось при опоре на исторически сложившиеся практики [Кудряшова, Козинцев, 2021, с. 149].

Многие управленческие функции, связанные с религиозными меньшинствами, были делегированы их духовным лицам. В середине второй половины XV в. вслед за расширением империи в ней возникла система *миллетов*: были учреждены христианский православный, армянский и иудейский миллеты со своими правовыми системами и институциональной сетью для религиозных, общественных и образовательных дел. Они представляли собой структурные единицы, следовавшие этническим или конфессиональным линиям² и обладавшие высокой степенью автономии. Такая система обеспечивала их лояльность султану.

Современную форму территориальной автономии напоминали отношения центра с глубокой периферией – труднодоступными областями или зонами приграничья, отношения с которыми строились на неформальных договоренностях и зачастую признании особых прав (как, например, милиций курдов).

¹ Машрик – историческое название восточной части арабского мира (Ирак, Сирия, Иордания, Палестина, Ливан, иногда – Египет).

² К концу XIX в. крупные миллеты включали в себя ряд более мелких; их общее число достигало девяти.

Европейским империям, постепенно вытеснявшим османский центр из пространства Машрика, арабские государства обаяны другой своей чертой – произвольным характером границ. В начале XIX в. регион был организован в четыре османские провинции, каждая из которых включала в себя крупный город: Дамаск, Алеппо, Триполи и Акру; позднее Иерусалим стал центром нового санджака, а Бейрут был преобразован в отдельный вилайет.

Разделение Великой Сирии стало, главным образом, результатом колониальной политики Великобритании и Франции. Соглашение Сайкса – Пико 1916 г. отделило от нее Ливан, Иорданию и Палестину, а Декларация Бальфура 1917 г. привела к превращению Палестины в еврейское государство. Наиболее искусственной с точки зрения своего создания была Иордания.

Оказавшись под французским мандатом, сирийское государство вобрало в себя то, что осталось от Великой Сирии. Его территория была несвязанной, что привело к появлению дальнейших планов ее раздела (на Дамаск, Алеппо, Джебель Друз и государство алавитов). При отсутствии сирийской протонации распространение имели паннациональные (панарабизм, панисламизм) и субнациональные (субрегиональные) идентичности [Karpat, 1988, p. 116]. В этих условиях французским властям приходилось формировать легитимность нового государства путем манипулирования унаследованными идентичностями или изменения и «разбавления» их. В частности, арабский национализм (90% сирийцев были арабояворящими) уравнивался поддержкой этнических и религиозных меньшинств [Hinnebusch, 2020, p. 142]. Племена до середины XX в. обеспечивали связи между отдельными регионами [Козинцев, 2018, с. 226].

Национальное строительство в Сирии

Учитывая задачу исследования, логично рассмотреть фазы сирийского национального строительства в ракурсе «государственный национализм – общинные идентичности». На первом этапе формирования независимого сирийского государства (1946–1963) сирийский национализм имел выраженную панарабскую и антиимпериалистическую направленность, что объясняется как французской политикой по разделению Великой Сирии, так и созданием

Израиля и первой неудачной арабо-израильской войной. Старая национальная элита, объединявшая крупную буржуазию и землевладельцев, была малоэффективна в области институционализации и централизации власти, но не препятствовала присутствию в парламенте представителей меньшинств. Вместе с тем их главные оппоненты – партии «среднего класса» (интеллигенции, мелкой буржуазии и отчасти рабочих и крестьян) требовали широких социально-экономических реформ, включая аграрную, и перешли к политике массовой мобилизации [История Востока, 2008, с. 197–198]. Классовая политика с антиимпериалистической составляющей подчиняла себе этноконфессиональные идентичности. Наиболее успешной из этих партий стала Баас.

Следующий этап (1963–2000) связан с укреплением власти Баас. В ходе внутрипартийной борьбы, связанной с ее самороспуском перед объединением с Египтом (1958–1961), соперничающие группировки искали поддержки меньшинств, но сами эти меньшинства (алавиты и друзы) оказались наиболее приспособленными к инструментализации внутриобщинных связей. Численность представителей меньшинств в аппарате партии, государственной бюрократии, армии и спецслужбах стала расти. По мнению Р. Хиннебуша, при Хафезе Асаде (алавите) баасистский режим был институционализирован «в качестве популистской версии неопатримониализма, который инструментально использовал множество идентичностей, опираясь на членов алавитской общины во власти и одновременно создавая инклюзивные институты и продвигая арабскую национальную идентичность» [Hinnebusch, 2020, р. 149]. Последнюю поддерживали войны с Израилем и оккупация Голанских высот. По внешнеполитическим и идеологическим причинам огромную помощь Сирии, продвигавшейся по пути «социалистической ориентации», оказывал СССР.

После смерти Асада-старшего в 2000 г. правящая элита во главе с Башаром Асадом была вынуждена изменить политический курс в связи с нехваткой ресурсов для поддержания прежней системы патронажно-клиентельных связей и требованиями социально-экономических и политических реформ со стороны общества. На этом этапе (2000–2010) новый лидер начал смену «старой гвардии» в госаппарате и армии, стимулировал обновление депутатского корпуса, расширил представительство регионов с высокой долей племен в составе населения, предпринял шаги по корректи-

ровке этноконфессионального баланса во властных структурах и осуществил меры для либерализации экономики и привлечения инвестиций. Однако потеря старых суннитских клиентов, выход на рынок «кланового капитализма», рост коррупции, сокращение государственных социальных обязательств и субсидий, как и региональных трансфертов, привели к значительному сокращению базы поддержки режима и дали возможность обвинять его в этноконфессиональной дискриминации [Козинцев, 2018, с. 228–229].

Гражданский конфликт в 2011 г. начинался как мирный социальный и политический протест, во главе которого стояла светски ориентированная городская молодежь, выступавшая за «свободную демократическую Сирию». Однако вскоре он приобрел иное измерение. Инструментализация властью этноконфессиональных идентичностей отвечала двум целям: с одной стороны, она должна была консолидировать национальную, региональную и международную поддержку режима, который позиционировал себя в качестве борца с суннитским терроризмом. С другой стороны, ослабить оппозицию путем ее фрагментации и разубедить меньшинства участвовать в антирежимных выступлениях. Усиливая политику идентичности, правящая элита преуспела в подрыве претензии оппозиции на легитимность: протестующие больше не могли претендовать на то, что являются единым национальным движением. Длительное течение конфликта и слабость центральной власти укрепили роль локальных сообществ как центров безопасности и жизнеобеспечения [Кудряшова, 2021].

Формирование политической субъектности сирийских туркоман: меньшинство и «национализирующее государство»

Туркоманы, третья по численности этническая группа страны, являются потомками тюркских переселенцев, прибывших на территорию современной Сирии во время правления Сельджуков, Мамлюков и Османов. Как и большинство сирийцев (74%), они исповедуют суннитскую версию ислама. Их общины проживают в основном в районах, непосредственно граничащих с Турцией, а также в крупнейших городах страны (Алеппо, Дамаск, Хомс). Большинство лингвистов считают говор туркоман диалектом турецкого языка.

Согласно докладом ООН и ряда международных неправительственных правозащитных организаций, права туркоман как этнического меньшинства нарушались: они подвергались систематической дискриминации со стороны нескольких сирийских правительств¹. Присутствие представителей туркоманского сообщества в политической и военной элитах Сирии не привело к общему улучшению их положения. Ввиду политических ограничений, наложенных правительством при Асаде-старшем и его сыне, туркоманские политические партии и организации не имели официального статуса, действовали подпольно или за границей, а также не обладали ресурсами для эффективной организации своей деятельности внутри страны.

Как и многие другие социальные группы, туркоманы были недовольны своим социально-экономическим положением в 2000-е годы. Инфляция, рост безработицы среди молодежи, неэффективная земельная реформа, голод в сельских районах Сирии, высокий уровень коррупции, низкий ВВП на душу населения вместе с политическими и культурными ограничениями привели к усилению оппозиционных настроений среди членов этого сообщества². С эскалацией сирийского конфликта в марте 2011 г. и потерей правительством власти в целом ряде регионов страны, а также благодаря усилению международного внимания к сирийской проблеме, многие ранее маргинализированные группы (в том числе туркоманы) получили возможность действовать открыто.

Летом 2011 г. в Турции были сформированы две сирийские туркоманские партии: Сирийское туркоманское демократическое движение и Сирийский туркоманский блок. Несмотря на разногласия и даже соперничество между ними, в марте 2013 г. при посредничестве Турции они сформировали Сирийскую туркоманскую ассамблею (СТА), которая состояла из 400 делегатов, представлявших разные районы Сирии с преобладанием туркоман.

¹ *Orhan O., Duman B., Öztürkmen A.* Suriye'de değişimin ortaya çıkardığı toplum: Suriye Türkmenleri // ORSAM. – 2011. – N 14. – Mode of access: https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/Analiz_83_tr.pdf (accessed: 17.10.2021).

² *Kirişçioglu F.* Suriye'de İç savaşı sürerken Suriye Türkmenleri / 21 Yüz yıl Türkiye enstitüsü. Suriye'de iç savaşı sürerken Suriye Türkmenleri // 21 Yüz yıl Türkiye enstitüsü. – 2013. – N 1. – Mode of access: https://www.21yyte.org/assets/uploads/files/suriye-turkmenleri-rapor-son-pdf_14032013.pdf (accessed: 1.10.2021).

В дальнейшем число партий внутри СТА увеличилось¹. Целью организации являлось участие в политических структурах и институтах сирийской оппозиции для эффективного представления интересов туркоман как в Сирии, так и на международной арене.

В 2014 г. СТА сформулировала свою политическую позицию в манифесте «Видение сирийского туркоманского движения», который затрагивает как организационные вопросы деятельности этой политической организации, так и ее основные требования к власти. В частности, СТА²:

- придерживается идеи «Новой Сирии», т.е. превращения Сирии в демократическое государство с реальным разделением властей и прозрачной системой правосудия;

- выступает за территориальную целостность Сирии;

- считает, что в сирийскую конституцию должен быть включен принцип «мирного сосуществования» этнических групп Сирии;

- выступает против любой формы дискриминации, против ущемления прав сирийцев на этнической, религиозной, конфессиональной, классовой, идеологической или любой другой основе;

- полагает, что конституция должна гарантировать культурные права этнических и религиозных групп Сирии;

- отвергает конституционный порядок, при котором преобладает любая религиозная или субрелигиозная группа;

- требует принятия светской конституции, которая будет соответствовать современным международным нормам.

Эти положения показывают, что политический нарратив и идеология туркоманского движения построены в противовес официальной идеологии правящей партии Баас. Туркоманские политические партии считают сирийский режим авторитарным и поэтому заявляют о преданности демократическим принципам не только в гипотетическом будущем, но и в настоящем, т.е. в период конфликта (что выражается в проведении выборов на основные позиции внутри политического альянса). Говоря о территориаль-

¹ Oytun O. Syrian Turkmens: political movements and military structure // ORSAM. – 2013. – N 22. – Mode of access: https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf (accessed: 1.10.2021).

² Mustafa A. Suriye’de turkiye’de Türkmen gerçeği // ORSAM. – 2015. – N 27.

ной целостности Сирии, СТА имеет в виду международно признанные границы Сирии (т.е. без провинции Хатай¹).

Пункт о «мирном сосуществовании» является отсылкой к идее «демократического конфедерализма» Абдуллы Оджалана, поддержанной Сирийскими демократическими силами (СДС)². Но туркоманы выступают против любой формы федерализации Сирии и считают, что мирное сосуществование народов возможно без оформления административных единиц, базирующихся на этнической основе. По мнению СТА, сирийцы – не арабская (как определено действующей конституцией), а полиэтническая гражданская нация.

СТА и туркоманские правозащитные организации обвиняют правительство Асада в системной дискриминации меньшинств, поэтому сразу в нескольких пунктах выдвигается требование новой конституции, где будет признано существование в стране этнических меньшинств и закреплена защита их культурных прав.

Последний пункт документа также содержит критику режима. В действующей конституции 2012 г. присутствует принцип свободы вероисповедания (ст. 42), но религией президента страны должен быть ислам (ст. 3). Туркоманы требуют не только конституционно закрепить принцип светского государства, но и исключить доминирование любой религиозной группы (имея в виду доминирование алавитской общины в правящей элите).

После образования объединения, способного представлять интересы сирийских туркоман на политической арене, туркоманские активисты стали чаще участвовать в политических организациях оппозиции. Они принимали участие в деятельности Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС)³, органах альтернативного Сирийского переходного правительства, а также в переговорах Женевского и Астанин-

¹ После распада Османской империи Хатай (санджак Александретта) стал частью подмандатной Сирии, в 1930-х годах получил автономию и затем вошел в состав Турции; вопрос о принадлежности Хатая вновь возник в Сирии в ходе гражданской войны.

² Сирийские демократические силы – военный альянс, ядро которого составляют курдские отряды самообороны, действующие на севере Сирии; в альянсе участвуют ассирийские и туркоманские подразделения.

³ НКСРОС – коалиция сирийских оппозиционных групп разного толка, созданная в 2012 г. в Катаре с целью свержения президента Б. Асада.

ского форматов и работе Конституционного комитета^{1, 2}. Дважды главой НКСРОС избирались политики-туркоманы: в 2015 г. – Халид Ходжа³, в 2018 г. – Абдурахман Мустафа⁴.

Параллельно с формированием политических структур туркоманы организовали вооруженные подразделения⁵, которые непосредственно участвуют в боевых действиях против правительственных сил⁶. Также туркоманы присутствуют в рядовом составе и руководстве преимущественно арабских и курдских вооруженных групп⁷. По оценкам, общая численность туркоманских подразделений насчитывает 15 тыс. бойцов⁸. Формально они включены в Объединённую туркоманскую армию⁹, однако реально действуют независимо друг от друга.

Тем не менее все эти организации признают СТА в качестве своего законного представителя и характеризуют себя как ее воен-

¹ Сирийский конституционный комитет – поддерживаемый ООН формат встреч представителей правительства и оппозиции по конституционной реформе.

² Opposition delegation at the Constitutional Committee // Suriye gundemi. – Mode of access: <http://en.suriyegundemi.com/2019/11/04/opposition-delegation-at-the-constitutional-committee/opposition-delegation-at-the-constitutional-committee/> (accessed: 05.08.2021).

³ Profile: Khaled Khoja, Syria opposition chief // BBC. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-30699657> (accessed: 05.08.2021).

⁴ Suriye Türkmen meclisi üye listesi // Suriye gundemi. – Mode of access: <http://www.suriyegundemi.com/2018/04/26/turkmen/> (accessed: 05.08.2021).

⁵ На данный момент это: «Бригада султана Мурада», «Бригада аль-Хамза», «Бригада Мунтасира Биллаха», «Бригада Мехмета Завоевателя», «Бригада Абдулхамиди Хана», «Вторая береговая бригада», «Бригада османского возрождения». Обращает на себя внимание тот факт, что большинство бригад имеют названия, связанные с османской эпохой.

⁶ Acun A., Kutluhan G. Suriye krizinde göz ardı edilen aktör: Türkmenler // SETA. – 2018. – N 224. – Mode of access: <https://setav.org/assets/uploads/2019/01/224.Perspektif-Suriye-Tu%CC%88rkmenleri.pdf> (accessed: 05.08.2021).

⁷ Türkiye'nin desteklediği ve Fırat'ın doğusuna yönelik olası bir operasyonda yer alacak yapılanma: Milli ordu // Suriye gundemi. – Mode of access: <https://www.suriyegundemi.com/turkiye-nin-destekledigi-ve-firat-in-dogusuna-yonelik-olası-bir-operasyonda-yer-alacak-yapılanma-milli-ordu> (accessed: 03.08.2021).

⁸ Acun A., Kutluhan G. Op. cit.

⁹ Turkey, Syrian Turkmen team up to form United Turkmen Army // Yeni safak. – Mode of access: <https://www.yenisafak.com/en/news/turkey%2c-syrian-turkmen-team-up-to-form-united-turkmen-army-2207584> (accessed: 02.08.2021).

ное крыло¹. Это имеет немаловажное значение, учитывая, что в ходе сирийского конфликта многие вооруженные группы отказывались признавать легитимность политических организаций, принимавших участие в межсирийских переговорах².

Анализ участия туркоман в сирийском конфликте позволяет отнести их к тому классу национальных меньшинств, о которых пишет Ф. Брубейкер. По его мнению, национальное меньшинство – это не просто демографическая группа, а определенная политическая позиция, которую формируют три элемента: во-первых, убежденность членов этого меньшинства в существовании своей этнокультурной общины, которая отлична от большинства; во-вторых, обращенное к государству требование признать свой отдельный статус; в-третьих, требование этнокультурных прав на основе этого статуса [Brubaker, 2009, p. 112]. Все эти признаки у сирийских туркоман присутствуют: они заявляют о себе в качестве отдельной от арабов и курдов этнической группы, требуют официального признания от сирийского правительства и предоставления им на этом основании культурной автономии.

Формирование политической субъектности сирийских туркоман: меньшинство и «внешняя родина»

Важной для формирования политической субъектности сирийских туркоман является роль Турции («внешней родины»). Турция оказывала финансовую и дипломатическую поддержку туркоманским партиям, а также предоставила свою территорию для организации съездов туркоманских политических организаций и формирования единого альянса. Финансовая и военная поддержка предоставляется туркоманским вооруженным отрядам, их бойцы проходят обучение в лагерях, организованных турецкой армией.

Турция предпринимала попытки защитить интересы туркоман и на внешней арене. Самым ярким примером являются собы-

¹ Oytun O. Syrian Turkmens: political movements and military structure // ORSAM. – 2013. – N 22. – Mode of access: https://www.orsam.org.tr/d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf (accessed: 1.10.2021).

² Lister C. Profiling Jabhat al-Nusra. Analysis paper // Brookings Institution. – 2016. – Mode of access: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/iwr_20160728_profiling_nusra.pdf (accessed: 12.08.2021).

тия ноября 2015 г., когда на севере Латакии, где базировалась туркоманская «Вторая береговая бригада»¹, ВВС Турции сбили российский бомбардировщик, а один из пилотов при катапультировании был застрелен бойцами этой бригады. Инцидент привел к кризису в российско-турецких отношениях, который удалось урегулировать только к 2016 г.

По мере возрастающей политической и военной вовлеченности Турции в сирийский конфликт туркоманы начали играть большую роль на сирийском направлении ее внешней политики. Туркоманские формирования вместе с другими отрядами вооруженной оппозиции принимали участие в турецких операциях «Щит Евфрата» (2016–2017), «Оливковая ветвь» (2018), «Источник мира» (2019), «Весенний щит» (2020). Целью этих операций было устранение ИГ(ИЛ), недопущения создания курдской автономии в северных регионах Сирии и противодействие сирийским вооруженным силам, что отвечало интересам туркоманского меньшинства.

В 2019 г. все туркоманские вооруженные формирования стали частью так называемой Сирийской национальной армии (СНА) – альянса крупнейших оппозиционных вооруженных группировок Сирии, созданного при поддержке Турции и тесно сотрудничающего с ее вооруженными силами.

В общей сложности СНА и Турция контролируют территорию площадью 8835 тыс. км² на севере Сирии, которая объявлена сирийской зоной безопасности. В этом районе расположены более тысячи различного рода поселений, значительная часть которых имеет туркоманское демографическое большинство². Де-факто эта территория администрируется альтернативным Временным правительством Сирии. В зоне безопасности созданы районные советы, которые выполняют функции местных органов власти и в которых наряду с арабами и курдами присутствуют туркоманы. Турецкий

¹ Russian raids repeatedly hit Syrian Turkmen areas, Moscow's data shows // Reuters. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-russia-turkey-airstrik/russian-raids-repeatedly-hit-syrian-turkmen-areas-moscows-data-shows-idUSKBN0TG1YQ20151128> (accessed: 02.08.2021).

² From Afrin to Jarabulus: A small replica of Turkey in the north // Enab Baladi investigation team. – 2018. – Mode of access: <https://english.enabbaladi.net/archives/2018/08/from-afrin-to-jarabulus-a-small-replica-of-turkey-in-the-north> (accessed: 03.08.2021).

(наряду с арабским и курдским) является языком деятельности местных администраций, а также широко используется в образовательных программах в учебных заведениях. Он также является одним из языков СМИ, разного рода культурных объединений и вооруженных формирований¹. По сути, туркоманам удалось добиться культурной автономии – статуса, которого они требовали с самого начала конфликта. Она не признана действующим правительством Сирии, но рассматривается туркоманскими организациями как промежуточный успех.

Как отмечает Ф. Брубейкер, «внешние родины» – это государства, в которых понятие национальности выходит за рамки международно признанных границ и гражданства. Такой подход обязывает их защищать интересы своих условных соотечественников, которые оказались вне границ национального государства. Поведение Турции отвечает этой рамке: она видит в туркоманах как бы соотечественников, культурную связь с которыми нужно сохранить, а в настоящий момент, в условиях гражданской войны в Сирии, – защитить.

Несмотря на то что большинство туркоманского населения Сирии поддерживает политические партии, входящие в СТА, не все туркоманы выбрали в этом конфликте сторону оппозиции². Так, правительство Башара Асада пользуется популярностью среди туркоман-алавитов, проживающих в Латакии. Более того, на момент начала конфликта одним из самых высокопоставленных политиков сирийской Баас был военнотуркоманский туркоманского происхождения – бывший министр обороны Хасан ат-Туркмани (погиб в результате теракта в июле 2012 г.).

Среди сирийских туркоман есть силы, которые не поддерживают усилия Турции по формированию единого туркоманского альянса и зоны безопасности на севере Сирии. Сформированная в 2013 г. туркоманская вооруженная группа «Бригада сельджуков» предпочла вступить в СДС, ведущих борьбу за курдскую автономию в том же регионе. В 2015 г. ее глава и официальный предста-

¹ From Afrin to Jarabulus: A small replica of Turkey in the north // Enab Baladi investigation team. – 2018. – Mode of access: <https://english.enabbaladi.net/archives/2018/08/from-afrin-to-jarabulus-a-small-replica-of-turkey-in-the-north> (accessed: 03.08.2021).

² Heras N.A. Syrian Turkmen join opposition forces in pursuit of a new Syrian identity // Terrorism Monitor Volume. – 2013. – N 11 (11).

витель СДС Талал Сило заявил, что «туркоманы – это сирийцы, а не турки»¹. Однако уже в 2017 г. он покинул ряды организации и обвинил СДС в этнических чистках арабов и туркоман². Тем не менее это подразделение, хотя и ослабленное потерями, продолжает действовать. Ряд туркоман примкнули к террористическим организациям; самым ярким примером является Абдулрахман аль-Кадули, который был губернатором ИГ(ИЛ) в Сирии. Таким образом, в структуре идентичности даже видимо монолитной группы могут присутствовать разные сочетания этнического, религиозного и регионального компонентов, что приводит к разделению политических лояльностей.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что на формирование политической субъектности сирийского туркоманского сообщества оказали влияние два основных фактора. Во-первых, это политика «национализирующего государства», которое, как пишет Р. Брубейкер, является нереализованным национальным государством и для своей реализации продвигает и распространяет культуру и язык этнического большинства, в том числе с помощью силы [Brubaker, 2009, р. 9]. Официальная идеология арабского национализма была менее чувствительна для меньшинств, когда правящая партия сочетала его с «общественным договором», согласно которому политическая лояльность обменивалась на меры социальной защиты граждан независимо от их общинной принадлежности. Огромную роль в обеспечении этого договора сыграла помощь социалистических государств, прежде всего СССР, обусловленная необходимостью поддержки национально-освободительных движений «в борьбе с империализмом и сионизмом на Ближнем Востоке».

После окончания холодной войны правящая элита, столкнувшись с сокращением ресурсов для патронажа, была вынуждена

¹ QSD Turkmen commander: “Turkmens are Syrians, not Turks” // YouTube. – Mode of access: <https://www.youtube.com/watch?v=TIgLL4FklhM> (accessed: 02.08.2021).

² US-backed SDF spox Talal Sillo defects from PKK-aligned group, crosses into Turkey // Daily sabah. – Mode of access: <https://www.dailysabah.com/politics/2017/11/15/us-backed-sdf-spox-talal-sillo-defects-from-pkk-aligned-group-crosses-into-turkey> (accessed: 03.08.2021).

перейти к неолиберальной политике, что в условиях закрытой политической системы обернулось сворачиванием социальных программ, ростом «кланового капитализма» и коррупции и переориентацией на западные страны. Снижение уровня жизни малообеспеченных слоев и фактическое «рассеивание» арабского национализма привели к тому, что государство оказалось неспособным даже к продолжению национализирующей политики и утратило поддержку этноконфессиональных общин.

Во-вторых, это поддержка «внешней родины» – Турции. В условиях неконсолидированных границ стран постимперского пространства большинство туркоман сохранили и тюркскую, и племенную, и имперскую идентичность (о последней свидетельствуют названия их вооруженных подразделений). В ходе сирийского конфликта Турция, как когда-то Порты, использовала потенциал племен периферии для создания зоны безопасности на сирийском направлении. Одновременно оказываемая ею помощь позволила туркоманам частично реализовать проект широкой культурной автономии, опирающийся на сохранившиеся механизмы солидарности. В настоящий период представители этой общины участвуют в работе Конституционного комитета и имеют свое видение конституционной реформы, выступая за демократизацию политической системы и признание культурных прав этноконфессиональных общин.

S.A. Seyidli*

**The Syrian Turkmen actorness in the framework
of a post-imperial nation-state**

Abstract. The article focuses on the issue of minorities political actorness during the current armed conflict in Syria. The author speculates on why a country where the ethno-confessional structure of the population has not changed significantly for decades, suddenly faced an intensive politicization of communal identities. The tested hypothesis is that this has emerged from a long process of the state capacities weakening both in the territorial and functional aspects. In this context, the author studies the community of Syrian Turkmen, the third largest ethnocultural group in the country. The selection of this case was guided not only by a lack of relevant in-depth

* **Saleh Seyidli**, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: saleh6064@gmail.com

studies, but also by the group's self-identification as a part of the Turkic (Ottoman) world. The application of “Brubaker's triangle” as an analytical tool made it possible to view the nationalism of such minorities in relation to the policies of the “nationalizing state” and “external national homeland”. The study involves analysis of (a) the system of regulation of socio-cultural pluralism in the Ottoman Empire, (b) the peculiarities of state- and nation-building in Syria and (c) the process of Turkmen community politicization during the civil conflict. It is concluded that its political actorness was formed due to such factors as violation of the “social contract” between the ruling elite and the population during the period of neoliberal reforms, the “external homeland” (Turkey's) support, as well as the persistence of mechanisms of tribal solidarity and self-government among the Turkmen, which allowed them to partially implement the project of cultural autonomy in Northern Syria.

Keywords: Syrian Turkmen; Syrian crisis; Ottoman institutions; Arab state; Arab nationalism; ethno-confessional minorities; Pan-Turkism.

For citation: Seyidli S.A. The Syrian Turkmen actorness in the framework of a post-imperial nation-state. *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 258–276. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.12>

References

- Ayubi N.N. *Over-stating the Arab state: politics and society in the Middle East*. London, New York: I.B. Tauris, 2008, 514 p.
- Barkey K., Hagen M. von (eds). *After empire. Multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman, and Habsburg empire*. Boulder: Westview press, 1997, 211 p.
- Barkey K. *Empire of difference: the Ottomans in comparative perspective*. New York: Cambridge univ. press, 2008, 342 p.
- Barkey K., Gavriliis G. The Ottoman millet system: non-territorial autonomy and its contemporary legacy. *Ethnopolitic*. 2016, Vol. 15, N 1, P. 24–42. DOI: <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>
- Belhaj S., de Elvira Carrascal L.R. Sectarianism and civil conflict in Syria: reconfigurations of a reluctant issue. In: Kraetzschmar H., Rivetti P. (eds). *Islamists and the politics of the Arab uprisings: governance, pluralisation and contention*. Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2018, P. 322–340.
- Belokrenitsky V.Y., Naumkin V.Y. (eds). *History of the East: Vol. 6: The East in the modern period (1945–2000)*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2008, 1095 p. (In Russ.)
- Brubaker R. *Nationalism reframed. Nationhood and the national question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge univ. press, 2009, 220 p.
- Byman D. Sectarianism afflicts the New Middle East. *Survival*. 2014, Vol. 56, N 1, P. 79–100. DOI: <https://doi.org/10.1080/00396338.2014.882157>
- Hinnebusch R. Empire and state formation contrary tangents in Jordan and Syria. In: Cummings S.N., Hinnebusch R. (eds). *Sovereignty after empire: comparing the Middle East and Central Asia*. Edinburgh: Edinburgh univ. press, 2011, P. 262–280. DOI: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748643042.003.0012>

- Hinnebusch R. Identity and state formation in multi-sectarian societies: Between nationalism and sectarianism in Syria. *Nations and nationalism*. 2020, Vol. 26, N 1, P. 138–154. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12582>
- Karpat K. The Ottoman ethnic and confessional legacy in the Middle East. In: Esman M.J., Rabinovich I. (eds). *Ethnicity, pluralism, and the state in the Middle East*. Ithaca, London: Cornell univ. press, 1988, P. 35–53.
- Karpat K. *The politicization of Islam: reconstructing identity, state, faith, and community in the late Ottoman state*. New York: Oxford univ. press, 2001, 544 p.
- Kozintsev A.S. A fight for the state: Syrian crisis through the lens of center-periphery relations. *Political science (RU)*. 2018, N 4, P. 223–240. DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11> (In Russ.)
- Kudryashova I.V., Kozintsev A.S. Institutional solutions for sectarian conflicts in the Middle East in the context of imperial legacy. *Political science (RU)*. 2021, N 2, P. 140–164. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05> (In Russ.)
- Kudryashova I.V. Militant sectarianism and the nation-state in the region of the Middle East and North Africa: on the methodology of researching new conflicts. In: Shibanova N.A. (ed.). *Management of regional conflicts in the context of digitalization of modern society: methodology and implementation practices*. Kazan: Kazan univ. publishing house, 2021, P. 223–231. (In Russ.)
- Kuznetsov V.A. Strengthening of statehood in the Middle East in the context of the theory of the social orders. *Vostok (Oriens)*. 2018, N 3, P. 6–23. DOI 10.7868/S0869190818030019 (In Russ.)
- Lust E. Institutions and governance. In: Lust E. (ed.). *The Middle East*. Washington, DC: CQ press, 2011, 12th edition, P. 143–192.
- Meleshkina E. Yu. Post-imperial spaces: peculiarities of state and nation-building. *Political science (RU)*. 2013, N 3, P. 10–29. (In Russ.)
- Naumkin V.V. Right-sizing and right-peopling: the Middle East challenges. *Polis. Political studies*. 2019, N 6, P. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06> (In Russ.)
- Tilly Ch. How empires end. In: Barkey K., Hagen M. von. (eds). *After empire. Multiethnic societies and nation-building: the Soviet Union and the Russian, Ottoman and Habsburg empires*. Boulder, CO: Westview press, 1997, P. 1–11.
- Zvyagelskaya I.D. (ed.). *The Middle East: politics and identity*. Moscow: Aspect Press, 2020, 336 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ближний Восток: политика и идентичность / А.С. Богачева [и др.]; под ред. И.Д. Звягельской. – М.: Аспект Пресс, 2020. – 336 с.
- История Востока: Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000) / отв. ред. В.Я. Белокреницкий, В.В. Наумкин. – М.: Восточная литература, 2008. – 1095 с.
- Козинцев А.С. Борьба за государство: сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. – 2018. – № 4. – С. 223–240. – DOI: <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11>

- Кудряшова И.В.* Воинственный сектарианизм и национальное государство в регионе Ближнего Востока и Северной Африки: о методологии исследования новых конфликтов // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / под ред. Н.А. Шибановой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – С. 223–231.
- Кудряшова И.В., Козинцев А.С.* Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. – 2021. – № 2. – С. 140–164. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>
- Кузнецов В.А.* Проблема укрепления государственности на Ближнем Востоке в свете теории социальных порядков // Восток (Oriens). – 2018. – № 3. – С. 6–23. – DOI: <https://doi.org/10.7868/S0869190818030019>
- Мелешкина Е.Ю.* Постимперские пространства: особенности формирования государств и наций // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 10–29.
- Наумкин В.В.* Территориальное и демографическое «упорядочивание»: ближневосточные вызовы // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 67–80. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.06>

С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

В.Л. СИЛАЕВА*

**СОВЕТСКАЯ ЭПОХА ГЛАЗАМИ
ФРАНЦУЗСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
(Рецензия)**

**Рецензия на кн.: L'âge soviétique: Une traversée de l'Empire
russe au monde postsoviétique / A. Blum, F. Daucé, M. Elie,
I. Ohayon. – Malakoff: Armand Colin, 2021. – 432 p.**

Для цитирования: Силаева В.Л. Советская эпоха глазами французских исследователей (Рецензия) // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 277–282. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.13>

Вышедшая в 2021 г. монография «L'âge soviétique: Une traversée de l'Empire russe au monde postsoviétique» является первой наиболее полной социально-политической историей советской эпохи, написанной французскими исследователями. Во введении авторы предупреждают: «вряд ли найдутся работы, посвященные общим вопросам конца Российской империи, СССР и постсоветских государств и изложенные в одной книге». Между тем русскоязычные исследователи такую работу проводили, издавая не только моно-

* **Силаева Виктория Леонидовна**, кандидат философских наук, научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия), e-mail: seva@starlink.ru

графии, но и адаптированные учебные пособия для студентов (см., например: [Современная историография..., 2007]), что, безусловно, не умаляет уникальности данной работы французских коллег. Их задача осложнялась серьезным «историографическим и эпистемологическим вызовом», заключавшимся в подборе тематических направлений исследования, их охвате и концептуализации.

Изучение России советского периода ведется французами уже давно, и «русский мир» в целом исследуется различными научными центрами, такими, как CERCEC (Centre d'études des mondes russe, caucasien et centre européen), CRHS (Centre de recherches en histoire des slaves) и т.д. Однако опубликованные работы в основном были тематически узко сфокусированы – см., например, монографии, посвященные истории Гулага [Cadiot J., Elie, 2017], или анализу деятельности российских спецслужб в XX и XXI вв. [Kozovoï, 2020] и т.д. Под полнотой данного исследования следует понимать тематический и исторический охват, а также глубокий анализ источников.

Монография состоит из девяти тематических глав, каждая из которых построена в своей исторической логике и основана на анализе большого количества литературы (более 50 источников в каждой главе), включающей французские и англоязычные исследования, а также архивные материалы и статистические данные. Отметим, что российские исследования также присутствуют в библиографии, но они представлены в гораздо меньшей степени.

Тематическое исследование культурно-исторических феноменов – достаточно распространенная практика во французских социогуманитарных науках, которая используется в том числе на начальных этапах подготовки исследователей. В отличие от российской традиции изучения философии, истории, литературы и т.д., подразумевающей в первую очередь хронологическую последовательность (от древности к современности), французский подход концентрируется на изучении нескольких крупных тем. Например, годовая или семестровая тема по философии может звучать как «Тема Я и Другого в философии», по истории – «Информация, коммуникация и управление» (их особенности в различные исторические периоды) и т.д.¹ В связи с этим темати-

¹ См., например, программу французского университетского колледжа. Режим доступа: <http://www.moscufr.org/ru/2021-2022-1-0> (дата посещения: 16.02.2021).

ческое исследование советской эпохи, представленное в данной монографии, не случайно.

Темы достаточно разные (от политических реформ до искусства), что, с одной стороны, позволяет каждой главе быть отдельным исследованием, достойным отдельной книги, а с другой – формирует комплексное представление о советской эпохе. Кроме того, книга построена таким образом, что читатель в зависимости от его интересов может выбрать несколько глав, которые также предстанут целостным исследованием. Рассмотрим это на примере двух глав.

Первая глава посвящена революционным изменениям и сдвигам, происходившим в России в XX в.: революция, новый политический порядок, сталинская диктатура, Вторая мировая война, реформы Хрущева, падение СССР. При этом анализируются не только сами сдвиги и потрясения, но и их исторические предпосылки и последствия. Исторические предпосылки, по мнению авторов, восходят к реформам 1860-х годов – создание земств, «возникновение зазора между политикой и администрацией». Последствия, по мнению авторов, проявляют себя в событиях, произошедших уже после распада СССР: политика В. Путина, цветные революции в Грузии (2003) и на Украине (2004) и т.д. Таким образом, глава представляет собой отдельное исследование ключевых политических изменений России с 1860-х годов по настоящее время (хотя авторы вынесли в название главы период с 1905 по 2020 г.).

В контексте рассмотренных потрясений отдельное внимание уделяется социально-демографическим проблемам (глава 5): здесь статистические данные сочетаются с анализом ключевых социально-политических событий страны. Описывая циклы демографических подъемов и спадов в СССР, авторы, очевидно, опираются на концепцию исторического времени французского историка Фернана Броделя; в частности, они перефразируют (с. 231) его концепт «мир-экономика» (*économie-monde*) и используют понятие «мир-пространство» (*espace-monde*), перенося сочетание связанных воедино, но на разных уровнях, экономических зон на целостность демографического полотна советского народа. В связи с этим глава является безусловным концептуальным объяснением демографической истории СССР.

Таким образом, уже эти две главы составляют отдельное исследовательское поле.

В монографии также освещаются такие темы, как национальный вопрос (национальное и религиозное разнообразие СССР), государственное насилие (террор и репрессии), потребление (в контексте плановой экономики), советский энвайронментализм и многие другие: все они рассмотрены с учетом социально-политических изменений и с использованием оригинальных концепций. Авторы отличает беспристрастность. Как оговаривается во введении, они пытаются избегать категоричности в оценке советского прошлого и не встают ни на сторону тех, кто видит в СССР мировое зло, ни на сторону тех, кто абсолютизирует советское наследие как благо, их задача «пролить свет на множество реальностей, включающих... как насилие и террор, так и изобретательность, и ум советского народа» (с. 13).

Отдельно следует обозначить лингвистический аспект. Чтение научных книг на иностранном языке, даже если их темы достаточно знакомы, как в случае с данной монографией, – всегда особый труд. Иная культура написания текста погружает в новое исследование, она учит иным дескриптивным методам (в случае данной монографии не хронологическому, а тематическому) и наполняет терминологический аппарат. Практика описания любых феноменов, присущих другой культуре, показывает, что важным фактором ясности и достоверности этого описания служит договоренность о переводе терминов. Как было сказано выше, французские исследования советской эпохи довольно разрозненны, поэтому погружение во французский дискурс о России XX в. прежде было достаточно затруднительным. Прочтение данной монографии позволяет охватить всю переведенную на французский язык терминологию, относящуюся к описанию советской эпохи: от «раскулачивания» (*dékoulakisation*) до перестройки (*perestroïka*). Очевидно, в этом смысле монография была бы более полезной, если бы терминология была вынесена в глоссарий. Важно отметить, что авторы уделяют внимание лингвистическим проблемам и даже выносят в начало книги таблицу транслитерации русских букв, однако этот аспект не входит в рамки их приоритетных задач, что оправдывает отсутствие глоссария. Между тем анализ охваченной авторами терминологии подтверждает гипотезу о том, что «основными способами передачи русских реалий во француз-

ском дискурсе являются транскрипция / транслитерация и дескрипция» [Смирнова, 2017].

В заключение важно упомянуть, что книга посвящена памяти Ларисы Захаровой (1977–2019), ее работы также включены в источники (например, см.: [Zakharova, 2010]). Л. Захарова была выдающимся историком, сделавшим научную карьеру во Франции, одна из ее первых работ была выполнена под руководством А. Блюма, одного из авторов этой книги. Основной темой ее интересов была Россия XX в., и ее исследования во многом могли бы стать важным дополнением к этой монографии для тех, кто хочет более глубоко погрузиться в тему (см., например, ее исследования советской моды [Zakharova, 2011] или коммуникаций, власти и общества в СССР [Zakharova, 2020]).

V.L. Silaeva*

The Soviet epoch throw the eyes of French researchers (Review)

For citation: Silaeva V.L. The Soviet epoch throw the eyes of French researchers (Review). *Political Science (RU)*. 2022, N 1, P. 277–282. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.13>

References

- Blum A. Daucé F., Elie M., Ohayon I. *L'âge soviétique: Une traversée de l'Empire russe au monde postsoviétique*. Malakoff: Armand Colin, 2021, 432 p.
- Cadiot J., Elie M. *Histoire du Goulag*. Paris: La Découverte, 2017, 128 p.
- Kozovoï A. *Les Services secrets russes. Des tsars à Poutine*. Paris: Tallandier, 2020, 604 p.
- Modern historiography of the modern history of Russia and the history of the USSR. Minsk: Republican Institute of Higher Education, 2007, 232 p. (In Russ.)
- Smirnova V.E. Cultural-specific words in the French's discourse about Russia. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 2017, N 3, P. 62–68. (In Russ.)
- Zakharova L. À la recherche des cadres nationaux. La langue d'instruction en Carélie en tant qu'instrument de discrimination positive, 1945–1964. In: Arel D., Cadiot J. *Cacophonie d'empire. Le gouvernement des langues dans l'empire russe et en URSS*. Paris: CNRS Éditions, 2010, P. 149–168.

* **Silaeva Victoria**, Institute of scientific information for social sciences of the Russian academy of sciences (Moscow, Russia), e-mail: seva@starlink.ru

- Zakharova L. S'habiller à la soviétique. La mode et le Dégel en URSS. Paris: CNRS Éditions, 2011, 400 p.
- Zakharova L. De Moscou aux terres les plus lointaines. Communications, pouvoir et société en Union soviétique. Paris: Éditions de l'EHESS, 2020, 327 p.

Литература на русском языке

- Смирнова В.Е. Культурно-специфические слова в дискурсе французов о России // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 3. – С. 62–68.
- Современная историография новейшей истории России и истории СССР / В.И. Меньковский, О.А. Яновский, А.Б. Елисеев [и др.]. – Минск: Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы», 2007. – 232 с.

Е.В. ПИНЮГИНА*

**РУССКОЕ ЕВРАЗИЙСТВО:
СОВРЕМЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
(Рецензия)**

Рецензия на кн.: Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография. Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.

Для цитирования: [Пинюгина Е.В.] Русское евразийство: современное измерение (Рецензия) // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 283–293. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.14>

Ключевые слова: евразийство; Россия – Евразия; морехозяйственная деятельность; внутриконтинентальные соседства; русско-тюркские отношения; геоэкономика.

Монография известного российского географа А.Г. Дружинина «Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ» посвящена возможностям использования данного научного направления (изложенного в трудах эмигрантов Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и др. в 1920–1930-е годы XX в.) в настоящее время. Основной вопрос, поставленный авто-

* Пинюгина Елена Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела политической науки, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН (Москва, Россия)

ром, звучит так: «каков потенциал “евразийского видения” сущности и перспектив нашей страны в современной, крайне неустойчивой, динамичной реальности» (с. 15). Отвечая на него, автор рассматривает, как адаптированы к современным условиям идеи о хозяйственной деятельности в системе «Суша – Море», о внутриконтинентальных соседствах и русско-тюркском симбиозе.

Ревизия евразийских идей особенно актуальна для российского научного и общественно-политического дискурса в связи со сменой в 2014 г. внешнеполитического курса страны, обусловленной последствиями российско-украинского кризиса – санкциями западных стран и нарастающей конфронтацией России со странами Евро-Атлантики. Приоритетами нового курса стали так называемый «разворот на Восток» и активизация интеграционного процесса на постсоветском пространстве в формате заключения договора о создании Евразийского Экономического Союза (ЕАЭС).

Первоначально ЕАЭС считался скорее инструментом взаимодействия с Европейским союзом (ЕС): он мог использоваться для конкуренции за влияние на страны СНГ и, одновременно, как аргумент, усиливающий позиции России в обсуждении проекта экономической интеграции России и ЕС. Этот проект, известный как «Большая Европа от Лиссабона до Владивостока», долгие годы являлся стратегической целью российской власти, но в 2014 г. эту цель пришлось адаптировать к изменившимся условиям и попытаться наделить ЕАЭС самостоятельным значением. В 2014–2015 гг. выяснилось, что ЕАЭС пока далек от статуса геополитической опоры России в Евразии. Партнеры по ЕАЭС отстранились от России по «крымскому вопросу», не желая нести потери из-за ее усиливающейся конфронтации с ЕС и США, – впрочем, сложно было рассчитывать на поддержку, если ее не оказала даже Беларусь, член Союзного государства. Менее ожидаемы были ограничения союзнического потенциала ЕАЭС «тюркским фактором». Они проявились в период обострения отношений с Турцией из-за пересечения интересов двух стран в Сирии (более того, и внутри России обозначился тюркский фактор, поскольку руководство Татарстана отказалось поддержать позицию страны в диалоге с Турцией).

Препятствием для укрепления единства ЕАЭС является политика КНР, заинтересованная в сохранении формата двусторонних отношений с азиатскими странами ЕАЭС и вовлечении их в многостороннее взаимодействие на азиатских платформах, где

Россия не имеет существенного влияния (таких, как региональная интеграция, членство в международных организациях, участие в форумах). Наиболее масштабной из таких платформ, вовлекающих страны ЕАЭС во взаимодействие, стал официально представленный Китаем в 2015 г. геополитический проект «Один пояс – один путь» и его внутриконтинентальное направление – «Экономический пояс Нового шелкового пути» (ЭПШП). Проект в некоторой степени воспроизводит применительно к КНР идеи русского евразийства столетней давности, в том числе и принцип внутриконтинентальных соседств: так, основные цели ЭПШП в порядке убывания важности – выравнивание экономического развития регионов КНР с помощью вовлечения удаленных от побережья провинций в создаваемые транспортные коридоры (ТК); углубление интеграции стран Центральной Азии и Китая; интенсификация товарооборота с Европой по новым ТК. Поскольку на этой платформе вместо России центром притяжения Евразии становится Китай, следует признать стратегическим достижением России официальное согласование с Китаем необходимости сопряжения ЭПШП и ЕАЭС. Перспективной может стать и разрабатываемая российским экспертным сообществом альтернатива китайскому проекту – концепция «Большой Евразии» (БЕ) как платформы для взаимодействия всех стран Евразии «от Северного Ледовитого океана до Индийского океана – Индия, Афганистан и так далее, а так – от Лиссабона до Владивостока или Пусана и Шанхая», а, возможно, и примыкающих к ней стран Африканского континента и Африки в целом. Согласно определению одного из авторов концепции, БЕ – «общеконтинентальная система экономического сотрудничества, развития и безопасности уже не по европоцентричной модели».

Такая платформа может привлечь страны Азии, не участвующие в ЭПШП, и частично компенсировать доминирование Китая, неизбежное при сопряжении ЭПШП и ЕАЭС. Укрепление ЕАЭС, параллельно с развитием платформы БЕ, помогло бы России преодолеть вытеснение из Европы, в силу неизбежного вовлечения последней в деятельность новой международной платформы, охватывающей все больше стран Евразийского континента и не сосредоточенной на европейской проблематике. В политическом дискурсе российской власти с 2016 г. концепция БЕ получила официальное название «Большого Евразийского Партнерства» (БЕАП) и поддерживается лично президентом В. Путиным. Разви-

тие БЕАП подразумевает возможность охвата стран ШОС и АСЕАН, а также включения прилегающих к Евразии стран Северной Африки; но для реализации любой модели БЕАП необходимо успешное развитие ЕАЭС, модернизация экономики стран-участниц и реализация национальных интересов в сфере экономического развития.

А.Г. Дружинин предлагает в монографии свою интерпретацию различных аспектов успешного развития ЕАЭС, и в первую очередь России как ядра этого союза – это морехозяйственная активность, использование внутриконтинентальных соседств, а также русско-тюркское взаимодействие.

Существенная часть монографии посвящена подходу евразийства к морехозяйственной активности России и развитию его принципов после распада СССР. Посыл евразийцев состоял в том, что из всех значительных государств мира Россия географически находится в самом невыигрышном положении относительно преимуществ морской торговли, поэтому программа «выхода на океаны» должна дополнить первостепенную задачу развития континентально-ориентированной экономики страны (с. 74). Евразийцы первыми отметили, что побережье России разорвано на четыре обособленных в экономическом и военно-морском смысле участка. И в советский период проблему «четвертованности» действительно частично разрешили за счет формирования инфраструктуры Северного морского пути и внутриконтинентальных судоходных путей, Беломоро-Балтийского, Волго-Балтийского и Волго-Донского каналов. Но после распада СССР к природным факторам дезинтеграции добавились институционально-экономические – в виде интересов и возможностей корпораций, а также геоэкономические – преимущественные хозяйственные взаимосвязи приморских регионов России с ближайшими морскими соседями (с. 110). Тем не менее происходит инкорпорирование России в «океаническую» экономику, парадоксальным образом связанное с тем, что она лишилась части приморской инфраструктуры (в новых независимых государствах остались 15 крупных системообразующих приморских городов, 9 из 17 пароходств Советского Союза и 25 из 67 его морских портов). Именно после распада СССР началось инфраструктурное обустройство остающихся в юрисдикции РФ побережий, реализация одной из первых постсоветских целевых программ «Возрождение торгового флота России на 1993–

2000 годы» и, как подчеркивает автор, впервые в российской истории начиная с XVI в. обустройство имеющихся побережий стало альтернативой внешней экспансии (с. 76).

Проведя комплексный анализ морехозяйственной активности страны, автор выделяет пять макрорегионов (Балтийский, Черноморско-Азовский, Каспийский, Тихоокеанский, Арктический) и приводит доказательства успешного решения в 1990-х годах проблемы портово-логистической инфраструктуры: за последующий период (2000–2019) грузооборот морских портов России вырос более чем в 4 раза (с. 76). В то же время отмечается, что рост морского сегмента российской экономики преимущественно сопряжен с ее интернационализацией и сырьевым профилем: за 2001–2021 гг. в 23 раза увеличился объем морской добычи нефти, в 8 раз – природного газа (в том числе СПГ); добыча также является экспортоориентированной (с. 80). Следствиями общей позитивной динамики является преодоление «вестернизированности» морехозяйственной активности: ее пространственное рассредоточение, приращение центров морской экономики (Ямал, Крым, Дагестан), перераспределение грузооборота в пользу портов Приморского края и Арктической зоны, развитие морской инфраструктуры трансграничного хозяйственного взаимодействия (порты, морские газопроводы, грузовые терминалы) на Балтике и в Причерноморье.

Предсказанный евразийцами транзит страны-континента к океану, таким образом, состоялся, но он сопровождается дисбалансами между морскими грузопотоками и потенциалом российского фрахта; развитием военного и гражданского судостроения, порождающего спрос на современные технологии и отечественные разработки. Как справедливо отмечает автор, эти дисбалансы проявились в ситуации необходимости достраивания морского газопровода «Северный поток – 2» своими силами, в условиях санкций на поставку технологий и оборудования (с. 91). Напряженная международная обстановка, возрастающая конкуренция ведущих держав в Мировом океане и его акваториях и вызванное пандемией COVID-19 замедление экономического роста требуют скоординированного, взаимоподдерживающего (для региональных структур и корпораций) характера морской активности, выстраивания ее как единой национальной системы, концепт которой возник в советском социально-экономическом дискурсе в 1960-х годах применительно к созданию народно-хозяйственных комплексов. Как пола-

гает автор, этот опыт не только может быть перенесен в сферу морехозяйственной активности, но и должен вернуться в научный дискурс «с неизбежной поправкой на глобализацию, масштаб трансграничных структур и “интернационализированных” хозяйственных практик, олигопольно-монопольный характер важнейших (и, прежде всего, морских) видов хозяйствования, сложившуюся социально-территориальную стратификацию» (с. 111). Признавая растущую мореориентированность России устойчивым трендом, А.Г. Дружинин констатирует трансформацию присущей нашей стране территориальной организации общества в новую форму – акватерриториальную организацию (с. 114).

Третья часть книги посвящена интерпретации предложенного евразийцами «принципа использования континентальных соседств», т.е. извлечения выгоды из экономического взаимодополнения соприкасающихся областей внутриконтинентального мира. Существенной оговоркой относительно этого принципа в его первом измерении – межстрановой торговле – является требование определенного уровня экономического развития стран-соседей, при котором экономический обмен становится возможным (с. 119). Второе измерение использования принципа соседства менее зависимо от предусловий – речь идет о фактической сопряженности «внутриконтинентальных» территорий и приморских регионов, развивающейся «в процессе формирования и функционирования хинтерландов морских портов» (с. 120). По оценке автора, в советский период принципу «континентальных соседств» соответствовали теория районирования и производственно-территориальных сочетаний. В этой же логике к 80-м годам была достигнута такая степень хозяйственной взаимозависимости союзных республик, что объемы внутрисоюзных товарообменов превосходили внешнеэкономические. Но в XXI в. трансформационные процессы на постсоветском пространстве стимулируют переосмысление фактора границ: граничить не обязательно значит соседствовать и партнерствовать. Реконцептуализируя принцип соседства с учетом текущей экономической конъюнктуры и морехозяйственной активности, А.Г. Дружинин обозначает ареал приоритетного для геоэкономики РФ «газового соседства», вышедшего далеко за пределы «России-Евразии» и сферы геополитического доминирования СССР в Европе. Соседство вследствие развивающейся по всей линии российских границ (за исключением цен-

тральных и восточных секторов Арктики) акватерриториальной трансграничной регионализации; расширение круга «соседей» в масштабах суперконтинента Афро-Евразии – российское военное присутствие в Сирии, выход России на рынки продовольствия Среднего и Ближнего Востока, Южной Азии и Африки, перспективы присутствия на рынках этих стран с вакцинами. Крайне низкий экономический потенциал постсоветской Евразии предопределяет предпочтительность для России больших внутриконтинентальных партнерств с ведущими геоэкономическими акторами как на Западе («Большая Европа»), так и на Востоке («Большая Евразия»). Приведем лишь один наглядный пример из развернутого статистического анализа, предложенного автором: «“завоевание” дополнительно 1% в “импортном пироге” КНР обеспечило бы нашей стране 20,7 млрд долл. экспортных доходов (нарастив их сразу на 5%). Для сравнения, если бы все постсоветские государства нарастили долю России в своем импорте до 65%, как Белоруссия, “интеграционная добавка” к экспортным возможностям России составила бы 68,9 млрд долл. США и не превысила бы 16% от общего объема экспорта российских товаров за 2019 г.» (с. 145). Абсолютным же приоритетом внутриконтинентальной стратегии выступает «выстраивание “горизонтальных” производственно-хозяйственных связей между собственно российскими регионами, общее повышение экономической связности территорий Российской Федерации как “остова” и “сердцевинного элемента” всего евразийского пространства» (с. 152).

Далее автор рассматривает стержневой компонент классического евразийства – значение русско-тюркского синтеза для «России-Евразии». Приведя несколько цитат евразийцев о наличии у русских не только славянской компоненты, автор воспроизводит и присущую им терминологическую неточность – использование этнонимов *татары*, *туранцы* и *монголы* (соплеменников Чингисхана) как синонимов: «Как “руссотуранскую” и “русско-татарскую” воспринимал “Россию-Евразию” П.Н. Савицкий, полагая, что “без “татарщины” не было бы России”, а Н.С. Трубецкой подчеркивал, что “сожителство русских с туранцами проходит красной нитью через всю нашу историю”. Он же характеризовал нашу страну в качестве преемницы “великого наследия Чингисхана”, предлагая “для правильного национального самопознания... учитывать личность у нас [русских. – А. Д.] туранского элемента”» (с. 158).

Очевидно, что совместное существование именно с татарами Волжской Булгарии и Золотой Орды, а не с многочисленными среднеазиатскими этносами Турана, населенного иранскими и тюркскими племенами, проходит через всю тысячелетнюю историю России. Именно с ними, как и с другими коренным народами России, русские связаны многовековым взаимодействием, общей культурой, антропологическим смешением и лингвистическим взаимопроникновением, тогда как этносы десятков государств, столетиями сменявшие друг друга на территории Турана, были далеки от судеб Московской Руси, хотя ареал проживания некоторых из них также входил в юрисдикцию Золотой Орды. Присоединение населенных тюркскими народами территорий Турана в имперский и советский периоды истории России происходило в разном контексте (добровольно, как, например, в случае казахских жузов, искавших защиты от джунгарской агрессии, или путем завоевания, как с туркменами-текинцами), но уже не влекло за собой таких явлений симбиотического порядка, как русско-татарское сближение, выразившееся в том числе в переходе знатных татарских родов на русскую службу в XVI–XVII вв., принятии ими православия, наделении татарской знати в XVIII в. всеми привилегиями русского дворянства.

Не вдаваясь в эти детали, А.Г. Дружинин выделяет в качестве концептуального аспекта евразийства выявление в русском наследии не только славянской, но и тюркской компоненты и признание значимости русско-тюркского взаимодействия, благодаря чему из трудов евразийцев следуют важные выводы – о государственнообразующем и культууроформирующем характере взаимодействия народов России и о равенстве народов, образующих единый наднациональный союз (с. 160).

Представляя в книге комплексный демографический и географический анализ тюркской компоненты населения Евразии и России, автор доказывает, что СССР стал месторазвитием тюркских народов, за годы его существования нарастивших не только свою численность, но и долю в демографической структуре населения страны. Этот аргумент важен в диалоге с приверженцами распространяемой в научном и политическом дискурсе доктрины о российской и советской колонизации Средней Азии и угнетении ее народов. Развивая эту идею автора, следует подчеркнуть, что чем дольше российская сторона избегает обсуждения с центрально-

азиатскими государствами их образовательных программ с целью прекращения тотальной дискредитации связанного с Российской империей и СССР периода их истории, тем более сложной станет проблема интеграции миллионов трудовых мигрантов из этих стран. Согласно прогнозу автора, к 2050 г. на территориях бывшего СССР, соответствующих контуру «России-Евразии», доля русского этноса в совокупной популяции составит 38,5% (117,7 млн человек), тюркоязычных этносов достигнет 32,8% (более 100 млн человек) (с. 168–172). При этом в масштабах планеты обнаруживается еще одна тенденция, обозначенная автором как «тектонический сдвиг» – резкое сокращение удельного веса российской юрисдикции в локализации популяции тюркоязычных народов, от 50% в 1989 г. в СССР до 8% – в современной России. Для сравнения, на территории Турецкой Республики проживает не менее 35% всего тюркоязычного населения Земли, в связи с чем российская национальная и внешняя политика должна быть одновременно активной и деликатной, учитывать восприимчивость тюркского населения к внешним воздействиям и ограниченность потенциала своего влияния на евразийские процессы (с. 183).

Измерения современного русско-тюркского взаимодействия выделены автором в несколько кругов сопряженности. Первый – «Российский тюркский мир», где влияние идей пантюркизма оценивается как незначительное, со ссылкой на недавнее социологическое исследование взглядов татар, среди которых на вопрос «Какие культуры из нижеперечисленных вам наиболее близки?» ответы «русская» и «русская» выбрали 38 и 16,5% респондентов, а вариант «тюркская культура» – только 1,2% (с. 194). Второй круг – отношения с тюркскими постсоветскими государствами, в том числе странами ЕАЭС, где действуют эффекты «исторической колей» и факторы «географического соседства». Платформой соседства, расширяющей в том числе экономический формат ЕАЭС, могли бы стать такие меры, как декларация нерушимости границ, укрепление позиций русского языка и памяти о совместной победе в Великой Отечественной войне, культивирование репрезентации тюркского мира как полицентричного, а не моноцентричного «турецкого» (с. 194), в котором вместо этнонимов фигурируют словосочетания «казахские турки», «киргизские турки» и т.п. (с. 185). В этом контексте настораживающий оттенок для

тюркских народов и их политических элит несет популяризация в Азербайджане турецкого концепта «одна нация – два государства».

Третий круг сопряженности – собственно российско-турецкие отношения, имеющие неоднозначный характер партнерства – соперничества. Автор полагает необходимым противодействовать переориентации народов России на принадлежность турецкой цивилизации в политической сфере, и транспортно-логистическим амбициям Турции – в экономической. Для решения второй задачи предлагается создание на базе Москвы и области мегагорода (втягивающего 22 сопредельных региона Центральной России, где сосредоточены 32% населения страны) и конурбации «Москва – Санкт-Петербург – Нижний Новгород – Казань» с выходом в Европу и на Балтику. Целью этого проекта должно стать удержание российского социально-экономического и демографического лидерства в Центральной Евразии и достижение паритета с регионом Мармара (Стамбульской агломерации), укрепляющимся в роли логистического и транспортного хаба в центре Афро-Евразии (с. 197). Наконец, четвертый круг – взаимодействие с государствами Евразии, обладающими значимой, но не превалирующей тюркской компонентой, предотвращение конфликтов и противодействие экстремизму в ареале пересечения интересов Русского и Тюркского «миров» (Восточное Средиземноморье, Балканы, Причерноморье, Кавказ, Каспийско-Центральноазиатский регион) (с. 198).

В последней части работы представлены размышления о геостратегическом выборе России в свете идей классиков евразийства, выступавших не только за цивилизационную дистанцированность от Европы, но и предупреждавших о рисках ложной интерпретации разворота на Восток: «Исход к Востоку – это и есть возврат к себе, но не поход на восток за новыми заимствованиями... Если мы тяготимся чуждым нам европейским мундиром, то почему будем напяливать на себя одеяния китайского мандарина» (с. 216). Автором реалистично оценивается «китайская альтернатива», являющаяся в условиях XXI в. наиболее вероятным сценарием российского «разворота на Восток»: она названа вариацией в рамках прежнего инерционного тренда (с. 216). Прогнозируется, что по мере сближения с Китаем все более значимыми для нашей страны будут другие евразийские «противовесы», включая Индию, Турцию, Иран, Европу, а также рост вероятности для России стать объектом геополитического раздела в связи с тем, что «фактор

коронавируса» приближает становление биполярной конструкции «Запад – Китай» (с. 218). Переосмысленная в духе евразийского наследия геостратегия России, по мнению А.Г. Дружинина, должна основываться на сочетании разумного изоляционизма, селективной сопряженности с другими сопредельными государствами (в первую очередь, постсоветскими, в пределах «Собственно Евразии») и многовекторного взаимодействия в «большом» евразийском и глобальном форматах (с. 223).

В целом книга представляет сравнительно новый ракурс анализа евразийства в современном контексте и, несомненно, будет интересна читателям.

Pinyugina E.V.*

Russian Eurasianism: a modern dimension (Review)

For citation: **Pinyugina E.V.** Russian Eurasianism: a modern dimension (Review). *Political science (RU)*. 2022, N 1, P. 283–293. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.14>

Keywords: Eurasianism; Russia-Eurasia; maritime economic activity; intra-continental neighbors; Russian-Turkic relations; geo-economics.

References

Druzhinin A.G. *The ideas of classical Eurasianism: socio-geographical analysis*. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2021, 270 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ: монография. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с.

* **Pinyugina Elena**, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

И.Р. ЛАВРОВ, А.А. МАЛАШЕНКОВА*

ОБЗОР ЖУРНАЛА JOURNAL OF BALKAN AND NEAR EASTERN STUDIES¹

Для цитирования: Лавров И.Р., Малашенкова А.А. Обзор журнала Journal of Balkan and Near Eastern Studies // Политическая наука. – 2022. – № 1. – С. 294–308. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.15>

Journal of Balkan and Near Eastern Studies² выпускается с 2008 г. шесть раз в год и является ведущим англоязычным журналом в сфере современных международных отношений, истории, глобальных экономических отношений и геополитики постосманских и постсоциалистических регионов и государств, территории которых находятся на Балканах и Большом Ближнем Востоке.

* **Лавров Илья Романович**, студент магистратуры, University College Dublin (Дублин, Ирландия), e-mail: irlavrov@gmail.com; **Малашенкова Ангелина Александровна**, студентка магистратуры Факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Москва, Россия), e-mail: angelina9909@mail.ru

¹ Исследование подготовлено в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук.

² Доступ к журналу можно получить по ссылке: Journal of Balkan and Near Eastern Studies. – Mode of access: <https://www.tandfonline.com/toc/cjsb20/current> (accessed: 28.02.2022).

Обзор пяти выпусков журнала за 2021 г. включает в себя следующие тематические поля: экономические институты балканских стран и их развитие в эпоху неолиберализма; роль прямых иностранных инвестиций в экономике Балканских государств; геополитические и стратегические аспекты взаимоотношения государств региона; проблема множественности идентичностей на территории Балканского полуострова; специфика войн на Балканах.

Наш обзор открывает статья, посвященная неравенству доходов в эпоху неолиберализма. Ее авторы, Ш.Рой-Мукерхи и Э. Удеогу [Roy-Mukherjee, Udeogu, 2021], исследуют эту проблему на основе таких показателей, как качество работы институтов, диверсификация экспорта и плотность членства в профсоюзах¹. Ими выявлено наличие зависимости между процессом неолиберальной глобализации и ростом неравенства доходов, совпадающим со «мнимым снижением» глобального уровня бедности (последнее объясняется быстрым экономическим развитием Китая и Индии). Главный вывод – подтверждение наличия обратной связи между эффективностью институциональной структуры и показателем неравенства доходов.

Группа авторов во главе с Э. Сатровик [Satrovic, 2021] рассматривает зависимость инновационного процесса от качества работы экономических институтов на примере Турции в 1990–2017 гг. В фокусе исследования – влияние валовых внутренних затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и валового накопления капитала – на инновационное развитие страны. Установлено, что в условиях Турции, где большинство исследований и разработок выполняется университетами, ключевое значение для правительства имеет увеличение государственных расходов (в частности, на образование), поскольку человеческий капитал играет главную роль в наращивании инновационного потенциала.

Следующей теме – роли прямых инвестиций в экономике Балканского региона – посвящен целый блок статей. Особого внимания заслуживает работа Е. Минович, С. Стефанович и В. Алексич [Minović, Stevanović, Aleksić, 2021], в которой авторы анализируют взаимосвязь между прямыми иностранными инве-

¹ Показатель рассчитывается как отношение числа членов профсоюзов к общему числу работников.

стиями (ПИИ) и показателями качества институтов (борьба с коррупцией, политическая стабильность и верховенство закона) на Западных Балканах. По результатам исследования сделан вывод о прямой связи уровня борьбы с коррупцией, политической стабильности и верховенства закона с притоком ПИИ в западнобалканские страны.

Внимание группы авторов под руководством В. Вукмирович [Vukmirovic et al., 2021] обращено на ПИИ как источник экономического роста в Сербии. Исследование было проведено по заказу правительства этой страны и служит рекомендацией для разработки общей инвестиционной политики. Отмечено, что ПИИ инициируют мобильность рабочей силы и сокращение безработицы. Количественный анализ дал исследователям основания для прогнозирования постепенного увеличения ВВП, ПИИ, конкурентоспособности и снижения уровня безработицы в Сербии в течение следующих пяти лет. Однако на этом пути есть и проблемы: непрозрачность страны в отношении финансирования, молчаливая коррупция в судебной системе и системе государственных торгов, неэффективное управление рядом секторов, в частности энергетикой.

Целью М. Бакович и ее коллег [Bacovic et al., 2021] было изучение зависимости между такими переменными, как заработная плата, производительность труда и приток ПИИ. В частности, они показывают, что если в ЕС рост валовой заработной платы оказывает негативное влияние на приток ПИИ на душу населения, то в Балканских странах ситуация обратная. Установлена и позитивная связь между ПИИ и ростом производительности труда в регионе. Однако, по мнению авторов, наиболее важной детерминантой притока ПИИ в эти страны выступает уровень экономического и институционального развития, что предполагает улучшение эффективности институтов, инфраструктуры и регулирования.

В статье К. Беллака и М. Лейбрахта [Bellak, Leibrecht, 2021] затронут другой аспект этой темы: взаимоотношения иностранных инвесторов и государства на Балканах, постсоветском пространстве, Ближнем и Среднем Востоке в контексте международных инвестиционных соглашений (МИС). Отмечено, что количество инвестиционных споров заметно растет, и что инвесторы все чаще используют систему МИС для защиты своих интересов. Указывая на эффективность системы в правовом отношении, авторы обращают внимание на такие ее негативные эффекты, как длительное

рассмотрение дел и высокие издержки компенсаций для принимающих стран. Положения об урегулировании споров также создают новые наборы рисков для государства: дорогостоящие процедуры урегулирования, непредсказуемые арбитражные решения, потенциально наносящие финансовый ущерб, и ограничение национального суверенитета. По мнению исследователей, ключевым решением для компромисса между привлечением ПИИ посредством ратификации МИС и вопросами национального суверенитета является улучшение структур управления в одностороннем порядке.

В статье Й. Прашникара и его коллег [Prašnikar et al., 2021] проанализированы последствия колебаний банковского финансирования оптовой и розничной торговли в период мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. и в период восстановления после него для переходных экономик Хорватии, Черногории и Словении. Отмечено, что для стабильности финансовых систем эффект политических мер имел второстепенное значение по сравнению с финансированием.

Следующая сквозная тема рецензируемых выпусков журнала – геополитическая структура современного мира. Опираясь на теорию исторического материализма Грамши, Э. Узгорен [Uzgören, 2021] анализирует потенциальное членство Турции в ЕС. Как полагает автор, не существует ни единого проевропейского проекта членства, ни единой альтернативы ему. На основе интервью с тремя категориями акторов (представителями капитала, профсоюзов и политических партий) он отмечает, что группам капитала становится все труднее консолидировать интеграцию на основе дерегулирования и либерализации рынков без перспективы членства. Выявлены и различные подходы к интеграции: хотя проевропейский проект сохраняет гегемонию, он оспаривается двумя конкурирующими стратегиями. Первая из них – неомеркантилизм, перекликающийся с возвращением к кейнсианству и его курсом на защиту национальной промышленности и трипартизм, вторая – *ha-vet* (турецкая аббревиатура «нет – да»), означающая «нет» капиталистической Европе и «да» – Европе социальной.

П. Кубичек [Kubicek, 2021] исследует перспективы партнерства России и Турции. По его мнению, в настоящее время Турция максимально приблизилась к статусу региональной державы, что стало следствием не только экономического развития и заявки на вступление в ЕС, но и негативного отношения к процессам глоба-

лизации и интернационализации. После 2016 г. ее отношения с Россией значительно укрепились (сотрудничество в области атомной энергетики, газовой сфере, сирийском кризисе), а с Западом – ухудшились. Выдвинуто предположение, что, несмотря на прагматический характер этого сотрудничества, Россия и Турция – ревизионистские державы, стремящиеся к изменению существующего глобального порядка, и сходные процессы во внутренней политике способны продвигать их взаимоотношения. Вместе с тем политическое сотрудничество в отличие от экономического требует больших усилий со стороны лидеров двух государств.

Одна из статей (автор – М. Чазиза [Chaziza, 2021]) посвящена отношениям Китая и Туниса в контексте проекта Нового шелкового пути. Ученый отмечает нарастающее присутствие Китая в странах Магриба и приходит к выводу, что Тунис имеет важное геополитическое значение для КНР благодаря своему расположению в Африке, роли в арабо-мусульманском мире и близости к Европе. В свою очередь, сотрудничество Китая с Тунисом потенциально могло бы поддерживать экономический рост, индустриализацию и социальное развитие этой арабской страны. Однако на пути установления прочных экономических связей между ними еще стоит множество препятствий. В частности, китайские инвестиции в тунисскую экономику остаются низкими, взаимная торговля развита недостаточно, а экономические и стратегические отношения Туниса с ЕС перевешивают китайское направление.

В специальном выпуске журнала под названием «Геополитика нового Ближнего Востока: внутренний потенциал региона и перспективы внешнего сотрудничества» рассмотрены как основные движущие силы и формирующиеся контуры новой ближневосточной геополитики, так и позиции по этим вопросам ряда региональных и внерегиональных акторов.

Как отмечают Б. Арас и Ш. Кардаш [Aras, Kardeş, 2021] в предисловии, в последнее десятилетие обстановка в области безопасности на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА) в целом может быть охарактеризована как нестабильная, с циклическими периодами отсутствия безопасности. Из-за структурных преобразований в странах региона были высвобождены силы, которые дестабилизировали ситуацию, инспирировав разноплановые конфликты с участием многих локальных, региональных и глобальных игроков. Кроме того, риски и вызовы безопасности, вызван-

ные волной нестабильности и конфликтов, в значительной степени изменили международные отношения в регионе. Десятилетие потрясений было вызвано главным образом требованиями политических преобразований в ряде стран; масштабные народные выступления получили название «арабская весна». Ускорение трансформации международного порядка также значительно повлияло на темпы и направление региональной реструктуризации. Социально-экономическая нестабильность, конфликты и вмешательство в них внешних акторов подорвали основы регионального порядка, что имело значительные последствия как для региональной идентичности, так и для вопросов границ и баланса сил. В то время как многие государства региона борются за сохранение суверенитета и территориальной целостности, другие перестраивают систему своих партнерств, что в совокупности с другими факторами приводит к образованию вакуума региональной безопасности. В итоге регион воспринимается сегодня более опасным, чем в начале «арабской весны».

С. Коломбо и Э. Солер-и-Лека [Colombo, Soler i Lecha, 2021] предлагают европейский взгляд на геополитические сдвиги, произошедшие в БВСА с 2011 г. Обращая внимание на взаимосвязь между внутренней и внешней напряженностью, они отмечают, что «южное соседство» более или менее напрямую связано с распространением насильственного экстремизма, терроризма, миграции и популистских нарративов в самой Европе. По мнению авторов, источником многих проблем региона является прежняя европейская политика: традиционные формы сотрудничества, основанные на выборе между многосторонностью и двусторонностью и между демократией и стабильностью, не могут быть основой для устойчивых отношений в период роста региональной и глобальной турбулентности. ЕС необходимо пересмотреть свою роль: в частности, следует воспринимать регион не как Средиземноморье или «соседство», а как гораздо более широкое и пористое геополитическое пространство, состоящее из различных субрегионов (Северная Африка, Ближний Восток, Персидский залив). В политической сфере основной вопрос состоит в том, в какой степени ЕС готов к новым формам сотрудничества и партнерства в конкретных областях (энергетика, изменение климата, миграция и др.) и вопросах (управление кризисами в странах БВСА, деэскалация в Персидском заливе). Выработка новой стратегии затронет отно-

шения между ЕС и его членами, а также между ЕС и внешними игроками – США, Россией и Китаем.

В своем исследовании Л. Исаев [Issaev, 2021] выявляет общие изменения российской политики на Ближнем Востоке после распада Советского Союза. С его точки зрения, действия России в регионе стали приобретать менее идеологически мотивированный и более прагматичный характер. Однако после «арабской весны» и конфликта на Украине наблюдается сдвиг в сторону более агрессивной политики, квинтэссенцией которой явилось военное вмешательство в вооруженный конфликт вдали от российских границ, в Сирии. В значительной степени оно стало для Москвы инструментом решения внутренних проблем, своеобразной «разменной монетой» в отношениях с глобальными и региональными акторами. Однако снижение общественного интереса к внешней политике и высокие затраты на военное присутствие на Ближнем Востоке в краткосрочной перспективе заставят Россию реагировать на общественное мнение. Решение этой проблемы определит ее будущее в регионе: она будет либо «честным посредником» в региональных конфликтах, либо «младшим партнером» Вашингтона, Пекина или других политических акторов.

Статья Б. Ву [Wu, 2021] посвящена ближневосточной политике Китая. По его мнению, в настоящий период в результате геостратегической конкуренции ключевых международных игроков формируется новый Ближний Восток. С точки зрения структуры власти его арабская часть является ослабленной и разделенной, уступающей давлению более сильных неарабских субъектов (Турции, Ирана и Израиля). В регионе можно выделить три политических лагеря: преимущественно шиитский лагерь; сторонники «Братьев-мусульман»; противники шиитов и «Братьев-мусульман». Геостратегические баталии разворачиваются в четырех плоскостях: это соперничество между Турцией и Ираном за лидерство в исламском мире; всеобъемлющая стратегическая конкуренция между Ираном и Саудовской Аравией; противоборство между сторонниками и противниками «Братьев-мусульман»; межарабская борьба с участием государственных и субгосударственных акторов. Исследователь полагает, что реализация инициативы «Один пояс, один путь» и расширение зарубежных интересов Китая требуют корректировки китайской внешней политики с учетом новой ситуации на Ближнем Востоке, однако серьезных изменений ожи-

дать не следует. Китай не хочет играть доминирующую роль в регионе, не будет создавать там никаких альянсов и будет продолжать уделять основное внимание сотрудничеству в области экономики и развития.

Анализируя стратегическое поведение Ирана в контексте новой региональной геополитики, Х. Ахмадиан [Ahmadian, 2021] стремится определить его рациональное обоснование. Как он считает, для сохранения своих позиций в регионе Иран перешел от противостояния поддерживаемому США региональному порядку до 2011 г. к сдерживанию политики своих соперников против статус-кво, сложившегося после «арабской весны», и больше не рассматривает стратегическое взаимодействие и сотрудничество с мировыми державами как умаляющие его независимость в мировых делах. Его участие в актах «уравновешивания» международных держав друг против друга направлено на отражение угрозы собственным интересам и интересам «оси сопротивления» в целом.

Если Х. Ахмадиан предпочитает исключить из анализа внутреннее измерение региональной политики Ирана (поскольку считает, что реальный стратегический выбор определяется прежде всего восприятием страной внешних вызовов), то М. Цвейри и А. Аль Обайдан [Zweiri, AlObaidan, 2021] полагают необходимым привлечь внимание к вопросу преемственности власти Верховного лидера, играющего важнейшую роль в разработке политического курса страны. В своей статье они анализируют исторический контекст прихода к власти двух высших руководителей Ирана, аятоллы Хомейни и аятоллы Хаменеи, и на этой основе пытаются определить структурные факторы выбора преемника. С точки зрения исследователей, главным фактором выбора будет способность поддержать «революционную идентичность» и войти в систему персональных сетей прежних лидеров.

Ш. Кардаш [Kardaş, 2021] исследует поворот в политике Турции по отношению к иракским и сирийским курдам в парадигме классического неореализма. Предметом анализа стали причины отказа от взаимодействия с курдскими ревизионистскими силами в пользу силовой политики, включающей милитаристскую риторику. Автор приходит к заключению, что рост дестабилизации во второй фазе «арабской весны» привел к подъему деструктивных сил, угрожающих национальной безопасности Турции, и заставил ее воспринять курдскую геополитическую активность как деста-

билизирующий элемент. Произошедшая в ответ на рост нестабильности реконфигурация правящего блока на консервативной и этнонационалистической платформе ускорила переход к неореалистской парадигме и ресекьюритизацию внешней политики.

В статье М.М.Х. Аль-Ансари [Al-Ansari, 2021] представлен анализ причин, течения и характера кризиса в отношениях арабских государств Персидского залива, проявившегося в почти четырехлетней блокаде Катара. В качестве аналитического инструмента использована модель политического конфликта У. Беннета. По мнению автора, конфликт был вызван гегемонистскими амбициями Саудовской Аравии и, как и все конфликты за гегемонию, он не может иметь окончательного разрешения. Заключение мирного соглашения с Катаром вызвано тактической необходимостью, так как Саудовская Аравия должна адаптироваться к изменениям в регионе и на международной арене.

Оказали ли протесты «арабской весны» трансформационное воздействие на политические режимы стран Кавказа и Центральной Азии – вопрос, который поднимают Б. Арас и Л.И. Озтиг [Aras, Oztig, 2021]. На основе анализа политических событий в регионе в 2011–2014 гг. авторы утверждают, что «арабская весна» не только не привела к демократическим изменениям, но и способствовала выживаемости авторитарных правителей, преподав им несколько уроков. Например, она продемонстрировала влияние социальных сетей на политическую мобилизацию и, следовательно, на устойчивость режима. В результате автократии усилили политические репрессии по отношению к протестующим, а также усилили контроль над СМИ и ограничили свободу Интернета.

Специфика войн на Балканах и их последствия для региона – еще одна важная тема, исследуемая авторами журнала. Т. Биледжен и И. Сиркеджи [Bilecen, Sirkeci, 2021] рассматривают последствия османской политики расселения мигрантов в период военных действий (своего пика миграция с Балкан достигла во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Балканских войн). Оказавшись в монокультурных принимающих общинах, балканские иммигранты с мультиэтничным и мультикультурным бэкграундом сталкивались с враждебностью по отношению к себе. Проанализировав эти события на основе официальных османских архивов, свидетельств и литературных источников за период с 1912 по 1917 г., авторы приходят к выводу, что социокультурные конфликты и вызванное

ими чувство незащищенности впоследствии отрицательно сказались на процессе интеграции.

Как отмечает К. Кинли [Kinley, 2021], исследование Балканских войн позволяет расширить существующие знания об опыте войны, насилии, этнических чистках, а также об идентичности и государственном строительстве. Предметом анализа стал случай Эпира, в котором проживало значительное греческое население и который, согласно решению великих держав, должен был войти в состав албанского государства. Рассматривая возникший конфликт¹ через призму религии, автор утверждает, что Балканские войны усилили существовавший религиозный раскол и побудили членов сообщества, имевших православную греческую идентичность или симпатизировавших греческому ирредентизму, расценить формирование албанского государства с мусульманским большинством как порождение османского владычества. В случае Эпира две короткие балканские войны были восприняты как одна, которая продолжалась до начала Первой мировой.

Ряд статей в рецензируемых выпусках посвящены теме идентичности. Так, М. Тинас и О. Тюр [Tinas, Tür, 2021] исследуют взаимосвязь между конфессиональной идентичностью и внешнеполитическими ориентациями на примере Ливана. На основе полевых исследований 2016 и 2017 гг. они выявляют восприятие гражданской войны в Сирии различными конфессиональными группами (маронитами, шиитами, суннитами, друзами). По их оценке, система политического конфессионализма ослабляет институциональную структуру ливанского государства и усиливает конфессиональные размежевания и соответствующие идентичности. При отсутствии последовательного общенационального внешнеполитического курса роль конфессиональной идентичности в определении Себя и Другого становится доминирующей: каждая община стремится к самостоятельному экзистенциальному выбору.

В центре внимания Т. Йылдыза и З. Читак [Yıldız, Çitak, 2021] – множественность идентичностей жителей Ближнего Востока. На основе эмпирического исследования группы иракских туркоманов, нашедших в Турции убежище от ИГ (ИЛ), они делают вывод о сложной и динамичной структуре идентичностей ее чле-

¹ В 1914 г. греческим населением региона Северный Эпир (Южная Албания) была провозглашена Автономная Республика Северного Эпира.

нов. Различные компоненты идентичности (этническая, национальная, религиозная, конфессиональная, племенная, в ряде случаев – расовая, династическая, институциональная и пр.) присутствуют у них одновременно и устойчиво, переплетаются и вступают в конфликт друг с другом. Такое соперничество, заключают авторы, может привести к разделению лояльностей внутри видимо монолитной социальной группы.

Роль идентичности в политике Балканских стран посвящена статья Т. Баньеглав [Banjeglav, 2021]. В ней представлен анализ языковой политики правительства Хорватии в отношении проживающего в стране сербского меньшинства. Теоретико-методологическую основу работы образуют теория М. Фуко о состоянии «вечной войны» и фреймовый анализ текстов. Как утверждает автор, язык наряду с коллективной памятью стал в 1990-х годах важным инструментом формирования и укрепления национальной идентичности в Хорватии. Ключевым выводом исследования служит тезис о том, что язык и алфавит меньшинства были фреймированы в дискурсе как средство агрессии одной этнической группы против другой, а не как вопрос о правах меньшинства.

В рамках этой же темы Л. Турнуа и Г. Дьерич [Tournois, Djeric, 2021] исследуют символический, пространственный и культурный уровни идентичности жителей Сербии и Белграда, стремясь обозначить их ситуативную субъектность, их современное самовосприятие и (само)оценку. На основе проведенных опросов они приходят к выводу, что наиболее часто респонденты определяют себя как «я – человек», что указывает на перенасыщение «великими темами» и усталость от них, а также склонность к «передышке» от «истории», «нации» и важных вопросов в целом. Национальная идентичность (в дополнение к городской) является важнейшим объектом самоидентификации. В то же время среди опрашиваемых не было выявлено тенденции к идентификации себя с Европой. Не было также отмечено наличия эмоциональной привязанности к эпохе существования югославского государства.

Помимо статей, в журнале регулярно публикуются рецензии на новые научные труды по проблематике постимперских пространств.

Материалы пяти выпусков журнала *Journal of Balkan and Near Eastern studies* за 2021 год позволяют выделить ряд наиболее актуальных тем постимперского развития. Во-первых, это струк-

турная трансформация региона Ближнего Востока и Северной Африки, дестабилизированного многочисленными конфликтами. Она сопряжена с появлением новых центров силы (или заявками на эту роль) и новой системы отношений между ними, выстраиваемой в различных плоскостях (безопасность и оборона, политическое урегулирование конфликтов, финансы, экономическая помощь, энергетика, инфраструктурные проекты). Особенностью формирующейся региональной системы является активное подключение к ней внерегиональных акторов и большое количество точек пересечения интересов различных игроков по различным направлениям, что пока не позволяет придать ей устойчивость.

Во-вторых, это особенности функционирования экономических институтов постсоциалистических стран в эпоху неолиберализма. Основная проблема здесь видится в том, что экономики стран Восточной Европы и Балкан, хотя и превратились из «переходных» в рыночные, не могут показать значительного роста на протяжении последних 20 (и даже более) лет, несмотря на прямые иностранные инвестиции, капитал и технологии. Во многом это обусловлено не экономическими причинами, а продолжающейся до настоящего времени политической борьбой между сторонниками и противниками либерализации.

В-третьих, это внешняя политика ядра бывшей Османской империи – Турции, включая ее отношения с ЕС. Вызывает интерес характеристика Турции как ревизионистской державы, стремящейся к изменению существующего глобального порядка. Об этом свидетельствуют не только заявления турецкого руководства об «ответственности за регион», но и его инициативная позиция по многим вопросам – от военных до инфраструктурных, а также настойчивое развитие сотрудничества с Россией. Активных противников в лице приверженцев «неомеркантилизма» и защитников «социальной экономики» имеет и официальный проект вступления Турции в ЕС.

Наконец, это анализ конфликтов на Балканах и Ближнем Востоке в русле идентитарного подхода. В качестве нового тренда зафиксирована усталость населения Сербии от «великих тем» и склонность к передышке от «истории», «нации» и других судьбоносных вопросов. В целом для сербов национальная идентичность стала важнейшим объектом самоидентификации, что позволяет

оценивать процесс государственного и национального строительства на Балканах с осторожным оптимизмом.

Рецензируемый журнал интересен и тем, что в освещении тех или иных страновых или субрегиональных тем участвуют местные авторы, т.е. владеющие соответствующими языками и способные анализировать события «изнутри». По нашему мнению, это качество журнала может быть весьма ценным для отечественных исследователей и читателей.

I.R. Lavrov, A.A. Malasenkova*

Review of the “Journal of Balkan and Near Eastern Studies”

For citation: Lavrov I.R., Malasenkova A.A. Review of the “Journal of Balkan and Near Eastern Studies”. *Political Science (RU)*. 2022, N 1, P. 294–308. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.15>

References

- Ahmadian H. Iran and the new geopolitics of the Middle East: in search of equilibrium. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 458–472. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888247
- Al-Ansari M.M.H. The unbridgeable Gulf: applying Bennett’s model of analysis to the 2017 Gulf crisis. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 502–515. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888252
- Aras B., Kardaş S. Geopolitics of the new Middle East: perspectives from inside and outside. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 397–402. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888251
- Aras B., Öztig L.I. Has the Arab Spring spread to the Caucasus and Central Asia? Explaining regional diffusion and authoritarian resistance. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 516–532. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888249
- Bacovic M., Jacimovic D., Lipovina Bozovic M., Ivanovic M. The Balkan paradox: are wages and labour productivity significant determinants of FDI inflows? *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 1, P. 144–162. DOI: 10.1080/19448953.2020.1818039

* **Lavrov Ilya**, University College Dublin (Dublin, Ireland), e-mail: irlavrov@gmail.com; **Malasenkova Angelina**, School of Governance and Politics, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: angelina9909@mail.ru

- Banjeglav T. The Alphabet War: language, collective memory and national identity in contemporary debates over national minority rights in Croatia. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 5, P. 695–708. DOI: 10.1080/19448953.2021.1935075
- Bellak C., Leibrecht M. Investor-state disputes in Balkan, post-Soviet Union and Near and Middle East countries: an empirical appraisal. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 1, P. 101–121. DOI: 10.1080/19448953.2020.1818037
- Bilecen T., Sirkeci I. Sociocultural conflicts and Ottoman settlement policies at the Balkan wars. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 4, P. 533–548. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888601
- Chaziza M. China's friendly cooperative relations with Tunisia in the age of the New Silk Road initiative. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 2, P. 301–320. DOI: 10.1080/19448953.2021.1872013
- Colombo S., Soler i Lecha E. Europe and the 'new' Middle East. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 2, P. 403–422. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888246
- Issaev L. Russia and the new Middle East. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 423–442. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888245
- Kardaş S. Revisionism and securitization of Turkey's Middle East policy: a neoclassical realist explanation? *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 490–501. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888250
- Kinley C. The Balkan war in Epirus: religious identity and the continuity of conflict. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 5, P. 667–683. DOI: 10.1080/19448953.2021.1935077
- Kubicek P. Strictly pragmatism?: prospects for a Russian-Turkish partnership. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 2, P. 233–250. DOI: 10.1080/19448953.2020.1867810
- Minović j., Stevanović S., Aleksić V. The relationship between foreign direct investment and institutional quality in Western Balkan countries. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 1, P. 40–61. DOI: 10.1080/19448953.2020.1818038
- Prašnikar J, Bole V, Dominko M, Lakićević M, Oblak A. Disentangling external flows (external shocks) and policy effects on the credit activities of banks in three emerging countries during the Great Recession. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 1, P. 78–100. DOI: 10.1080/19448953.2020.1818026
- Roy-Mukherjee S., Udeogu E. Neo-liberal globalization and income inequality: panel data evidence from OECD and Western Balkan countries. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 1, P. 15–39. DOI: 10.1080/19448953.2020.1852004
- Satrovic E., Muslija A., Abul S.J., Gligoric D., Dalwai T. Interdependence between gross capital formation, public expenditure on R&D and innovation in Turkey. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 1, P. 163–179. DOI: 10.1080/19448953.2020.1818027
- Tinas M., Tür Ö. Lebanon and the Syrian civil war: sectarian perceptions and positions. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 2, P. 321–338. DOI: 10.1080/19448953.2020.1867803
- Tournois L., Djerić G. Who you are and who you want to be: exploring symbolic, spatial and cultural levels of identity in contemporary Serbia/Belgrade. *Journal of*

- Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 5, P. 709–731. DOI: 10.1080/19448953.2021.1935072
- Uzgören E. Globalisation and the struggle over hegemony in a peripheral context: Turkey's membership bid to the European Union. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 2, P. 199–217. DOI: 10.1080/19448953.2020.1867808
- Vukmirović V., Kostić-Stanković M., Pavlović D., Ateljević J., Bjelica D., Radonić M., Sekulić D. Foreign direct investments' impact on economic growth in Serbia. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 1, P. 122–143. DOI: 10.1080/19448953.2020.1818028
- Wu B. China and New Middle East. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 443–457. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888248
- Yıldız T., Çitak Z. The Multiple identities of the Middle East: a case of Iraqi Turkmen refugees in Turkey. *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 2, P. 339–357. DOI: 10.1080/19448953.2020.1867805
- Zweiri M., AlObaidan A. The second succession in the Islamic Republic of Iran: change or continuity? *Journal of Balkan and Near Eastern studies*. 2021, Vol. 23, N 3, P. 473–489. DOI: 10.1080/19448953.2021.1888253

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Политическая наука» – одно из ведущих периодических изданий по политологии в России, известное и среди зарубежных исследователей, владеющих русским языком. «Политическая наука» как периодическое издание существует с 1997 г.

«Политическая наука» имеет отчетливо выраженный тематический профиль, который отличает ее от других журналов по политическим наукам. Прежде всего, это ориентация на состояние политической науки и ее отдельных направлений, обзор и анализ современных научных достижений. Центральное место среди публикаций занимают статьи и иные материалы методологического характера, имеющие особую важность для развития научных исследований. Особенностью журнала является систематическое использование жанров информационного и информационно-аналитического характера (рефератов, реферативных обзоров, рецензий и др.), представление других научных журналов, исследовательских центров и проектов.

К публикации принимаются научные статьи, обзоры, рефераты, рецензии, переводы. Тексты предоставляются в электронном виде по адресу: politnauka@inion.ru; politnauka1997@gmail.com (просим направлять материалы на оба адреса) в форматах .doc или .rtf.

Основные требования к рукописям:

Кегль – 14, межстрочный интервал – 1,5.

Объем – 30–40 тыс. знаков (включая пробелы) для статей и 16–24 тыс. знаков для рецензий на книги.

Графики и диаграммы должны дублироваться в файлах формата .xls, .xlsx (чтобы сделать возможным их дальнейшее редактирование).

Рисунки и схемы желательно создавать в форматах .ppt, .pptx или .jrg. Соответствующие файлы также прилагаются к рукописи.

Текст, таблицы, диаграммы, графики, рисунки и схемы должны быть выполнены исключительно в черно-белой графике.

С целью соблюдения авторских прав заимствованные из других изданий элементы (рисунки, схемы, графики, таблицы и пр.) должны сопровождаться ссылками на первоисточники.

Ссылки на литературу внутри текста даются в квадратных скобках с указанием фамилии автора, года публикации и страниц. Материалы могут иметь постраничные сноски.

В конце текста приводится список литературы и источников – в алфавитном порядке без нумерации; сначала русские источники, потом иностранные. При этом необходимо соблюдать требования библиографического оформления, принятые в ИНИОН РАН, и правила, установленные Национальным стандартом РФ (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

К рукописям прилагаются аннотации на русском и английском языках (от 200 слов).

В полном объеме приводятся фамилия, имя и отчество автора, место его работы, должность и контактная информация.

Решение о публикации рукописи принимается на основе отзыва рецензентов. **Плата за публикацию не взимается.**

INFORMATION FOR THE AUTHORS

Political Science (RU) is one of the leading Russian periodicals in the field of the political science. Founded in 1997, it is well known among foreign researchers.

The specifics of Political Science (RU) is its thematic profile. The main focus of its interests is the state of political science and its particular areas, as well as the analysis of modern achievements in the field of the political science. The central place among its publications belongs to articles of a methodological nature. The journal also systematically publishes review articles, review essays, book reviews and, abstract reviews, introduces and recommends other academic journals, research centers, research projects.

«Political Science (RU)» accepts manuscripts of the following genres: research articles, review articles, review essays, book reviews,

abstracts, translations. Authors are invited to submit articles through e-mail politnauka@inion.ru and politnauka1997@gmail.com.

Manuscripts should be printed in Microsoft Word or RTF format, in standard 14-point type with 1.5 lines spacing. The maximum length is 5,400 words for article and 3,200 words for book reviews.

Charts and diagrams should be duplicated in.xls or.xlsx format in order to enable further editing.

Pictures and schemes should be duplicated in.ppt., pptx, or JPEG format. Texts, tables, charts, diagrams, and pictures must be executed in black-and-white. Pictures, diagrams, charts, tables and other elements taken from other publications must not violate the copyright law and should be accompanied by citations to the primary sources.

A list of references should be placed at the end of the manuscript. The sources should be listed in alphabetical order without numbering, first Russian sources, then the foreign ones. References should follow the rules of the Institute of Scientific Information for Social Sciences and the bibliographical standard of the Russian Federation (GOST R 7.0.5–2008). Citations in the text should be enclosed in square brackets and must include the name of the author (s), the year of the publication, and the number of pages. Footnotes with text comments are also possible.

A manuscript should be accompanied by the annotation in Russian and English, no longer than 200 words. Authors must provide their full name, the place of work, position and contacts.

All articles are subject to anonymous peer review by scholars in the relevant field. An article can be accepted, sent to the author for revision and resubmission, or rejected. **The publication is free of charge.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Адрес редколлегии:
117997, г. Москва, ул. Кржижановского, 15, ИНИОН РАН,
Отдел политической науки,
e-mail: politnauka@inion.ru

Оформление обложки И.А. Михеев
Техническое редактирование и
компьютерная верстка Л.Н. Синякова
Корректоры Д.Г. Валикова, М.П. Крыжановская

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.**
Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ПИ №ФС77–36084
Дата регистрации 28.04.2009

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25 / II – 2022 г.
Формат 60 х84/16 Бум. офсетная № 1 Печать офсетная
Усл. печ. л. 18,0 Уч.-изд. л. 17,0
Тираж 500 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ № 1

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел.: +7(925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96
e-mail: shop@inion.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
В ООО «Амирит»,
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88 литера У